

ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №3(6)

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2021

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№3(6)

Издаётся с 2019 года

ТЮМЕНСКИЙ
ДОМ ПЕЧАТИ

ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50

АО «Тюменский дом печати»

Тюмень

2021

УДК 82
ББК 84
Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах.

Автор идеи и куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2021. – № 3(6). – 320с.

**ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
И ТЕХНИЧЕСКОМ СОДЕЙСТВИИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках третий (шестой) номер литературно-художественного альманаха «Гиперборей».

Альманах посвящён своему трёхлетнему юбилею, а также знаменательным датам: Международному дню мира, Дню переводчика, Дню знаний и Дню учителя, а также Дню рождения экологической организации «Гринпис» и Всемирному дню сердца и красоты!

Цель тематического альманаха – укрепление, сохранение и развитие межнациональных и межрегиональных литературных и культурных связей, содействие соотечественникам, проживающим в ближнем зарубежье на основе тридцатилетнего опыта деятельности Союза российских писателей, повседневная работа направлена на достижение социальной стабильности, мира и согласия, на возрождение и поддержку практики перевода произведений отечественной литературы на языки народов России и распространение на русском языке современных произведений литературы младописьменных народов Тюменской области, вносящих уникальный вклад в культурное многообразие современного мира, вклад, способствующий формированию позитивного имиджа России за рубежом.

Спешите познакомиться с произведениями авторов евразийского культурного пространства и, в частности, с гиперборейцами – жителями самого северного региона России.

ISBN 978-5-87591-313-6

ISBN 978-5-87591-355-6

Возрастная категория: 14+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

© Тюменская региональная организация
«Союз российских писателей», 2021

«СТУДЁНАЯ ЗВЕЗДА ГЛУХОНЕМЫХ ВРЕМЁН...»

«Так в чём исток сибирского характера?»

...Можно этот вопрос и без кавычек задавать. Ибо он – не только заглавная строка стихотворения Николая Шамсутдинова, открывающего одну из его ...книг, но он – едва ли не ключевой в моих размышлениях о творчестве этого поэта – одного из самобытнейших российских стихотворцев, принадлежащих к моему поколению. К тому поколению, что пришло в середине 70-х к обширной тогда ещё всесоюзной аудитории. Именно в силу своей самобытности Н. Шамсутдинов воплотил в творческих путях и поисках, во всей литературской судьбе **характерные, «генетические» черты поколения, к которому принадлежит...**

...И следом – в пьяных смолах по карнизы –
Слепя и статью радуя своей,
Из глухомани выхлестнулись избы
Рязанских да коломенских кровей.
Сибирь, она и глад, и холод вынесла,
Всегда глядела вдаль из-под руки
И в страшный год на мощном гребне вынесла
В бессмертие – сибирские полки...

Быть может, вот он, не только исток, но и стержень нынешнего сибирского характера, – в ярой, молодой силе, целиком отданной созиданию, зажжённой порывом безоглядно вкладывать себя в освоение таёжных просторов? Может, он в этой песне озарённой и влюблённой души?

Я жаждал работы. Я, к делу примерясь,
На лыжах глотал за верстою версту.
Я бил по распадкам тяжёлого зверя
И влёт – оперённую стужей звезду.

Я видел, как зори текут по карнизам,
Как, полымем смазав рассветный восток,
По снегу струятся червонные лисы
В багрянце и меди тяжелых хвостов.

Два года – две жизни! Я дерзок и весел.
И, вышвырнув двери, я вижу – туга,
В кустах вороная, зелёным замесом
На весь горизонт наплывает тайга...

...Ах, в какой восторг приводили меня эти строфы из «Прощания с юностью» – и до сих пор жив во мне тот восторг, – перед действительно животворной мощью, коей они преисполнены и, по сути, и по звучанию, по экспрессии и динамике мускулистой и одухотворённой стиховой плоти; с какой радостью и гордостью за своего товарища «в поколенье» я цитировал их в статьях и обзорах двадцатилетней давности.

И не случайно под пером Николая Шамсутдинова родилась поэма «Покорители». Это мощное и страстное произведение протеста против надругательства над Землёй (и с большой буквы тоже – над планетой, над всем живущим и сущим на ней) достойно отдельного обзора и анализа сегодня, через десять с лишним лет после своего рождения, быть может, даже в большей мере, чем прежде, перечитывая шамсутдиновскую поэму, убеждаюсь: она осталась как **факт русской поэзии**.

Миф, творимый сегодня Николаем Шамсутдиновым в новых стихах, – это действительно торение новой поэтической дороги. Прежде всего – к самому себе. К собственной духовной сердцевине. Создание своего образа русско-сибирской античности – в её чистоте и ясности, не замутинённых нечистью дней идущих...

И если меня спросят: жив ли он сегодня, настоящий сибирский характер, живы ли его истоки? – я знаю, что ответить.

Я отвечаю: читайте поэта Николая Шамсутдинова.

С.А. Золотцев,
советский и российский поэт,
прозаик, переводчик, публицист,
литературный критик, Москва
(статья публикуется в сокращении)

Николай ШАМСУТДИНОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

26 августа 2021 года 100 лет со дня расстрела

*Аддис –Абеба город роз...
Николай Гумилёв*

...и, убит, поэт – не в ясном размышлении о небе
Он – в полунощном застенке, где обугленное слово
Разнимают на оттенки...

Подплывает кровью жребий,
Да, забвение поэта Николая Гумилёва.
Офицерской чёткой стати, выжат зноем Абисинии
(роза росами навоггла...),

данник вечности и долга,
Не плутал, поэт в миссиях – нарастая по России,
Вдрызг разбрызгивая жизни, шла кровавая прополка.
Умолчаний полон, тёмен голос яви – полустёртый,
Жизнь пишет – без нажима,

полуправда – вполнакала,
Ибо, тридцатитрёхлетний – тьмой спелёнут,
распростёртый

Заскоруюлю Голгофой оглушённого подвала,
Где окуклился из праха пьяный демон отрицанья
Состраданья...

Вне законов милосердия и культуры,
Как заложник **отрицанья**, тлеет Божие создание
В обезбоженном сознание «пролетарской диктатуры»,
Ведь пьяней вина – химеры о тотальном благе, счастье,
Обоснованны и жертвы, и, конечно ж, не напрасен
Силлогизм «высшей меры»...

В пароксизме «высшей страсти»,
У отравленного властью – неподкупен взгляд и ясен.
Череп – песком – стекают... Аналогии – нелепы,
Полуправда – вполнакала.

...за провальной кромкой лета,

На слепой бетон подвала

вытек взгляд Аддис-Абебы

Из простреленной глазницы распротёртого поэта...

1979

ПРОРОЧЕСТВО АННЫ АХМАТОВОЙ

эссе

Сто лет назад, глубокой ночью, уже на запеве 26 августа 1921 года, был расстрелян в Петрограде российский поэт Николай Степанович Гумилёв, автор замечательных стихов, супруг выдающейся поэтессы Анны Андреевны Ахматовой, в девичестве А.Горенко...

И так было угодно распорядиться судьбе, чтобы 28 лет спустя, на исходе ночи 26 августа 1949 года, на свет появился ваш, дорогие читатели, покорный слуга, которого, кстати сказать, ждали ещё предыдущим днём, 25 августа с.г., но который, в силу, судя по всему, родной, присущей роду кн. Шамси строптивости, отложил своё появление на ещё один, долгий для родителей его, день ожидания... Но не в этом заключается суть моего обращения к вам...

Отмечу лишь, что в достославные восьмидесятые прошлого века довелось как-то мне получить от Союза писателей СССР приглашение принять участие в торжествах по случаю 100-летнего юбилея Анны Ахматовой, при сопутствующем этому событию открытии мемориальной квартиры-музея Анны Андреевны в доме на Фонтанке, иначе – Шереметьевском дворце, где долгие годы и проживала, влача нищенское зачастую существование, великая поэтесса... Но – опускаю подробности этого искромётного, в стихах и музыке, праздника, остановившись лишь на одном, едва ли, на первый взгляд, многозначащем обстоятельстве, но, тем не менее задающем тон дальнейшему моему повествованию: учитывая

хронический дефицит хорошей литературы, царивший о ту пору в стране, не пожалел я денег на приобретение редких, а по большому счету и уникальных, книг... На память же о юбилее – несколько поэтических сборников Анны Ахматовой, которые захватил с собой в салон, чтобы скоротать за чтением долгий путь до Сургута. С удобством, насколько позволял в ту пору ненавязчивый сервис Аэрофлота, расположился я в кресле и погрузился в чтение...

Между тем время текло, мерно гудели самолётные двигатели, шелестели переворачиваемые книжные страницы, и ничего, на первый взгляд, не предвещало потрясения, которое я испытал, перелистнув очередную страницу со стихотворением «Колыбельная», датировка создания которого гласила – «26 августа 1949 года (после обеда), Шереметьевский дворец». Я прямо-таки похолодел, ведь родился я именно 26 августа 1949 года, лишь только ранним утром... И, по воспоминаниям близких, в течение целых суток упорно не хотел выходить на Свет Божий.

По поводу подобных ситуаций существует вполне научная (?) теория, из которой следует, что будущий сын человеческий, находясь ещё в материнском чреве, уже как бы осведомлён о том, что ожидает его в грядущей жизни.

Поэтому-то и, выходя в наш суетный мир, первым делом издаёт он первый в своей жизни (протестующий?) крик, и тотчас же Господь накладывает на уста его персты, и тогда младенец напрочь забывает о том, что предназначено ему судьбой... Не рискую ли я прослыть голословным, предполагая по прошествии времени, что пережил нечто подобное?

Так вот, если следовать этой доктрине, то действия будущего младенца, упорно не желавшего выходить во внешний мир, если учитывать при этом те, и принятые до сей поры, и принимаемые им, безнадежно «повзрослевшим», «поражения» от немилосердной, что скрывать, действительности, то с полным основанием можно утверждать, что эти действия младенца, ещё, на неискушенный взгляд – бессознательные, носили вполне осмысленный характер. Он, следовательно, активно сопротивлялся предопределяемому ему будущему, той жизни, к которой был загодя приговорён судьбой. И... в этот драматический, вне всякого сомнения, момент из больничного коридора раздался голос будущего отца его, пришедшего ранним утром навестить молодую мать своего ребёнка, и непременно же – сына. И, можно сказать, тут же вот, тотчас! младенец усилиями хирургов благополучно был явлен Свету Божиему.

Впрочем, от северных коллизий вернёмся, к двухстрочному стихотворению Анны Ахматовой, которое, написанное ей буквально через несколько часов после моего рождения, за тысячи вёрст от Ямала, получило название – «Колыбельная». Совпадение? Маловероятно... А вот по прочтению его моё утверждение не покажется случайным...

К глубокому сожалению, в памяти моей отложилась лишь первая строфа, которая звучит следующим образом:

*Я над этой колыбелью
Наклонилась чёрной елью...
Бай, бай, бай, бай...
Ай – ай – ай – ай...*

Хочу отметить то обстоятельство, что благодатные мои, «северные», годы, выпавшие и на детство моё, и на юность, не заслуживают подобного, этого горького рефрена, поскольку протекали они довольно благополучно, при родителях, служивших, как помнится мне, в системе торговли...

Когда же, выйдя, наконец, на пенсию, благополучно отбыли они к своим «пенатам», на юг области, мне, лишь начавшему познавать «свинцовые мерзости жизни», говоря откровенно, пришлось довольно туговато, так как я, в свою очередь, отбыл в другой город, где в значительной мере, при житейской-то неопытности и молодой горячности своей, с избытком хлебнул разного рода предательств и трудностей. Но об этом – в следующем материале...

25 августа 2021 года, Тюмень, Николай ШАМСУТДИНОВ

*** * ***

Я не ведал про наш род, берущий начало
в Индии: и сурова, и в меру нежна,
матушка моя (в силу причин?) умолчала,
что, по древнему роду, рождением – княжна,
избежавшая рока... И вот, в назиданье
сей «беспамятности», память теплит – втройне
незабвенное для посвящаемых: «Знание

(по Платону) есть припоминанье...», вовне
осени eschauffe... Посему – прозорлива,
ибо для большинства – не от мира сего,
сама мысль о генезисе – жизнелюбива,
открывающая человеку – его
самого себя: и выходящим из бара,
и высвистывающим стихи, всё одно...
Только сам по себе, жанр сердечного жара
адресуем Создателем матушке... Но,
поглощён и утаиваем подсознанием,
отзывается, прямолинеен, ему –
ужас жизни, разжалованной прозябаньем
до самоистязания, сударь, чему,
быстротечен и, в сущности, бесчеловечен,
мир (чаруем приبلудною музою, лишь –
без взаимности) не открывает, увечен
отрицания вечности в каждом. Фетиш
безысходности, тем и пикантней верлибр,
иссушающий суть дарования. При
одиночестве – в роли наставника, выбор
делает анапест, сколько в корень ни зри...

* * *

Уязвляемы взглядами присных, в тени
обстоятельств, склоняемые к мимикрии,
не спешите с идеями в массы – они
разуверились, массы, в «идее мессии»,

между тем как в язвительнейшей из систем,
обладает ли внутренний голос, мужая,
правом голоса? Душеприказчица (?), чем
переимчивей в масках реальность, чужая,

тем её истечение интенсивней... Анфас
к наступающему, не обещает уюта,
ибо вечности тоже отпущено, да-с!
своё время. Тем паче, одержимей цыкута

ждёт Сократа: жизнь (к ней мы вернёмся) верна
постоянству, мой друг, в переменах. Издревле
измождённая маска реальности – на
трансцендентном лице ирреальности... Тем ли

воздухом эволюции дышит герой
трансформации? Взнуздан прогорклой тщетою,
кровный узник действительности, прободной,
ровно язва, – фамильной богат нищетою,

чьи черты предначертаны роком... Вполне –
из вакхических фурий, впадающих в детство,
чем скабрёзнику самоирония – не
средство от самоедства? По сути, наследство

подзабытого прошлого, ждущего «фас!»
за спиной обречённого. При расах, как «классах»,
что им до эйфории критических масс?
Сатана – в их апокалипсических пассажах...

* * *

*Из шести городов изгоняли Гомера...
После смерти его шесть городов спорили
за право называться его родиной.*

Геродот

Тьмы убогих, что пренебрегают дуэтом
с совестью, коль лишены её, – в мере
интервенции, заданной им интернетом, -
зависающим в зависти, стадным Сальери

свежей выпечки, что не «грешат» пуританским воспитанием, ведь гений, толкаемый к Лете, ими так и предъявлен – не вегетарианским нравам, что отказали нам в приоритете,

в первенстве духа: да-с! при дешёвых прогнозах, скопом, сдержанности в исступление не зная, массовое «ничто» - в мутных метаморфозах, серость преобразуема в «нечто», дерзая (с выгулом простодырых амбиций...) на смелость притязать на успех. В патоке сервилизма, заскорузлая в комплексах, вечная! серость искусшаема логикой сальеризма...

В то же время, быв и соискателем мирта и в прогнозах кликушествуя вне сомнений, серость тлеет – в формате повального флирта с музой, что в упование иных отношений... И при серости, адресно бесчеловечной, индивидуум, как загнанный, поработаем арией мерцательной, то бишь сердечной, ритмии и в кару свою – обращаем:

жизнь в затворничестве творчества –

сушая схема,

от неё, скопом, не упасаются бегством...

Но при ней, что заштатным шантаном хулима, глубже автор, своим же тестируем текстом, не в умозаключеньях – в трудах, истязая ночным бдением рассудок, ведь – трудник от века, ибо не одному, воодушевление питаю, ум спит – слепотою великого грека...

* * *

Одержимый собою – в умоисступленье,
не дающем сомкнуть воспалённые вежды,
коль, в густонаселённом самозаточеньи,
обездвижены, универсальны, надежды
на счастливый исход. Не соперник Горгоне
в многомерности зла, как и в варварских играх,
с мором в телепатическом диапазоне,
преисподнею дышит – замурованный в микро-
мире... Либо он, мир, замурован в нём, с вето
на иллюзии? Суть стоицизм, препарат
коррозийных коллизий, для анахорета
одиночество – анахронизм. Ретранслятор
вышних сфер, пеленгуемых сердцем, по касте –
так себе, частность, вирус самоистязанья,
преломляемое в размышленьях ненастье
неврастеников натаскивает на стенанья
в адрес фатума... Не биология боли
занимает умы: в безголосом смартфоне,
в голосе! покрепчав, - эволюция воли,
по ту сторону мора, в ночном марафоне
духа, не поднадзорного самозаточенью
индивида в себе... Неусыпна природа
бдёнья и, наставляя оброчных терпенью,
ждёт от единоборства с тобою – приплода,
как исхода, резонного при несвареньи
омерзения от обыдёнщины, что не
по душе толмачу пандемий – в искупленье
появленья на свет, в чьей бессмыслице тонет
человек, по природе своей быв бесцельным
в притязаньях на поприще пророчицы-пряхи,

в свою очередь, жив, в ожиданье, - прицельным
обновленьем своим, индивидуум, через прах и...

* * *

Арендуема штаммами штампов, да что там ни прячет
за шарадами жизнь, Парками предрешённый (?) утиль,
с ученичеством в иночестве, овладеть собой, значит,
взять судьбу во владение. Чисто лирический штиль
в брэнной данности, ибо открещиваются от кисло
рассуждающих о постороннем, как потустороннем.

Иль нет?

При нежизнеспособности, вечные поиски смысла
жизни и обесмысливают эту жизнь. Конфидент

матрицируемой виртуальности, он и поныне
в съёмной вечности, что – в запустенье,

приличий не чтя,

но – в сени густолиственной,

чуткой к Катуллу латыни,

милостью ГОСПОДА, трудник, а не отставник бытия,

бытием же и уподобляемый книге прочтённой,

с чуткой женщиною, одомашнившей б даже и ад,

воспитаньем Горацием так глубоко заточённой

в утончённости майской камелии, прячущей взгляд

от погрязших в двуличии, что перепончато-чутки –
к честности и открытости праведников.

В простоте (?),

оступаясь в проступки – по малому счёту, уступки

подлости, уступают, подонки, себя пустоте

в душах, искореняемых нелюдями, ведь всё реже

Божьи Искры в них...

И, не повального ли мора в них знак,
и мотивы всё те же, и нравы, признаться, всё те же,
и, проstack, индивидуум всё тот же круглый дурак...

* * *

Пожизненный, в маске, Вергилий, – угожьями тлена,
беззвёздною ночью, где, в мороке, каждый – фантом,
строптивец, келейно ломаемый через колено, -
храним, среди нежити, чернорабочим пером...

С претензиями парвеню – по масштабу вселенной,
при склонности к мелочным склокам, что горше всего,
суть цивилизации, будучи галлюциногенной,
кромешнее в глюках и благословляет его.

Быт – бьёт, и – без промаха. Тем саркастичней улыбка
в свой собственный адрес, порой от себя далеко-о-о:
по Ларошфуко, наш эмпирик, «большая ошибка –
думать, что другие глупее тебя...». Далеко
не выходцы из фэнтези, но – высекая изжогу
из присных, дав слово депрессии, длящей запой(?!),
всё чаще блефуют, сводя монолог к диалогу,
и вне экивоков, но только, признаться, с собой,

пока, с высоты птичьей оптики зря лихолетья
и болью зашкаливая в защемлённых чертах,
следит время за репетицией, трудник, бессмертья,
что заключена в каждодневных трудах, - на ножах,
shere, с праздностью, в до-олгом зиянье зевоты из зева,
пока – беспробудные будни, чей избыток гнетёт,
гнетут диагноста реальности боли и гнева,
будя интенсивность (экстенсивность)

ассоциативных тенёт:

при тяжбе с судьбой, взяв терпенье на вооруженье,
мордуем, сам – кровоподтёк, мародёрами от
«изящной» словесности, не обретёшь утешенья
ни в эпосе, ни в энтропии, что эпика ждёт,

покуда, забившись, в разладе с собой, - в отрешённость
от времени, выброс чей, не иссякающий, точь
в точь – выброс стихии, что опровергает резонность
твоей безвозмездности, трудник, в беззвёздную ночь...

* * *

Жизнь, по существу, отказавший духовному бденью,
покуда прозрение часа урочного ждёт, -
пройдя школу шока, он роком ведом к осмысленью:
жизнь – вечный кошмар,

что, в наветах, «ни в жисть» не умрет:

так серость выкладывается, язвя, в изживанье
«нацмена» из жизни, что здесь, изуверов среди,
всё непостижимее «дерзость» его выживанья –
в плодящихся подлостях потной среды. Впереди

погромы здоровья и психики! По-ко-ем брезжат
ему, страстотерпцу, заветные кущи в раю,
пока в чёрном теле – не тело, удушливы, держат
его душегубы – скорбящую душу свою...

Продукт истязаний, он – сгусток самообладанья
но не адаптивен к реальности, ибо сама
боль, став ему, горькому, формой существованья, –
отнюдь не фантомна и сводит строптивца с ума...

При музах, сдающих позиции, иносказаньем
едва вуалируя суть, и цинично скорбя
о мистифицируемых, он помыкаем сознанием,
уже – осознавшим прогорклою клеткой себя...
Врождённой враждебностью, друг,

к бесхребетности – школа
судьбу, как ни ропщет, но, анахронизму сродни,

эволюционируя, твёрже в лишениях воля,
отдав насыщенью трудом бесконечные дни...

Меж тем неразумные массы, в брожение и давке,
заложники ложных доктрин, очумелы, как гурт, –
в реальности, перенасыщенной монстрами Кафки –
живут паранойей и, в ней, утверждают абсурд...

При альтернативе: стреляться, sheri, либо спиться,
поскольку иного, в рефлексиях сих, не дано:
эстетикою наслаждения – не заслониться
от лютои и бессердечия извергов. Но,

протравленный травлей,

ожившись, лингвист, в удушенье
бездушьем лемууров, он тем и крамолен (?), в глуши:
состав его крови, «сомнителен», есть преступленье
заложнику жизни, изложенной «жистью» во лжи,
как некогда, чаемым не приручаем, в Паланге...
Пока прихожанка, задушевною статью светла,
в нём суть не прозрела,

напевно прорекшая «А-а-ангел...» –
ему, страстотерпцу, и тьму от души отвела...

Заложница брeнности, в скепсисе неуголима,
жизнь, выжжена болями, - не заурядный коллаж
дежурных коллизий, тех, чья достоверность судима...
Да, при тиражах, что, подённые, вышли в тираж,
духовное бденье, оттачивающее зренье
«нацмена», даёт суверенность в аскезе, где пуще всего,
язвит, обрекаемый (?) на прозябанье в забвенье,
мир в горькой тетради – уже не от мира сего...

2020, Тюмень

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

Вера ХАМИДУЛЛИНА - поэт, переводчик, издатель.

Член:

- ✦ Союза российских писателей (2008),
- ✦ Союза писателей Республики Татарстан (2010),
- ✦ Литфонда России (2010),
- ✦ Союза писателей XXI века (2012),
- ✦ член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (ПАНИ) (2020).

Вера Петровна Хамидуллина родилась 28 мая 1960 года в городе Краснотурьинске Свердловской области.

Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля (1977), факультет физического воспитания Казанского педагогического института (1981), магистратуру института филологии и межкультурной коммуникации имени Л.Н. Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета (2016).

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, заместитель главного редактора литературного журнала «Аргамак. Татарстан», председатель комиссии по детской литературе Союза российских писателей.

Руководитель билингвального литературно-издательского проекта «Современные авторы – детям».

Автор более двадцати научно-популярных изданий, сборников стихов, прозы и переводов, в том числе для детей, а также научных публикаций по сопоставительному литературоведению и художественным переводам.

Лауреат Берлинского Международного конкурса «Книга года – 2012», премии Всероссийской библиотечной ассоциации и журнала «Веси» (2018), X-ой литературной премии имени М.И. Цветаевой (2020). Призёр и финалист: конкурса переводов «Наследники Лозинского» (2006-2008 гг.); Всероссийского фестиваля фестивалей ЛиФФТ (Сочи, 2018); Международного конкурса им. Франца Кафки (Прага, 2018); «Детское время» (Калуга, 2019).

Живёт в Набережные Челны, Татарстан.

***Редколлегия литературно-художественного альманаха
«Гиперборей» поздравляет Вас, Вера Петровна,
с Международным днём переводчика!***

***Желаем Вам новых творческих свершений во благо отечественной
литературы и на радость Вашим читателям!***

ДЖИННО-ДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Джинн – разжигатель страсти,
огненное начало –
был загнан на дно бутылки и сургучом запечатан,
и брошен с утёса в море, точней стал исчадием ада...
А Сулейман-победитель рай получил в награду...

Простенькая легенда,
а продолжение длинно...
Сколько с тех пор поколений освобождало джинна:
в пекло кидалось, в пропасть, лезло на дно бутылок –
мир им казался блёклым без джинна и жизнь пустынной.

Если есть рай – для Евы яблок пригонят тонны!
Недра земного ада бьют нефтяным фонтаном.
Демон цивилизаций трубопроводом пойман.
Баррель отныне служит
всем золотым истуканом.

Чёрное золото в розлив диктует конфликты и войны –
яблоко всех раздоров, всех воюющих станов.

Чёрная сущность нефти рвётся многоэтажным:
то в океане танкер плёнкой одарит пляжи,
то буровая вышка где-нибудь в Мексиканском
выплеснет нефть натужно диким потоком гадским.

Глубоководный мир,
птичий или же человеческий –
в них между жизнью и смертью не существует различий.
Между сырьём и продуктом отрезок катастрофичен...
Так было и будет вечно: потомкам Евы беспечной
к каустобиолитам доступ не ограничен.

* * *

Кратеры над планетой –
Фудзи, Везувий, Этна,
спящие до поры.
Балбалы стылой лавы
слева стоят и справа
детищами горы.
Жизнь у подножья вулкана –
адреналин, нирвана
для безрассудных душ,
свыше ли повеленье –
всем нам время от времени
нужен огненный душ.
Кто подбирался выше,
слышал, как горы дышат.
Будто сама Земля
спит – пузыри пускает:
с виду как есть простая,
в сердце – поток огня.
Огненные драконы
в недрах годами стонут.
Выпустит их гора
или, людьми разбужен,
выйдет дракон наружу –
значит, не жди добра.
Ждать и надеяться глупо:
мол, не про нас разруха,
до нас, мол, не долетит...
Хат не бывает с краю...
Делаем вид, что знаем
и спим... А Земля-то не спит!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ С ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

АЛЬФИЯ СИТДИКОВА

В пространстве

 галактических широт
у каждого из нас есть свой мирок.
Мы ходим лабиринтами дорог,
шагами, измеряя жизни срок.

Нам не доступна ценность бытия
и счастья, что нам дарит мудрый Бог.
И вот уже проложена стерня
своим серпом, и сложен личный стог.

Земля объята заревом войны.

Горит,

 горит наш беспокойный век.
И пепелищем стал наш общий дом,
где костровым назначен человек.

Сплошь просеки на теле у лесов,
в пустыни превращаются поля...
Вскачь гонит время.

 В цокоте подков
не слышим, как волнуется Земля.

Она страдает, сжатая рукой
безжалостного деспота – людей.
А мы ликуем и чиним разбой
не становясь ни чище, ни добрей...

РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН

ЗАСУХА

Почему человек обрывает струну золотую?..

Зной! Жара!

Земля засохла!

Вся вода вот-вот уйдёт.

Взглянешь –

вроде и не плохо,
только голод щерит рот.

Птицы в стаях не летают.

У сердечников – инфаркт.

В шубе только моль порхает
и не жарко моли – факт!

Ветры воют.

Сохнет поле –
куча трещин в пол руки.
Так пойдёт – растают вскоре
в Антарктиде ледники!

Вспыхнет то село и это,
дымом дышит вся страна.

У природы с человеком,

Знать,

гражданская война!

...Это Божье испытанье:

уберечь и подсказать
гордым отпрыскам Адамьим
или место указать.

Ното sapiens, резвишься?
Обскакать решил Творца?
Натворить,

чтоб в шишли вышли
и Земля, и Небеса?!

...Но нет-нет, устав от битвы,
человечий индивид,
о дожде творя молитву,
в Небеса её вопит...

РУСТАМ ЗАКУАН

ДЕКАБРЬСКИЙ ДОЖДЬ

Природа корчится в конвульсиях,
похоже, спутала сезоны.

Ждём снега,

капает эмульсией
дождь, словно осени вдогонку.

У земледельца в сердце паника,
весны он ждёт по расписанию.

Год спутал всё:

и кнут, и пряники.
Дождь в декабре – вот наказание!

Но что поделаешь? Терпи село!
Ты, хлеброб, имей терпенье.
Пусть нам с погодой так не повезло,
Дождь – это слёзы очищенья...

КАМИЛЬ ГИЛЬМУЛЛИН

КАК РОК МУЗЫКА

День жаркий –
будто бы в парной,
вот-вот и вспыхнет
воздух с треском.
Скулит мой город –
пёс шальной –
в тоске о лоне деревенском.

Как в муравейнике
снуют
по улицам машины, люди.
Шум-гам
врывается в уют –
покоя сердцу здесь не будет.

Гигантский город,
молодой,
весёлый и в листву одетый...
Да вот
под заводской трубой
душе претит встречать рассветы.

Рок города звучит сильней,
он купол неба
рвёт на лиги...
Один уставший муравей
стучит в ворота
«Красной книги».

**«КРИТИКА – НАУКА
ОТКРЫВАТЬ КРАСОТЫ И НЕДОСТАТКИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ»**

А.С. Пушкин

«В СУДЬБУ, В ДЕТЕЙ, ВО ВНУКОВ ПРОРАСТАЯ»*
*феноменологические заметки на полях
альманаха «Гиперборей»*

На тугих парусах, овеваемых солёными ветрами, в неистовом кружете, (да простят меня великие поэты!) ворвался в просвещённый мир России новый литературно-художественный альманах «Гиперборей» - орган издания Тюменской региональной организации Союза российских писателей, которая объединяет писателей трёх субъектов Российской Федерации: Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО - в могучее писательское содружество.

Идея новой культурной инициативы у выдающегося писателя-гуманиста, основателя новой словесной эстетики Николая Миркамаловича Шамсутдинова возникла давно. Со временем концепция литературно-художественного альманаха «Гиперборей» выпестовалась на основе композиционного и культурного единства и в 2019 году воплотилась на практике. В 2020 по просьбе авторов и читателей альманах выходит один раз в полугодие, а в 2021, в год 30-летнего юбилея Союза российских

писателей, куратор издательского проекта Н.М. Шамсутдинов принимает решение издавать альманах ежеквартально, что само по себе – явление редкое.

Диктуется такая периодичность большой духовной потребностью читателя и полноценно обеспечивается крепким авторским коллективом. Казалось бы, времени прошло совсем мало, чтобы подводить итоги проделанной творческой работы, но они оказались столь значительны, что появилась потребность внимательнее познакомиться с первыми пятью выпусками альманаха. Издание оформляется в едином полиграфическом ключе, где основным компонентом служат картины художника-славяниста Александра Угланова.

В подготовке аналитического обзора «Гиперборея» применён сквозной (кольцевой) метод, когда в одном блоке по возможности исследуется, например, одна, общая, значимая тема, отражённая во всех пяти номерах альманаха, или аналогично - оценивается творчество одного или нескольких авторов, чьи работы объединены общей творческой задачей. Иной раз фамилии авторов в заданном контексте просто перечисляются, что не делает их творчество менее значимым, в других сегментах авторство расшифровывается, анализируется подробнее, указываются номера «Гиперборея». Однако фамилию, имя каждого упомянутого автора с названием произведений можно найти в соответствующих алфавитных указателях и в оглавлениях каждого номера.

Литературно-художественный альманах «Гиперборей», заявивший о себе как издание высокой гражданской направленности, строго структурирован по разделам и жанрам, названия каждой рубрики подобраны из цитат классика XIX века А.С. Пушкина: гражданская, любовная и пейзажная лирика под названием рубрики «Минута - и стихи свободно потекут», проза – «О чём, прозаик, ты хлопчешь?», литературно-художественные переводы с коренных языков национальных поэтов России представлены в рубрике «И назовёт меня всяк сущий в ней язык», произведения для детей – «Откуда ты, прекрасное дитя?», юмористические и сатирические рассказы, новеллы, миниатюры, эпиграммы, пародии, афоризмы, притчи – «О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!», песенный цикл – «Лейся песня!». Отрадно, что в альманахе уделяется внимание молодой литературной поросли «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Особо хотелось бы подчеркнуть, что культурологические работы

«Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы» публикуются в начале каждого номера альманаха. Это новшество чрезвычайно радует.

Появилось много самобытной публицистики и литературно-критических материалов. Во всех этих жанрах ярко выражено авторское начало. Материалы ориентированы на глубокое постижение, как привычных явлений, так и эпохальных событий с точки зрения сегодняшнего дня. В текстах «Гиперборей» каждый автор проявляет индивидуальный потенциал. Наполнение альманаха материалами именно такого характера полностью соответствует типу издания.

Большую роль в подготовке первого номера, посвященного 25-летнему юбилею Тюменской региональной организации Союза российских писателей сыграли её основатель и четверть века бессменный председатель Правления, сопредседатель Союза российских писателей по Сибири и Дальнему Востоку - Николай Миркамалович Шамсутдинов, а также его сподвижница и соратница во всех делах и начинаниях, управляющий делами Тюменской региональной организации СПП – Ирина Михайловна Дмитриенко и, конечно же, при участии профессиональных писателей региональной организации, а в последующих выпусках: выдающиеся организаторы многих международных творческих проектов: Светлана Владимировна Василенко – член Союза писателей СССР, первый секретарь Правления Союза российских писателей, член Союза кинематографистов России, редактор антологии «Лёд и пламень», альманаха «ПаровозЪ», Геннадий Эдуардович Норд – один из основателей и председатель Правления Союза писателей Северной Америки (Канада). Эти литераторы были представлены в качестве «Гостя альманаха».

Первый выпуск литературно-художественного альманаха «Гиперборей» посвящён 25-летнему юбилею Тюменского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» - наследников уникальной цивилизации-земли гиперборейской и знаменательной дате: 70-летию известного советского и российского поэта, прозаика, публициста, сатирика и переводчика Николая Шамсутдинова, неизменно окормляющего новое детище своим талантом и вдохновением. Неслучайно это обстоятельство способствовало чудесному превращению альманаха из неоперившегося «литературного птенца» в сияющую энергией слова ЖАР-ПТИЦУ.

Сокровенный диалог, нацеленный на образное восприятие окружающего мира, ведут авторы на его страницах. Вполне оправданно и закономерно он воспринимается как **Космо-Психо-Логос**, то есть – в единении местной природы, характера народа и глубины его национального менталитета. Гиперборейцы в условиях «расчеловечивания» и демонизации России, яростного желания недоброжелателей полностью уничтожить страну как духовную цивилизацию, тюменские литераторы ищут спасательный круг, способный отстоять исконные ценности – патриотизм, любовь к Отечеству, родной земле, сохранение традиций предков, исторической памяти. В этом – наша сила и непобедимость духа, нерушимая связь времён и поколений.

Все мы родом из детства. Там мы получали уроки добра, любви, дружбы, умения постоять за себя. Учились через поражения побеждать. В той дивной сказке закалялась наша воля, формировался характер, появлялись кумиры, низвергались авторитеты. Сакральный мир произведений о малой родине, опубликованных в сборнике, лексически, фонетически, стилистически разнообразен, но духовно един, как ностальгически отозвался Николай Шамсутдинов:

*И я – горжусь: не бледное подобье
Гиперборейца, а – питомец муз,
На исполинском Нефтяном Приобье
Я первым получил билет – «Союз
Писателей СССР»!*

Наталья Вершинина, углубляя тему, уверена, что «Геракл когда-то появлялся тут, Здесь рождены и Аполлон, и Артемида, Сад с яблоками жизни стерегут Семь дочерей Атланта-Геспериды. Там Бога трон на самом берегу...». Прислушаемся к ним. «Песня вечного каюра» Константина Кривчикова, эхо которой разносится на весь огромный сибирский континент, становится заповедом к раскрытию важной духовной темы: «Полярный день сменяет тьма... «Эх-хо, эгей!...» Взрослеют дети. На ключья вьюга рвёт слова. Но не прервётся связь столетий. Укажет верный путь хорей. И тундра прорастёт цветами. Поёт каюр: «Эх-хо, эге-е-ей... Качает песню над волнами. Печалит слух халея плач. Аргиш уходит на Вайгач... «Эх-хо, эгей!» – священный зов Земли преданий и отцов, Земли, которой нет родней, Земли святылиц и корней. Летят века, а всё над ней Поёт каюр: «Эх-хо, эге-е-ей...».

Самобытное перо К. Кривчикова проявилось в притче «Одиночество девочки Вау», филигранный сюжет которой надо внимательно постигать, обдумывая каждое слово.

Сергей Целых, вступает в диалог: *«И за тебя, о Русь моя, отдам По капле кровь, чтоб ты счастливой стала И чтобы ты назло своим врагам Вовеки бы жила и процветала.»*, *«Снова пахнет небом-пахнет родиной моей...»*.

Географическое разнообразие родных мест, где родились авторы, позволяют вспомнить «синеставный храм», «скирды – век землероба», взглянуть на «черемуховые облака», наблюдать как «мылись травинки в росе». Как весело полюбоваться речкой детства, пробежать по «васильковой тропе», притулиться к белой берёзе, ощутить горьковатый вкус вишнёвой косточки, бабушкиных пирогов, постичь красоту сибирских вечеров, сибирского леса. А красавица – рябинushка стала общим символом северян и южан Тюменщины. Николай Шамсутдинов любит нас нашими могучими реками, посвящая Венок сонетов – Тюмени:

*Во неумолчной перекличке дней,
Я слышу голос молодой Тюмени...
Ей – сотни лет, и вечность – перед ней.*

Тамара Панасенко/Котова уверена в том, что *«Видно долго, слишком долго сердце стыло на чужбине. Я ему как чувство долга-чувство дома дам отныне»*.

Образ матери неизменно вписывается в Память сибирского пространства, пронизывая волшебным светом многие публикации.

Как передать человеку свою любовь и благодарность матерям, беззаветно любящих нас, прощающих нас и помнящих о нас до самой последней минуты. Моя мама пошла со мной на первое свидание с мальчиком. Почему? Я бы сейчас спросила спокойно, а тогда была недовольна. Ведь мне было уже 18 лет. Как бы я сейчас поговорила со своей мамочкой, сколько нежных слов сказала бы, да уж давно поздно. С душевным волнением рассказывают о своих матерях, вдовах войны, которые *«глядят куда-то сквозь меня»*, Светлана Василенко, Геннадий Норд, Александра Дарьина, Лариса Карелина, Светлана Титова, Нина Лексина, Ольга Ахтырская, Геннадий Каркишко.

В рассказе «В глубинке» - совершенном образце лирической прозы – Николай Шамсутдинов вспоминает, как он мчит на собачьей упряжке на пушную звероферму, где дружно жила-

вековала русская семья, с детьми из которой он по той поре «корешковал». Как в тяжёлые военные годы, когда мама автора Юма-бика училась в торговом училище Салехарда, где в ту военную пору преподавал ненецкий и русский языки будущий классик ненецкой литературы Иван Истомина, на пушняка-заготовителя, и стала ямальской хозяйкой «мягкого золота», стекающегося на склады в Песидэе и Тамбее. Так, например, в послевоенном сорок шестом привезла его мама в Салехард аж 8215 шкурок песка! А отец, командир полковой разведгруппы, бежавший из плена, трудился, как водилось в то время, на строительстве Волго-Донского канала. Исповедальную элегию Шамси, как его любовно называют коллеги «по цеху», можно поставить в один ряд с астафьевскими, распутинскими, абрамовскими, шукшинскими повестями. В них слышатся отзвуки нашего, «золотого», времени, когда мы с упоением и восторгом читали классиков советской литературы. Финал стихотворения «Генезис», где *«...Опалена войною, Матушка лет двадцати, на оленьих нартах, Молча вмерзает в сюжет кочевой, за спиной Спит карабин...»*, воспринимается читателем как манифест писателя: **«А ещё думаю, пора прошлых лишений и, мягко говоря, неурядиц, проносимая человеком через всё своё бытие, и есть его единственная, неизменная основа. В памяти о ней он черпает силы для дальнейшей жизни, в непреходящей достоверности её – урок грядущим поколениям...»**

Поэтические образы нашего края воплощены в стихах Игоря Кириллова, Александра Журавского, Маргариты Лебедевой, Светланы Моор, Вадима Кузнецова, Сергея Целых (альманах №1, 2019.) Звучит торжествующая песнь отчему дому, любимым городам и сёлам Западной Сибири, в том числе Яр-Сале, Берёзово, Карскому морю, Тюмени, Нижневартовску, Тобольску, Ишиму, Сладково, Нижней Тавде, Октябрьскому району, Ялуторовску.

Ханты-Мансийск, по мнению Надежды Крымовой, *«...небесное оконце, В котором каждый виден поворот Людей открытых и гостеприимных, Что бескорыстны, праведно – мудры, Сияющей дорогой снежно-длинной Идут, рождённые в святой любви»*. Сменяются времена года, сияют звезды, слышится дыхание ветра, вспыхивают любовные мотивы в творениях Елены Гущиной, Галины Флегентовой, Максима Лапина, Екатерины Сажиной, Ильи Борщ, Сергея Перевалова, Ксении Жилиной, Елизаветы Меркушиной, Светланы Печёнкиной, Тамары Вахрушевой.

«Еду в деревню-буду ближе к Богу» - вещает очарованная душа Юрия Гончана. Его уже нет с нами, как и Анатолия Марласова, Валерия Матвеева, Тамары Панасенко, Геннадия Бронникова, последнего «гриновского» наследника, до последней строки отстаивающего свои принципы в литературе. Но их помнит «Гиперборей»! Как помнят писателей Николая Смирнова и Маргариту Анисимкову, чьи имена вновь слышны сегодня благодаря эссеистам Нине Лексиной и Ирине Змановской. Эту мысль подхватывает нижевартовский литератор Михаил Култышев: *«Сердцем помним о вас, не забудем нигде, и беспмятство - нет, не случится»*. Он же едва уловимым движением своего сердца воспевает югорскую землю, воспринимаемую как *«красоту неземную»*.

На страницах пяти номеров альманаха расцвёл благоухающий сад, порождающий чувство радости перед красотой повседневной жизни. Вместе с акацией, ивой, розами, орхидеями в нём растут незабудки, подснежник, космея, пустырник, одуванчик. Картина, достойная Ван Гога! Стихотворения Геннадия Норд стали откровением. Он хорошо знает Сибирь: *«Я гоню лошадей по замёрзшему тракту...»* наполнено неизбывной тоской и одновременно верой в светлую мечту. Геннадий Норд (Канада) стал и премьером новой рубрики «Гость альманаха». Теперь она приобрела постоянный статус. Здесь выступили литераторы Светлана Василенко (Москва), Александр Вепрёв (Сочи), Елена Ананьева (Германия), Виктория Левина (Израиль), Василий Надирашвили (Грузия), Григорий Гачкевич (Молдова), Владимир Смирнов (Крым), Валерий Сухов (Пенза).

Таким образом, альманах «Гиперборей» поднял, во главе со своим Спартаком – Николаем Шамсутдиновым, автором идеи издательского проекта, настоящее интеллектуальное восстание против графомании, маргиналов, бездарности, «прикладного словоблудия» в современной российской словесности. Вдумайтесь только в эту цифру - в условиях беспрецедентной атаки на русский язык число говорящих на нём сократилось на 100 миллионов человек. И разве нет в этом нашей вины? Доколе у нас будут появляться бездарные, просто безграмотные «зулейхи», «сумерки волков» и торжествовать «власть мёртвых»?

Тема войны проникновенно звучит во многих произведениях номеров альманаха. Так, № 1(2), 2020 посвящён 75-летию Великой Победы.

Прологом к тематическому номеру можно назвать поэму Валерия Матвеева «Памяти отца», (так и хочется назвать «Валерочки»), опубликованную в первом номере 2019 года. Именно она задала глубоко патриотический, цивилизационный смысл этому эпохальному событию. В доме вдовы пропавшего без вести мужа и отца во время Великой Отечественной войны появляется безногий солдат. Его спас отец Валерия, а сам пропал без вести. Но гость не знает, что в доме нет боевого товарища. Весь спектр переживаемых чувств героев поэмы, трагизм ситуации передает метафора: *«В окне напротив - вздрогнула звезда, и, кажется, заплакали иконы...»*. И снова призыв к потомкам: *«Не раз на фронте меченного сталью, Рядом с которым смертное кольцо Мы не однажды с боем прорывали»*.

Сегодня, когда Европа, принимавшая участие в войне на стороне фашистов, вдруг решила обвинить СССР в развязывании войны, так важно запечатлеть образ советского солдата-Победителя. Литераторы Михаил Култышев, Светлана Титова, Нина Лексина, Лариса Карелина, Юрий Богданов, Михаил Медведев, Ольга Губина, Галина Флегентова, Татьяна Андриянова, Ирина Гимпель, Александра Мазкова, Маргарита Рыжова, Лариса Болеева, Марьям Мамедова, Марина Маркова и др. авторы отдают дань памяти свои дедам, бабушкам, отцам, матерям, землякам, старшим братьям, ковавшим победу на фронте и в тылу. Мы порой ведь больше знаем о маршалах, чем о подвигах своих родных и близких. «Гиперборей» с неумолимой силой и настойчивостью восполняет пробелы.

Во втором номере этого года (пятом с начала выхода) внушительный страничный объем посвящен 80-летию начала Великой Отечественной войны. Александр Голозубов в своём очерке «Юные герои Великой Отечественной войны» приводит страшные факты злодеяний фашистов над советскими детьми. 26 детей села Дубровка Курской области были зверски заколоты штыками. А поводом послужил тот факт, что немецкий офицер не нашёл своего портсигара.

Сегодня писатели более углублённо обращаются к поиску ответа на важный исторический вопрос: как Германия смогла воспитать нацию палачей и убийц, отличавшейся особой жестокостью? Не меньшими зверствами, а чаще, ещё более изощрёнными, отличались и союзники Германии. Неслучайно им так хочется забыть позорные страницы своих стран, переписать историю, запачкать, нивелировать подвиг советского солдата -

Победителя. Вызывающе, неосмотрительно поступила ЕСПЧ, обязывающий Россию признать однополые браки. Но это не удастся никому. К нашему счастью, Европе не понять и никогда не разгадать тайные, вековые смыслы русской души, и такие «европейские приказы» будут вызывать ещё большее презрение к неким «ценностям», а значит, сплачивать нацию. Александр Журавский напоминает страницы истории Европе, битой русским батогом, близкой к закату: *«Вы кровью русской испытали не раз позорный выбор свой!.. Оставьте мнимые потуги - не покорен Славянский род. Вы - в русском мире-пены круги. Мы - богоизбранный народ!»* («Гиперборей», №1(4),2021.)

А потому в «Гиперборее» вечно сияет Звезда Победы, Звезда Славы, Духа и Священной Памяти. Наталья Вершинина знает, как говорить с молодым поколением: *«Надо, чтобы узнали они о войне не из книжек чужих. Чтоб не пепел. А жизни огни внуки приняли в души свои я плету кружева. Из всего, что так дорого мне. Чтоб ни враг. Ни пустая молва. Не запутали внуков во тьме.»*

Вот возникают снова и снова картины парада 1945 года, когда фашистские знамёна советскими солдатами под барабанную дробь, в перчатках, швыряются к ногам победителей - момент, который до сих пор бросает в дрожь. И огромное чувство гордости за свою Родину. Звучит набат Хатыни! Блокадный Ленинград! Бухенвальд! Подольские курсанты! Сталинград! Курская битва! Прага! Прохоровка! 9 рота! Голубые береты! Бессмертный полк! Здесь ковалась и закрепилась навечно в народной памяти Победа, и сегодня, на дальних рубежах России, совершается подвиг во имя нашего счастья жить на мирной земле.

Большим глубоким по исполнению циклом запечатлел в своих творениях кадры военного времени Николай Шамсутдинов, которым открывается «Гиперборей» №2(5), 2021. Он вспоминает в стихотворении «Бабий мост» кадры двух времён, когда под Сургутом во время войны строился деревянный мост, а в мирное время – возводился новый. Чередой по страницам военного сборника проходят лица войны и тыла, лица Победы.

Да, непобедим народный дух, что подтверждает Светлана Василенко в своих воспоминаниях о маме и Капустином яре. Мама Светланы помогала партизанам, была схвачена, но и под пытками никого не выдала. Не оставляет равнодушным «Письмо с фронта» Ларисы Карелиной, где старый человек читает в 1000-ый раз письмо не вернувшегося с войны отца - ему, тогдашнему маленькому, сыну. Дети войны! Как же они - то выжили -

десятилетние подростки, стоящие у станков, полуголодные, выдерживающие удвоенные рабочие смены. В поисках краюшки хлеба готовые спуститься на «журавлике» в глубокий колодец и обнаружить там вместо него кусок ваты, как пишет Лена Фрик. А сколько детей расстреляно фашистами за участие в партизанском движении.

Если ваш покорный слуга, рассказывая о своём отце, Королёве Петре Васильевиче, избрала суховатый, сдержанный стиль текста, сквозь строки которого всё же проявлялась сердечная боль, и проступали слёзы, то исповедь о своём отце и маме Любви Неряхиной/ Любви Сокол полна эмоций, глубоких переживаний, тончайших оттенков душевного состояния. Читатель, по отзывам, воспринимает рассказ-быль «Война» как современный «плач Ярославны».

Татьяна Андриянова часто вспоминает, как из старой затянувшейся раны с отца выходил осколок фашистского снаряда, о чём и говорит в стихотворении «Военные подарки». Авторы альманаха помнят не только непосредственных участников боёв, но и тех, кто кормил бойцов, восстанавливал связь, лечил, доставлял письма на фронт. **Мне представляется возможность сделать вполне определённый вывод о том, что гиперборейцы написали новую страницу в истории Великой Отечественной войны.** И за это всем, исключительно всем авторам, – огромная благодарность.

Нынешние наши мальчишки, да и каждый из нас, порой, сомневаются, способны ли мы на подвиг, на поступок. Не смалодушничаем ли? Не пойдём ли на компромисс? Не станем ли за спину товарища? Но когда назревает критическая ситуация - мы уже не принадлежим себе, так генетически сформировалась наша воля, и честно выполняем свой долг. Рассказ Сергея Падышева «Мужество» (№1(2019) об этом свидетельствует. Речь идёт о молоденьком, хлюпеньком солдате, заступившем в мирное время на охрану огромного склада с оружием.

Когда наступила ночь, он так мечтал вздремнуть, а пришлось вступить в схватку с бандитами, стрелявшими с трёх стволов и призывавшими часового сдаться. Парнишка отстреливался до последнего патрона, и, увидев приближающихся воров, потянулся к штыку-ножу, пишет автор, как вдруг услышал спасительный звук режущего мотора караульной машины, которая неслась на помощь солдату! Вот он – характер гиперборейца. Не претерпел он никаких изменений, а только крепчает. И будет Россия вечно жива.

В «Гиперборее» №1(4), 2021 состоялся серьёзный разговор о предназначении писателя в современном мире. В нём участвуют маститые и молодые литераторы – Константин Кривчиков, Елена Ананьева, Юлия Петрова, Светлана Титова, Людмила Ткаченко, Любовь Неряхина, Любовь Сошникова, Лидия Журавлёва, Юрий Богданов, Ирина Змановская, Вера Мартынова, Татьяна Трушик, «вышивающих на полях молитв» смысл поэзии. Произведение Николая Шамсутдинова «Пишущая машинка» №1(4), 2021 – гимн эпохе литературного советского Ренессанса, породившей столько замечательных писателей и поэтов. Автор вспоминает то время, когда ценились настоящие таланты, выражая искреннюю симпатию «подранку прогресса».

Доктор искусствоведения В.О. Петров в своём материале «Николай Шамсутдинов: к творческой биографии» ((№1(4),2021 выделяет важность метафор и глобальность мысли, полистиличность творчества Шамсутдинова, встроенность в каждое стихотворение множества контекстов, что можно отметить и в вышеназванном стихотворении. Петров называет каждое творение Художника уникальным образцом искусства. В то же время сам текст-рецензия профессора – есть культурологический шедевр, в котором сочный, эlegantный язык помогает глобальному постижению художественных замыслов поэта, внутренней структуры всей его поэзии. Владислав Олегович, расшифровывая образные и эмоциональные ритмы стихотворений поэта «...Наверстывая в парадоксах, февраль...» и «Не грехи отрешением от мелочей», в частности, пишет: «...Несмотря на то, что, на мой личный взгляд, в его наследии «переплетены» наилучшие, наиважнейшие концепты разных стилистических литературных направлений – дадаизма, сюрреализма, романтизма, постмодернизма – Николай Миркамалович обладает личностной субординацией и воплощает в своих стихотворениях те образы и концепты, которые автору наиболее близки, важны, отчетливы... Всё творчество поэта Шамсутдинова общечеловечно; всё наследие Николая Миркамаловича можно считать общечеловеческим, даже вселенским». Доктор искусствоведения В.О. Петров, вступая в прямой диалог с Н.М. Шамсутдиновым, отмечает скрупулезность и продуманность в «переплетении» слов, нестандартность переносов смыслов и окончания фраз с одной строки на другую, акцентируя внимание взыскательного читателя на родство с произведениями испанского поэта Федерико Гарсиа Лоркой. Это –

в одном случае. В другой «иллюстрации», я имею в виду приведённое в статье стихотворение - *«Оснащаем, как все, безысходными снами, С Освоением в осени, замкнутой с вами, Жизнерадостней днями, в стенаниях бравых, Солипсизм солевых отложений в суставах...Отвлечение – в детстве, по зрелости – бремя, Время - угол, снимаемый вами на время Жизни, в чьей метафизике, комкая листья, ливень выклевал редкие окна предместья»* - Петров обращает внимание читателя на эстетическое сходство творчества Николая Шамсутдинова и французского писателя Луи Арагона.

Совершенны работы исследователей, раскрывающие глубинные основы творческой лаборатории Н.М. Шамсутдинова. Имя О.И. Федотова, доктора филологических наук («К венку веков привить венок сонетов»), широко известно.

Я имела возможность слушать высокопрофессиональное выступление-лекцию О.И. Федотова в Коктебеле, на Волошинских чтениях, в Феодосии, в музее сестёр Марины и Анастасии Цветаевых, и могу засвидетельствовать его огромный вклад в теорию и практику русского сонета. А Николай Шамсутдинов, как известно, и в этом жаре остается мировым поэтическим лидером. Олег Иванович в своей работе(№1(4).2021) однозначно констатирует эффективную звуковую организацию, ёмкую максиму, твёрдую интонацию тюменского сонетного цикла, созданного Николаем Миркамаловичем под непреложным девизом: «Тюмень как встарь, радушия венец».

Приведу пример федотовской характеристики одного из сонетов Николая Миркамаловича, подтверждающий этот тезис: *«...В 5-м сонете изображается нефтяной ажиотаж, напоминающий вырвавшийся из мезона фонтан чёрного золота в унисон с «всплеском Кастальского ключа»; здесь также поэт, в биографии которого нефтянка оставила глубокий след, демонстрирует своё отменное ритмическое чутьё как поэт, насытив оба терцета полно ударными формами в сочетании с хориямбом в 9-м и редкой ритмической фразой с двумя пиррихиями в 11-м: «Так, на изломе веков в свой черёд,/ Тюмень, мы сразу вняли, старт берёт,/В грядущее неуголённо глядя./ нам этих дней запевных не забыть:/ Пошла Тюмень, пошла не славы ради - / Грядущему в урманы путь открыть». Обрусевшее тюркское слово «Урман» так органично в слове Шамсутдинова».*

Привлекают внимание оригинальные труды Заслуженного работника науки и образования Российской академии

естествознания, талантливой эссеиста Ю.С. Петровой. Изыскания, дискурсивный анализ публициста-культуролога «Смыслы «Божественной комедии» Данте и их воплощение в музыкальном искусстве», «Надсон и Рахманинов: некоторые художественные параллели», «Образ севера в музыке» вносят неоценимый вклад в мировую культурологическую мысль, придавая ей новые направления. Можно сказать, что Ю.С. Петрова принадлежат к числу основателей новой науки - **культурной лингвистики**. Она развивается в художественном творчестве, повседневной культуре, находясь в сопряженном ритме с философией, историей, призвана вовлечь современного человека в мир культуры, от которого он всё больше отдаляется.

Важно отметить успехи и молодых тюменских литераторов, охваченных внутренним горением, беспощадной, бесстрашной открытостью миру, любовью к родному краю, свежестью, нежностью, проникновенным, острым взглядом на собственное состояние души, вплоть до трагических моментов. Глубина чувств и переживаний заставляет задуматься об общей женской судьбе, участь которой выразила Марина Цветаева гениальной фразой: **«О, вопль женщин всех времён: «Мой милый, что тебе я сделала?!»** Смело всходят на тюменский Олимп: Даниил Сизов, Елена Дулова, Вера Мартынова, Надежда Кудинова, Людмила Андреева, Юлиана Орчинникова, Мария Расчётова, Анатолий Комар, Маргарита Рыжова, Ксения Жилина, Максим Исаенко, Иван Туравинин, способные превратить мечту бумажной птицы в настоящие стихи. Татьяна Лапина утверждает: *«Я восстану из пепла сгоревшей любви...»* А вот как пишет великий грузинский поэт Николоз Бараташвили: *«Я высушу слёзы, тобою угадан. Душою твоею, созерцая красу, и пепел сгоревшего сердца, как ладан, безропотно в жертву тебе принесу...»*. Согласитесь, есть что-то общее в столь необычной переключке. Героиня Веры Сподарик желает своему бывшему возлюбленному, чтобы свеча, что она зажгла на счастье, хранила его от всех бед.

Без близорукой сентиментальности, до высоких эмоциональных ассоциаций поднимается Полина Ивлева: *«Быть сильнее себя. Вспомнить, что я во всём кремень, Только бы невзначай не увидать твои глаза, Только б не позвонить, проживая промозглый день...»*. Возникает образ птицы под символическим именем «ВЫШЕ» в другом произведении Полины. Третье стихотворение поэтессы Ивлевой, необычайно светлого человека, под названием «Фонари» с его анненскими мотивами можно

отнести к следующей эпохе в искусстве - **метамодернизм**. Неслучайно её произведения, ставшие победными во всероссийском конкурсе, будут опубликованы в журнале «Юность»!..

Молодые поэты познали горечь разочарований в дружбе, неразделенность чувств. А, может быть, просто своим воображением заставили нас снова пережить то, что нами забыто и редко всплывает в памяти. Но в рамках проблемы воспитания чувств важно сказать вот о чём. Не в качестве назидания, конечно, но с высоты прожитых лет, поверьте, знаю, о чём говорю: надо уметь ждать – 10, 20 лет, а порой, и всю жизнь. И он обязательно придёт и произнесёт, глядя в ваши глаза: **«Дорогая, я не могу вспомнить, как я жил до тебя...»**

А вообще «Гиперборей» любит и пошутить, напомнить оригинальный афоризм, спеть задушевную песню, извлечь скрипичные этюды, и даже станцевать «Скерцо каблуками», как это сделал Владислав Петров.

Творческая деятельность Н.М. Шамсутдинова и его коллег позволяет высказать вполне определённый тезис о появлении зрелого **тюменского сверхтекста** как высшей культурной единицы с её смысловой и языковой гармонией. В последнее время к изучению и обогащению этого понятия, научное обоснованное выдающимися учёными - литературоведами В.Н. Топоровым и Ю. М. Лотман, проявляется огромный интерес.

Можно назвать интересные диссертационные работы Н. Е. Меднис, О.С. Шуруповой, Н.А. Купиной, Е.А. Четвертных, Е. А. Андриюковой, Н.А. Беловой, Н.В. Рыбаковой, Е.С. Демичевой, Г.В. Битенской, А.С. Прохоровой. Взгляды лингвистов, филологов на этот языковой феномен разнятся, но большинство отмечает, что сверхтекст не только выявляет и фиксирует высшие достижения литературы и культуры, но и формирует вокруг них широкое поле неких смыслов, связанных с коллективной памятью народа, его менталитетом. Кроме петербургского, венецианского, парижского, шекспировского, московского, пермского, крымского сверхтекстов, появляются новые, - в том числе и связанные с северными территориями.

Можно с удовлетворением наблюдать как зарубежный микрокосмос всё прочнее обживает в **творческой лаборатории Николая Шамсутдинова**. Не ради любопытства, а для того, чтобы в его «райских куцах» приобрести новый, неумолчный, и всегда освежающий голос.

Справка: *Первый стихотворный цикл «Широкие ветры» Николая Шамсутдинова опубликован в 1976 году в еженедельнике «Литературная Россия» По рекомендации VII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1979), становится первым членом Союза писателей СССР на знаменитом нефтяном материки Среднего Приобья (1982). Печатается в периодических изданиях Скандинавии, Австрии, Германии, Польши, Словакии, Франции, США, Украины, Киргизии, Армении, Грузии. Участник международных литературных форумов в СССР, России, Скандинавии, Франции, Польши, Германии, Украины, недавно, став лауреатом Международной литературной премии им. лорда Джорджа Ноэля Гордона Байрона в категории «мега-звезда», он узнаёт, что его имя внесено в число деятелей мировой культуры. Николай Миркамалович читал лекции студентам – славистам в королевских университетах Дании, Франции, Германии, Польше, Армении.*

Вышло в свет пятьдесят три его поэтические книги, из них - одиннадцать книг за границей. Стихи Николая Шамсутдинова переведены на древнетюркский, английский, армянский, белорусский, грузинский, датский, чешский, словацкий, французский, немецкий, татарский, чеченский языки. Лауреат многих литературных премий: Общепациональной им. А.М. Горького, международных и всероссийских.

Н.М. Шамсутдинов - Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2011). Сопредседатель Правления Союза российских писателей по Сибири (2019), член Творческого совета Ассоциации союзов писателей и издателей России (2020), а также: Всемирной ассоциации писателей Международного PEN-клуба (2009), Академик Российской академии поэзии, Международной академии литературы и коммуникаций (Германия), общественный деятель.

Таким образом, субтексты тюменских авторов (с обозначенным локусом), связанные как между собой, так и гениальные творения духовного поводыря Николая Шамсутдинова, **впервые** в современном литературоведении можно зафиксировать как состоявшийся **тюменский сверттекст**, обладающий многогранным, глубинным культурным кодом.

Яркий и убедительный пример тому – литературно-художественный альманах «Гиперборей».

* *Строка из поэмы Валерия Матвеева*

Г.П. Манаева,
член Союза журналистов России,
член Тюменского областного отделения
Союза российских писателей,
член Международного союза писателей (СПСА)

УВАЖАЕМАЯ ЛАРИСА ФЁДОРОВНА!

**В День Вашего 70-летия примите сердечные поздравления
с этой знаменательной для Вас датой!**

Все эти годы Вы остаётесь для подрастающего поколения
примером высокой нравственности, духовной культуры,
жизненной энергии и оптимизма.

Желаем Вам доброго здоровья, долгих творческих лет жизни,
душевного равновесия, заботливого и участливого отношения
родных и близких, тепла домашнего очага!

Пусть в Вашей жизни будет больше приятных моментов, которые
подарят Вам радость и уверенность в завтрашнем дне!

Успехов Вам и литературных побед!

ЧАЙКА СТЕПНАЯ, О ЧЁМ ТЫ ПОВЕДАЕШЬ НАМ?..

рецензия на книгу

Имя **Ларисы Карелиной** как прозаика, автора документально-мемуарных и публицистических произведений, хорошо известно в Тюменской области. Но вот в моих руках её «Исповедь славянки», книга лирики. Читаю и с удовольствием перечитываю стихи мудрой женщины, поэта, моей землячки – дончанки Ларисы Карелиной. Она такая разная, всегда ищущая, порой неожиданная, устремлённая в своих стихах то в далёкое прошлое, то в будущее:

*В багровой дымке колесница
Через века в сегодня мчится.*

Непреходящие ценности предков-славян для неё святы. С любовью автор воссоздаёт домашний уют простой избы, где топится печь и согревает нас сердечное тепло близких людей:

*Сверчок за печкою поёт,
К столу хозяйка нас зовёт.
Пускай согреет вас, друзья,
Очаг домашний и семья.*

В её стихах размышления о жизни, о непостижимой тайне рождения поэтических строк:

*Что же это такое?!
Наяву и во сне
Не дают мне покоя,
Прилетают ко мне
Легкокрылые птицы,
Голосами своими
Заполняют страницы...
Слово для неё – бесценный дар:
Нам слово Господом дано,
Оно сосуд есть драгоценный,
Любви Всевышней Дар бесценный!*

Лариса Карелина – поэт - лирик. Она чутко воспринимает окружающий мир, красоту природы. Особым чувством проникнуты

строки, посвящённые донецкой степи, где прошли её детство и юность:

*Вольная воля степная!
Степь - моя память живая...
Сколько в жизни дорог
я степных исходила,
Сколько радости ты мне,
степь, подарила!
Сколько раз ты меня утешала!..
Когда слёзы глаза застилала,
Степь – заступница,
от обиды к тебе я бежала.*

Трагические события современности не оставляют Ларису Фёдоровну равнодушной. Столько пронзительной боли в стихотворении «Донецкие розы» (2014). Гражданская тема присутствует в её лирике, в том числе и тема Великой Отечественной войны:

*Идут бессмертия полки.
Тюменский полк...
Рязанский полк...
Московский полк...
Просторы наши велики,
От края и до края
Идут бессмертные полки,
Героев поименно называя.*

Юмор, лёгкая ирония в стихах Ларисы Карелиной соседствуют с грустью, глубокой печалью об утратах, несбывшихся надеждах на женское счастье. Без утайки, с душевным трепетом говорит она о сокровенном:

*Не хватает нежности и ласки,
И мужского сильного плеча,
Всё темнее и темнее краски –
Догорает тонкая свеча.*

Не приемлет автор пошлости, развязности. Ей претит дикий разгул праздников, особенно бьёт по сердцу русская брань:

*Я умираю от площадной брани,
Когда заслышу Вани-Мани*

*Разнuzданный до жути разговор –
Народа русского позор.*

Вот уже много лет живёт Лариса Фёдоровна Карелина в Сибири. Ялуторовск стал её второй родиной. Этому городу и его жителям посвящены стихи «Память сердца», «Декабристские вечера» в Ялуторовске.

Отличительная особенность книги «Исповедь славянки», на мой взгляд, - это органичное соединение двух стихий: мира интеллигентной, образованной женщины и народной стихии, которая определяет её внутренний стержень, основу содержания. Яркие, сильные поэтические образы, созданные автором, несомненно, найдут отклик у читателей.

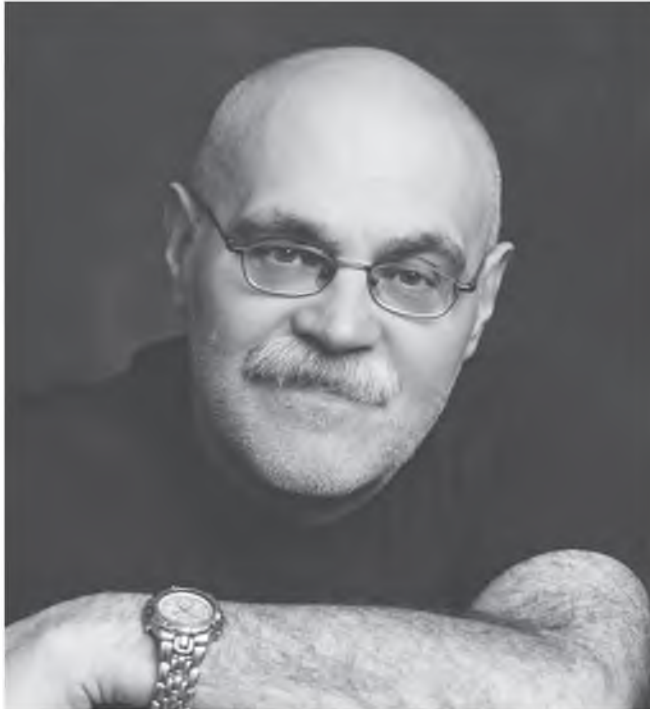
Сегодня Лариса Карелина сосредоточена на жизни духовной, поэтому в книге присутствует и православная тема, идущая из глубины её сердца.

И хотя стихи она писала ещё со школьной скамьи, только под нажимом друзей решилась вынести на суд читателей свою «Исповедь» в прямом и переносном смысле.

Вас ждёт встреча с неординарной личностью, умеющей передать тончайшие движения чувств, переживаний и многое, многое другое – всё то, чем полнится её светлая и добрая славянская душа.

А.Е. Журавский,
*поэт, композитор, исполнитель,
член СПП и СПСА, член Правления
Тюменского областного отделения
Союза российских писателей,
лауреат Национальной премии «Золотое перо Руси»*

Минута -
и стихи свободно потекут...

ГОСТЬ РУБРИКИ

Геннадий НОРД – поэт, композитор, исполнитель, продюсер, режиссёр, актёр, общественный деятель. Много лет активно занимается пропагандой и продвижением русской культуры, литературы и искусства за рубежом.

- ✦ Член Союза писателей Москвы.
- ✦ Автор 30 книг и 38 песенных альбомов.
- ✦ Лауреат многих международных конкурсов.
- ✦ Один из создателей и председатель Правления Союза писателей Северной Америки.

Геннадий Эдуардович Норд родился в 1954 году в Пинске. Живёт в известных литературных столицах мира Москве и Монреале, в период пандемии - в Калининграде.

УТРО

Что случилось - не знаю,
рассказать не могу...

В небо врезалась стая гор далёких в снегу.

От глухой непогоды затуманилась даль.

Поцарапала своды пиков острая сталь.

Покатилась по склону золотая слеза

И кудрявому клёну ущипнула глаза.

Клён затрясся в обиде,

подбирая слова,

И не понял, не видел, как опала листва.

Словно в бешеной пляске закружил разноцвет.

Но повыцвели краски и пожухли в траве.

Листья долго сгребали блёклым днём мужики,

И костры запылали возле мёрзлой реки.

И предгорья покрыла пеплом рваная сеть.

Солнце щурилось стыло,

уставая блестеть.

А к рассвету, стеная, забежала пурга

И залила до края белой краской снега.

Мчится утро на санках в босоногую падь.

Пиков сталь спозаранку режет небо опять.

Звёзды медленно тают, искупавшись в снегу...

Что случилось – не знаю,

рассказать не могу.

КОГДА

Когда приземлится рассвет на подушку,
в глаза заглянуть попытается мне,
и солнечный зайчик

творожной ватрушкой
несмело повиснет на спящей стене,

когда верещать принимаются птицы,
и мягкий и юный ещё ветерок,
запутавшись в ветках,

в окно постучится,
подсунув под ставни зелёный листок,

когда на траве вся роса испарится,
бутоны поникнут, как битая рать,
и муха в стекле будет плакать и биться
и будет мешать, мне слегка подремать,

когда комариха пищит возле уха,
и липовый запах вползает в подъезд,
и нет выключателя зренья и слуха,
и все оживает и дышит окрест,

когда, уже сбросив на пол одеяло,
не хочется думать, что планов гора,
и знать, что, наверное, дня будет мало,
чтоб выполнить всё, что наметил вчера,

когда невозможно

будильник не слушать,
и криками просто нарушен покой,
встаю, потянувшись, и, плотно покушав,
сажусь на автобус и еду домой.

ПРОРВЁМСЯ

Другу, актеру, поэту Нико Гомелаури

Я шепчу себе:

«Прорвёмся».

Пусть нас мучает стократно
жизнь и часто смотрит косо,
нам нельзя идти обратно.

Надо в это верить свято,
и вперёд без виз и спроса.
И когда-нибудь куда-то
где-то мы, Нико, прорвёмся.

Сквозь кавказских гор отроги,
сквозь поля, леса и реки –
сердце в кровь, в мозолях ноги –
мы прорвёмся, человеки!

Может, не на этом свете,
может, и не с этой милой,
но дадим угля планете
так, чтоб всем вокруг хватило.

Каждый миг, с собою споря,
всё равно вперёд несёмся.
Даже если выпьем море,
обязательно прорвёмся.

Зубы сжав, и к ветру носом,
хоть душа иной раз плачет,
я кричу себе: «Прорвёмся!»
Просто нам нельзя иначе.

НОСТАЛЬГИЯ

Сегодня страну поменять не проблема,
и паспорт за месяц оформит ОВиР,
а туроператор разложит по темам
пяти континентов рекламный клавиш.
И плюсы, и минусы дальней дороги
в обмен на истёртый мозолями рубль
в поход уведут из обжитой берлоги
под глянец манящих октавами труб.

И в знойное утро, и в сумрачный вечер
готов на рулёжку уйти самолёт.
А блеск впечатлений надолго излечит
уставшую душу, сглотнувшую лёд.
Как в калейдоскопе завертятся страны,
весельем и грустью дыхнёт чья-то жизнь,
соборы, проспекты, музеи, фонтаны
улягутся битым стеклом в витражи.

А ночью кусаться начнёт ностальгия
и без сожалений потянут назад
умытая майской грозой Россия
и мамины в сетках морщинок глаза.
Быть может, в Европах живётся получше,
быть может, в Америках класс – спору нет,
а в наших пенатах - морозы и тучи,
и спрятаться негде от грязи и бед,

но рельсы ложатся к родному порогу,
и осенью, летом, весной и зимой
бессонная память грызёт понемногу
и тянет домой. Ох, как тянет домой!

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Доброму другу Эльдару Рязанову

Уходит друг мой в бесконечность
не попросившись, не простив...
Как всё же скуп и быстротечен
нам жизнью выданный мотив!

Какой его там встретит берег?
Какие всполохи теней?
Ему теперь не надо денег
и страсти наших жгучих дней.

Ему теперь не надо верить
в любовь и прочие слова.
Так резко вдруг закрылись двери,
что не дописана глава.

Душа его недавно пела
в стихах, в сценариях, в кино.
Он просто жил и делал дело,
которое судьбой дано.

Но завтра он уже не будет
шутить, смеяться и роптать,
а все оставшиеся люди
продолжат этот мир топтать.

И будут также падать звёзды,
и море будет бить причал.
Смахнёт украдкой кто-то слёзы,
приехав на его «Вокзал».

А он исчезнет безвозвратно –
нам неизвестен высший суд –
никто ведь не пришёл обратно,
чтоб рассказать, как там живут.

Что нам осталось – путь неблизкий,
и по иронии судьбы
лишь постоять у обелиска,
на небо, обратив мольбы,

и в грустном сердце дружбы пламя,
и фильмов звон, и вздох стихов,
и память, память, память, память,
и звук стихающих шагов...

МЕТРО

Небо. Солнце. Рассвет. Жара.
Изнывают прохожих лица.
Поливалки ползут с утра,
в редкой луже вода искрится,
и асфальт уже закипел,
птиц не слышно - жаре не рады.
В багаже под завязку дел,
и не хочешь, а ехать надо.

И, сквозь пот, пробивая путь,
упираюсь в метро ногами,
чтоб чуть-чуть сквозняка глотнуть
в паровозно гранитной яме.
Но в метро воздух тоже скис
и повис, облепив планету.
Эскалатор сползает вниз

в глубину, где спасенья нету
от навязчивой духоты,
от пожара в сипящих лёгких,
от безбашенной суеты,
от толпы и толчков неловких.
Боком втискиваюсь в вагон,
прилипаю к промокшей майке.
Рядом крик, по соседству стон,
мат и ругань, как в старой байке.

Вмиг врезаюсь я головой
в чей-то бюст до безумья пышный...
Громыханье кольцевой,
и уже ни черта не слышно,
только ритмы и стук колёс,
дрожь стекла и износ деталей.
Подземелье – не место грёз
и не время пустой печали.

Тут суровость и беготня
без контрактов и без квитанций.
Постоянен день от дня
тусклый мир радиальных станций.

И, когда от людей вспотев,
он их боли уже не внемлет,
то вагонных оскалов зев
нас выплёвывает на землю.
А там небу тускнеть пора,
разгораясь, кричат витрины.
Вечер. Звёзды. Луна. Жара.
Изнывают прохожих спины.

КОСМОПОЛИТ

Я по крови космополит.
Ни к чему затевать базар.
Ностальгия – тупой магнит
тянет только в соседний бар.
Грустный бармен нальёт в бокал
под завязку ямайский ром.
И страна, что всю жизнь искал,
отодвинется на потом.

Процарапает по душе
старых мыслей немая суть.
Хоть забыл про неё уже
память всё норовит кольнуть.
Память крутит цветные сны
на экране забытых дней
от слепых лепестков весны
до оскаленных январей.

И такая возьмёт тоска,
и такая нахлынет жуть,
что пустой барабан в висках
не позволит всю ночь уснуть.
Дикой болью кровавых ран
вырывая из забытья,
пробежит вереница стран,
где родился и вырос я.

В них лесов белорусских тень,
украинских садов снега,
возле русской избы плетень
и Америки берега,

и канадских озёр глаза,
и казахских степей простор...
Чемоданы, билет, вокзал
и десятков границ укор.

...Стихнут улицы, опустев.
В баре музыка замолчит.
Ностальгия? Да это – блеф.
Я по крови – космополит.

МИНУТА

Не хватило фарта и удачи,
и минуты жизни на успех.
Сердце вырывается и скачет.
Как на грех.
До черты не сделано полшага.
Почему-то вдруг не повезло.
У эфеса обломилась шпага.
Мне назло.
Небо на тропинку не позвало,
не зажгло к полуночи звезду.
Для судьбы минуты слишком мало.
На беду.
Будто в оживании антракта
фразы оцетинились, как рать.
Еле-еле, но достало такта
не сказать.
Много раз отчаянье знобило,
и минуты лопались, как нить.
Еле-еле, но достало силы
не завывать.

Беспричинно дыбилась дорога,
растянув секунды на года.
Для судьбы минуты слишком много?
Ерунда...

ОБО ВСЁМ

Книги, диски, концерты и встречи,
и в софитах мелькание лиц,
ночь, догнать не сумевшая вечер,
день, нырнувший в шуршанье страниц,

кровь портвейна в изрезках бокала,
и прокуренный в баре пиджак,
и святая энергия зала,
и пустой разговор натошак,

и волна в белом бархате пены,
и цепочка следов на песке,
в напряжении вздутые вены,
и глаза в необъятной тоске,

и над озером струйка тумана,
и гусиный разорванный клин,
и дорога из снега экрана
до шикарных парижских витрин,

и луны дальнобойная фара,
и простуженный грозами гром,
устыдившийся молнии старой
в пересудах планет за окном,

и гитары уставшее слово
под аккорды свихнувшихся струн,

и казан, разжиревший от плова
веселящего старый чугу́н,
узловатые, крепкие руки,
теребящие искры костра
от несбывшихся рифм до разлуки,
от забытой строки до утра,
самогон, обжигающий нёбо,
и всплакнувшая вслед пустота,
и стихи без клейма и без пробы
в пересказе чужого листа
залетят зазевавшейся птицей
в приоткрытую за полночь дверь...
Я потом их заставлю родиться.
Хочешь – верь,
ну, а хочешь – не верь.

СОЛЁНЫЙ ПЛЯЖ

Опять смотрю солёною балтийскою зимой,
как море распечатывает дали.
Здесь в мае незаметно
повстречались мы с тобой
и так же незаметно разбежались.
Уколит ветер
брызгами сверкающего льда,
разворошит мне память бестолково.
Скользят на бурунах давно пропавшие года
и горечь от непонятого слова.
И будет сердце
биться синей жилкой на виске,

и будет красок взрыв в начале мая.
Но контуры твоих следов, забытых на песке,
меня, который год не отпускают.

Бреду по переулкам незнакомых городов,
умытых, не запачканных и новых,
но через толпы дней

и перекрестки рваных снов
на рыжий пляж я возвращаюсь снова.

Туда, где, закипая,

волны плещутся у ног
с урчанием откусывая берег.

Туда, где ничего тебе сказать так и не смог
где голос твой за дюнами утерян.

Слетит со звёзд проснувшаяся юная мечта,
присядет, между старых лодок тая.
хоть век уже совсем другой

давным-давно настал,
ныряю в сказку радостного мая.

Пусть штормы дико бьются,

поднимаясь до небес,
пусть в драку лезут с облаками споря.

Дождусь тебя я там, где поседевший волнорез
нарежет, как пирог, на дольки море.

И будет сердце биться синей жилкой на виске,
и будет красок взрыв в начале мая.

Но контуры твоих следов,

забытых на песке,
меня, который год не отпускают.

ДЕРЕВЬЯ УМИРАЮТ СТОЯ

Деревья умирают стоя,
и в дымке тусклой октября
в их сером, неудобном строе
теряет молодость заря.
И утопают, словно в вате,
в размытом обрисе стволов
веселых почек буйный кратер
и легкий шелест нежных слов.
И накипь крон, смахнув шумовкой,
вздохнет и выдохнет листву
беззубый ветер и неловко
разметит инеем траву.
Заснувшие тропинок ленты
не беспокоит шаг ничей,
и позабыв про комплименты,
озябший хмурится ручей.
И лучик не живой, не меткий,
зевая, хлопается в грязь.
Качаются бесстыже ветки
к земле пониже наклонясь.
И как-то сразу и неслышно
исчезли с улицы грачи.
Уселся ворон возле крыши
и от отчаянья кричит.
Уже безрадостно застыла
вода в проемах мелких луж
и одиночество застыло
в преддверье колющихся стуж.

И чёрно-белую стеною
идут в атаку холода.
Деревья умирают стоя.
Кто до весны, кто – навсегда.

МАЯТА

Разбередила привычные дни маята.
Гаснут, дрожа, восковые огни у креста.
Как отпущение прошлых грехов – тишина.
Невыносимость рожденья стихов у окна.
Неутомимость рождения фраз впереди
с пыткой слова выжимает из глаз. Берedit.
Не шелохнется истерзанный мрак. Упаду
в неощутимых метаний и драк череду.
Вены в пронзительной колкости ран без бинта.
Грудь пробивает терзаний таран. Пустота.
Надо бы встать и пробраться без слёз через ров
в круг оголяемый бликами грёз от костров.
Пятки в расплавленных углях прожечь до души.
То, что само не сумело истечь, ворошить.
То, что истлеть не сумело само – нервов нить.
То, что сказать захотел и не смог, не простить.
Переболевшему в вереск упасть навсегда.
Видеть, как студят ревущую страсть, холода.
Слышать, как чувства вмерзают в настил на реке.
Но возвратиться, как будто гостил вдалеке.
Но возродиться, потерю забыв стольких струн,
в тлеющий легкий порыв поутру...
Ночь растворяет осанку и стать. Не пойму.
Надо бы партию переиграть по уму.

МОНЕТА НА ПАМЯТЬ

Брось монету на память
и приедешь сюда
через снежную замять,
сквозь тоску и года.

Брось монету без спора
и с открытой душой
возвратишься в тот город,
где тебе хорошо,
где цветы молочая
в желтых пятнах окна,
где томясь и скучая,
ожидает она,
где теряет одежды
теплой юности след,
где не тают надежды
столько лет, столько лет.

Брось монету под вечер.
Сдвинет локон со лба
и откроет навстречу
свои двери судьба.

Брось пятак наудачу.
Сняв волнения дрожь,
та, что любит, заплачет,
если ты к ней войдешь.
Наступившему лету
подставляя плечо,
брось на счастье монету,
не жалея пятачок.

И заправивши круто
всех дорог океан,
задержись на минуту,
брось монету в фонтан.

Брось монету на память...

БЕЛИЗНА

Лето все дни дождит.
Солнце горит едва.
Превозмогая стыд,
в горле болят слова.
Превозмогая стыд,
лист обнажает суть,
в рифмах былых обид
всхлипывая чуть-чуть.

Белый просвет окна
слизывает строку.
Тонкой полоской сна
в чашу стихов бегу.
Блеклость понурых фраз
на белизне страниц
заледенит на час
контур размытых лиц.

И не найдя тропы
через просчеты лет,
в бледных глазах толпы
считываю ответ.
Тот, что везде искал,
тот, что всю жизнь хотел.

Нервов девятый вал
смоет цепочку дел.

Выплеснет на гранит
старую ложь молва.
Превозмогая стыд,
в горле болят слова.
Строчек прямую нить
вымолю у Христа,
чтобы к утру сложить
на белизну листа.

СЛЕДЫ ПОЭМЫ

Слеза сползала по щеке
и в полумраке
на закипающей строке
белела накипь.
И в тусклом взгляде ночника
неоспоримо
минуты, годы и века
бежали мимо.
Писать стихи в ночную тишь
святое дело.
И ты пришла, сидишь, молчишь,
ты так хотела
взглянуть на мук полёт и раж
и приобщиться
к тому, как лезет фальшь и блажь
на все страницы.
Не воплощаются мечты
и в наказанье

за пять минут услышишь ты
мои метанья,
мои надежды на успех
и слов фанфары,
и рифмы первородный грех,
и звон гитары.

Я унесусь в размеры строф
и смысл куплетов
в потоке яростном ветров
зарей отпетых.

Под тени арок и мостов
врываться будет
набатный стон зажатых ртов
и смятых судеб.

И полетят без хвастовства
и без утайки

не сочиненные слова
в рассветных стайках.

И переменятся миры
в крутом замесе,
и догорят к утру костры
не спетых песен.

И нахлебавшийся тоски
к тебе вернусь я
в потоке бережной реки
омытой грустью.

Бумаги стопка и в золе
пустые темы.

И хрупко тлеют на столе
следы поэмы.

СОБОР

Под сводами старинного собора
играл мелодию неистовый орган.
И голоса мальчишеского хора
взрывали шрамы застарелых ран.

И мысли вырывались в иступленье,
и замирали, и взмывали ввысь.
И, преклонив замерзшие колени,
рыдала неудавшаяся жизнь.

И все цвета безудержного спектра
сплелись в лучах витражного стекла,
и этой жизни перебитый вектор
без сожаленья выгорал дотла.

Мелодия под куполом летала,
собою заполняя пустоту.
А парфраз фальцетного кинжала
срезал с души и грязь, и суету.

Играл орган, и залпом били звуки
из всех его артиллерийских труб,
и боль прошедшей и забытой муки
сочилась из углов распятых губ.

Дрожала песня яростным куплетом
на самом недоступном этаже.
И начинались новые рассветы
в притихшей и очищенной душе.

Москва - Калининград, 2021

Игорь КИРИЛЛОВ/Игорь СЕВЕРСКИЙ

УБЫВАЕТ В КОЛОДЦАХ ВОДА

Убывает в колодцах вода –

Это Солнце

над нами смеётся.

Заглянула в колодцы звезда,

От тоски высыхают колодцы.

К горлу вновь подступает жара,

Лютой жаждой она обернётся.

Нет, не то чтобы выпил вчера –

Это Солнце

над нами смеётся.

Мы великие все – в мелочах,

Кое-что нам порой удаётся,

Только чувствуем узость в плечах –

Это Солнце

над нами смеётся.

Задаём за вопросом вопрос

Ищем долго ответы – веками.

Что в итоге? А фига под нос –

Это Солнце

смеётся над нами.

Есть мечта – путеводная нить:

Мы к светилу хотим подобраться

И такое там с ним сотворить,

Чтоб оно перестало смеяться.

* * *

Измельчали люди, как река,
Та, что в колыбели нас качала.
Не найти теперь своих причалов,
Рушатся родные берега.
Руслом не своим судьба течёт,
Омуты безмолвием пугают.
Кто-то вдруг бесследно пропадёт.
«Окаянным дням» утерян счёт.
Дальше «что и как» – никто не знает.
Ждём весны, авось пойдут дожди
И вода опять заполнит русло.
Новые появятся вожди,
Новые идеи, мысли, чувства.
Забурлит и вспенится река,
Мусор весь, сметая, без остатка,
Принесёт нам счастье «на века»,
Вечный мир, спокойствие, достаток.
Это мы умеем – долго ждать.
Также долго запрягать умеем,
Если что представится сказать,
Так и то – не скажем, оробеем.
Вот и остаётся – не брюзжать,
А ещё надеяться и верить,
Каждый день на лодке выезжать,
Чтобы русло старое промерить.
Каждый день и снова и ещё...
А вода, как прежде, убывает.
Солнце так безжалостно печёт,
И дождей никто не обещает.

Нефтеюганский район, Тюменская область

Нина ЛЕКСИНА

ТОСКА ПО СТАРИНЕ

Храм тянулся в бездну неба
золоченой головой.
И разнёсся над округой
звонкий голос удалой.
Переливы, перезвоны –
взмыли вверх колокола,
И во славу Иисуса
к небесам неслась хвала!
Были странными те звуки,
будто ветер в тростнике,
То ли гусли, то ли песня
раздавались вдалеке.
Эта грусть и эта удаль
были любы, милы мне.
И тоска – по неизвестной,
первобытной старине...
И хотелось причаститься,
смыть слезой греховный лёд
И с Христом соединиться –
так душа рвалась в полёт!

ОТЧИЙ ДОМ

В мир я вышла из избы,
Деревянной, русской.
Мне ль забыть красу резьбы
Окон, тропки узкой,
Что ведёт к крыльцу, домой,
В кров отца родного?

Со скитальческой сумой
Встану у порога,
Покрещусь на образа:
- Слава Тебе, Боже!
Навернулись на глаза
Слёзы. Ну, так что же?
Мир тебе, мой отчий дом,
Дай душе покоя,
Мир – голубка над крыльцом,
А без вас-то – кто я?..

РОДИМЫЙ ДОМ

Разве сможешь, позабудешь
Пруд, заросший лозняком,
И приволье пёстрых уток,
Пролетевших косяком,

Сад с антоновкой душистой
И с клубникой огород,
Бойкий на слово, речистый,
Деревенский наш народ,

А толпу кудрявых яблонь
И сирени белый куст,
А по осени – капустный,
Ароматный, сладкий хруст,

Прикорнувшего котёнка
И собаку под крыльцом?
Разве сможешь, позабудешь? –
Это ж всё – родимый дом!

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

верлибр

Она лежала,
распята иглами капельниц. Сердитым ежом
затаилась в груди боль. Её тело устало жить.
Душа жаждала покоя.
У её изголовья
стоял Ангел смерти. Он торопил.
Она безмолвно молилась, ждала...

Прямоугольник больничного потолка
закрывал Небо. Стукнула дверь. Шаги...
Это он, её сын. Плоть от плоти.
И – впервые – трезв. Подошёл, наклонился...
Мать подняла слабые руки. Вновь
притянула его голову к себе. Поцеловала в губы,
отдавая с последним дыханием любовь,
благословила: «Живи, сынок»...

В остатний раз материнское сердце неистово полыхнуло
жертвенным огнём. И погасло навеки...
Душа летела в Божий ковчег. Мать-земля распахнула
ледяные объятия.
Кровавым шаром метнулась по небу луна,
унося
в вечность её последний земной день.
Выл ветер. И вместе с ним рыдала вьюга:
«Ма-а-ма...»

Тюменская область, г. Нижневартовск

Александр ЖУРАВСКИЙ

СОН

Мне снятся залы полные людей,
Объятая, песни, крики, поцелуи
И девочка поющая «Мзиури»
На площади расстрелянных идей.

Мне снится переполненный Арбат,
Разноязыкая толпа у мавзолея,
И жёлтый друг, и чернокожий брат,
И звёздочка на кителе старлея.

Мне снится мир забытых балерин,
Дин Рида песни, «Клён» и «Скоморохи»,
Со сцены уходящие эпохи,
Смотрящие картинками с витрин.

Мне снятся моложавые друзья,
Девчонки-хохотушки непоседы,
И старый «ВЭФ» у пьяного соседа,
И почему-то речка Сырдарья.

И я тянусь рукой среди этих снов,
Пытаясь зачерпнуть в ладони время,
И попросить того, кто в Вифлееме
Родился среди овец и пастухов, -

Пусть всё вернёт, я оплачу грехами,
Молитвами и верой в чудеса,
Пускай сверкают высоко над нами
Безоблачного детства небеса.

ОДНА ПЛАНЕТА - ОДИН НАРОД

Открой в себе границы людям,
Не соплеменникам, чужим.
Бог не оставит, не осудит,
Укажет путь в Иерусалим.

Болеют не тела, а души.
Клинок не сеет, а сечёт.
Но если праведника слушать,
В миру рождается народ.

Любовь останется навеки.
Минует власть, устой, закон.
Осядут горы, сгинут реки,
Поблекнут рамы у икон.

Исчезнут прошлые границы
На небесах и на земле.
Сквозь рубежи летают птицы
В кромешно беспробудной тьме.

Падут они - оковы страха,
Народы сблизятся в один.
И возродится мир из праха
Из заблуждений и руин.

ПЬЯНЧУЖКА

Уходят года, улетают лета.
Такая как ты никому не нужна.
Щепа от ствола, средь людей сирота.
Вода с решета и крест без Христа.

Такая как ты никому не нужна, -
Свята простота без смиренья пуста.
Гордыня твоя не подвластна тебе,
Построенный храм, не в душе, а в избе.
Без внуков, без мужа, без близких друзей.
Затянешь потуже язык без костей.
Такая как ты никому не нужна,
Где бродит в потёмках душа допоздна?
Тебя не встречают, на части не рвут.
И не величая - пьянчужкой зовут.

БЕРЕГИ СЕБЯ!

Береги себя, боль времён тая.
В страхе бытия береги себя.
Там, где все вопят, береги себя.
На поминках дня береги себя.
Празднуя, моля, береги себя.
Если оскорбят, береги себя.
Мир горит, клубясь, падают друзья,
береги себя. Береги себя!
Белых масок вязь кроет мир, губя.
Даже павши в грязь, береги себя.
Жги, не мелочась, что берёг, копя.
Злясь или смеясь, береги себя.
Високосный год косит не тая,
Каждому - черёд, береги себя.
Утром помолясь, о друзьях скорбя,
Не теряя связь, береги себя.
Выживет лишь тот, кто водой кропя,
Продолжая род, уберёг себя!

«НЕТ НАРКОТЕ!»

Кокаиновый ребёнок – он всегда живёт спросонок.
Трётся листьями терновник в самотканую пелёнок.
Он несчастный в мире самый –

нет ни папы, нет ни мамы.

Брошенный ещё в роддоме, кокаиновый ребёнок.
И живёт он не понятно –

мыслей нет и речь невнятна.

Кокаиновый ребёнок – недоношенный волчонок.
Жизни тлеет сигарета – память,

безысходность бреда.

Он сгорает как подёнок – кокаиновый ребёнок.
Тенью бродят по планете кокаиновые дети...

ДОБРОТА

Доброта не портится, прячась под замок.
Всё вернется сторицей, коль дарует Бог.
Доброта - послушница, музыка души.
Доброта аукнется, белый свет прошив.
Не живёт, а мается мир без доброты,
Красота стирается в грязные бинты.
Радость непомерная рядышком идёт,
Сердце благоверное к доброте ведёт.
Про добро рассказывай, о своём молчи.
Душу не завязывай хвостовством в ночи.
Каяться и кланяться можно много раз,
Лишь добросердечие извиняет нас.
Доброта не сетует: кто кого везёт.
Кто за благом следует, мир людской спасёт!

СОБОР

Опасно стало обнимать друзей,
Лелеять внуков, собираться в «стаи».
Вновь по планете бродит Моисей,
Вдыхая ветер жёлтого Китая.
Не страшно умирать, а страшно жить!
Играет в проводах заразный ветер.
Мы заблудились и спалили поле ржи,
В котором так играть любили дети.
Пророки знают больше, но молчат...
Поэты видят будущие беды.
Уже на карантине райский сад,
А отошедшие ещё не все отпеты.
А впереди - ни мира, ни войны.
Не лекари, а злые генералы,
Холопы и надменные паны
От сатаны ждут веского сигнала.
И мир - не мир! Виновный правит бал,
Указывая на врага перстами.
Он, демократ, под маской - каннибал,
А грешники, - естественно, славяне!
И побеждённые ликуют и вопят;
Цветные мухи, мнят себя орлами.
А над землёй витает злобы яд,
Толкаясь по крови антителами.
Опасно стало обнимать друзей,
Дышать в лицо и петь в едином хоре.
Пусть каждому отмерен свой удел,
Спасенье - во Вселенском же Соборе.

Краснодарский край, г. Анапа

Лариса КАРЕЛИНА

ПРИТЯЖЕНИЕ СОБОРА

Звон колокольный извещает всех,
Что для молитвы утро наступило,
Оно не для забавы и утех
Людей от сна ночного пробудило.
Там, в тишине молитвы той, незримо,
Сойдут в сердца людские небеса
И благодати чистая роса
Омоет их, грехом тоски томимых.

Бывают дни, иль судьбоносный час,
Когда поднимет, будто кто-то нас
И скажет нам, повелевая: «Иди, иди!..
Ты свет увидишь и радость впереди».
Молитвой встретит утром ранним хор,
Иду к тебе, ты ждёшь меня, Собор!
И радость тёплая твоя, живая,
Меня обнимет тихо, утешая.

БЛАГОДЕНИЯ ТВОИ, ГОСПОДЬ

Во мне живёт стихия СЛОВА,
И ЗВУКИ дивные, божественные, снова
Разбудят Дух в палитре ЦВЕТА...
Душа моя теплом ТВОИМ согрета!
Летит ОНА, где нет страданий,
И горя нет, войны-разлуки,
Где с красоты ТВОЕЙ небесной звуки
Дар в МИР – ТВОИ благодеяния!

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Когда в толпе безликой
Устанешь от пустых,
ненужных встреч,
И одиночество,
как острый меч,
Будет
тебя, и мучить, и сверлить
Своей безжалостною пикой,
И боль его
ничем не заглушить...
Когда
холодных душ скольжение
Вокруг тебя
кольцом сомкнётся,
На крик немой
никто не отзовется,
И ты почти в изнеможении,
Вдруг ощутишь
чудесное мгновение –
Души родной прикосновение.
Далёкая,
она как будто рядом,
Тебя согреет добрым взглядом.
И свет её
из мироздания
Коснётся твоего сознания.
Свершится
тайное благословение –
Сердец двоих
соединение.

ЭТЮД С КАМИНОМ

Она давно одна сидела.
И неотрывно
на огонь смотрела.

Поленья жаром полыхали.
Их волны огневые
поднимали
Из глубины души бывшее.
Давно забытое,
святое...

И то,
что раньше волновало кровь,
Теперь невольно
заговорило вновь.
Её ресницы трепетали.
Минувших дней
картины оживали.
И загорались пламенем живым
Глаза, душа –
всё освещалось им.

Но вот поленья догорают.
Огонь в камине умирает.
И меркнет пламя,
угасает тусклый взгляд.
И возвращается душа назад
В потёмки тайные –
до новых встреч
С огнём,
чтобы его опять зажечь.

Тюменская область, г. Ялуторовск

Светлана МООР/Вета МООР

ПОРТРЕТ С АРБАТА «СОВРЕМЕННАЯ МАДОННА»

текст романса

Судьба, моя игрушка, как звонкая хлопушка.

Там, где не ожидала, - взяла и взорвалась.

Ещё с утра рыдалось

в помятую подушку,

А к вечеру поётся – над миром поднялась.

Ну, верх непостоянства, и что-то есть от пьянства:

Настало вмиг похмелье, кружится голова.

Арбат – река-дорога мятежницы и странницы,

И льются песней-музыкой

беззвучные слова.

«Такой серьёзной даме глаза красотки дали».

Ей так смешно живётся: и плачет, и поёт.

И благодарность маме и папе передали,

Что женщина-мадонна в XX век войдёт.

Портрет нарисовала и вмиг красивой стала –

Какое легкомыслие – ничем не стеснена:

В глазах грустинка-нежность – мадонна засияла.

И лёгкая улыбка – коснулась губ весна.

С судьбою всё играешь, сама того не знаешь –

Играешь ты опасно, жонглируешь огнём.

Мир создала иллюзий,

а смерть ты презираешь:

Бессмертие и слава начертаны пером.

ЦИКЛ «НА КРАЮ ЖИЗНИ»

* * *

Люди столько всего напридумали:
Суетятся, влюбляются, лгут.
Мир под дулом, под вечными пулями.
Развенчав, в порошок всё сотрут.
Изменяют своим идеалам:
Все воют и «горькую» пьют.
Постоянство у всех в самом малом:
Все когда-то и где-то умрут.

Все умрут. Даже, кто на чужбине
Примеряет счастливый венец.
Было так, так и будет отныне –
Всему в мире приходит конец.
Ну, а что же от нас остаётся?
Отчего же так хочется жить?
Это просто любовью зовётся.
Тот, кто любит, того не убить.

Кто из жизни с любовью уходит,
Попадает в иные миры.
По Вселенной счастливые бродят,
По ночам, разжигая костры.
Слышу нежные, грустные песни –
Это дед мой тихонько поёт.
Сон мой «в руку» - удачи предвестник.
Это значит, что мне повезёт.

Это значит, что ты улыбнёшься
Безоружной улыбкой своей.

И с «небес» своих снова вернёшься
На просторы любовных полей.
И дыханье в одно превратится,
Я умру от объятий твоих.
Перестанет в груди сердце биться:
Это значит, что нет нас в живых.

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Всё «женское» претит мужчинам.
Вы так в своём невежестве невинны.
Не женщина ль носила вас под сердцем?
И все вы - и с изюминкой, и с перцем
Не знаете, что рождены в безумных муках?
Вы утопали в нежных сердца звуках.

Забыли вы,

что в колыбельке вас качала

Мать-женщина - земная и святая?

А истина совсем простая

Откроет и для вас, мужчины, двери,

Заставит вас любить, страдать и верить.

Что в мире может быть ценнее жизни,

Которую любовь и верность движет,

Что женщина единожды дарует?

Что более сердца мужчин чарует?

Склоните голову пред женщиной,

мужчины!

Она зажжёт последнюю лучину.

В невежестве своём неизлечимы:

Богиней рождены, и вы – любимы.

* * *

В какие я попала сети,
Опутанная на века?
Пока ещё на этом свете
Живу, люблю, горю. Пока

Ещё глаза мне не закрыли,
Рот не сковали немотой,
Признаюсь – счастливы мы были,
Хоть и страдали «слепотой».

Наперекор судьбе любили,
А нас пытались разлучить.
По-своему, с ума сходили.
Мы были, есть и будем жить.

В какие я попала сети?
Единственная, я – твоя.
Я знаю, что на этом свете
Есть то, чего продать нельзя.

* * *

«Трагична жизнь любого человека».
Рождён,
 чтоб непременно умереть.
И не излечит самый мудрый лекарь,
Когда душа готова «отлететь».
У каждого – судьбы предназначение,
У всех горит своя звезда.
Природой уникальному созданию
Отсчитаны
 недолгие года.

* * *

Молчит моя свирель.

И скрипочка – ни звука.

Нет музыки в душе, меня не беспокой.

И всякий человек в преддверии разлуки:

Всех ожидает смерть –

безвременный покой.

* * *

Оглохла я от тишины,

Мне нужен звук в напеве нежном.

Своей виной и без вины

Я проживаю в буре снежной.

Кружит в душе моей метель,

И сердце бьётся беспокойно.

Такая в жизни канитель

По нервам бьёт бесперебойно.

Здесь – ожидание одно,

Сойти с ума и не проснуться.

Но открывается окно,

А значит, следует вернуться.

И снова жить, и снова петь,

И не сдаваться вьюжным бурям.

Себя лучами солнца греть

Взамен больничной процедуре.

* * *

Ты, жизнь моя неповторимая!

Люблю я жизнь, а в ней тебя.

Я знаю, что и я – любимая.

Жила, живу, умру, любя!

* * *

Не виновата я –
Подвергнута влиянью мирозданья.
И чуда, и свершений ожиданья.
Все, как во сне, и я не наяву.
Сегодня в этом мире не живу.

МОЯ МУЗА

А без меня она не существует.
Я с нею, в ней.
Я просто – стих сама.
Она меня балует и ревнует –
Поэзии бескрайняя страна.
Она вместит в себя любые строчки,
Она любую горечь отпоёт:
Там запятые, многоточья, точки.
Она в миры иные уведёт.
О, моя муза! Ты – страна мечтаний!
Ты никогда меня не покидай.
А перед смертью, пред концом скитаний,
Ты унеси меня в родимый край.

* * *

Учиться жить,
учиться понимать.
Всю жизнь чему-нибудь учиться...
Я – вечная...
Я – вечно ученица.
Я не хочу,
не стану умирать.

ПРОЩАНИЕ

«Всё во имя человека,
Всё для блага человека»
Закрывают нежно веки
Уходящему навеки.
А при жизни малой мерой
Отмерялось счастье.

Верой

Жил советский человек,
Но почил теперь навек.

Ни к чему теперь прощание
И прощенья завывания,
И слепящие букеты,
И нелепые памфлеты:
Все надгробные слова.
И помятая трава.
И весны последней вздохи.
Эти «ахи», эти «охи»...

Не увидит, не услышит:
Он незрячий, он не дышит.
Не поймёт и не простит,
Он навеки улетит...
В бесконечный путь,
в пространство.
Не страшны ему ни пьянство,
Ни раскаты громких слов:
Он лишён теперь оков.

Тюмень

Елена ДУЛОВА

НА ЗЕЛЁНОМ СУКНЕ

На зелёном сукне стопкой фишки стоят,
Полумрак, запах кофе и виски.
Тишина всё съедает, здесь полы не скрипят,
Свет искусственен, бархат английский...

Здесь, «чужих» не бывает, и случайных здесь нет,
От сигарного дыма туманы.
Ставка, выигрыш, доход – заменяют обед.
Здесь играют на судьбы и страны.
Здесь нет боли, ни страха, ни чувства вины,
Только разум и чувство наживы,
Вот страну положили на клетку войны,
Миллионами лишь одержимы.

Плачут матери, дети, страдают отцы,
Нет покоя мятущимся душам...
В казино же игра – мир тасуют купцы,
На кон ставятся недра и суша...
Миражом тишина, шорох фишек и карт,
И стратегия, как способ действий.
Здесь царят только цифры, цели и фарт,
Выбор лучших возможных воздействий.

Пусть кому-то в игре проиграть суждено,
Но меж ставкой, игрой или пиром,
Слёзы их не волнуют. Их стихия сукно
И заботы владения миром.

КУСОЧЕК ДЕТСТВА

Картинка солнцем гретого двора,
И детства беззаботность в тёплом цветке,
Морошки спелой два больших ведра
И щука в лодке, сохнувшие сети...
А мир радушный, тёплый и смешной.
Клуб в сумерках манящий взрослых танцем,
Оттуда смех задорный молодой,
Свет фонаря - качающийся панцирь...

А мы другие, к нам пришёл закат -
Ещё дружили шумною ватагой,
Но в проходной серьёзнейший плакат
Нам был цветной весёлою бумагой.
Мы шли по стыку призрачных миров,
Где был известен прошлый, но застойный...
Он умирал, царило казино
И шла игра – зеро, на красный, чёрный...

Где каждый сам с собою, за себя,
Там коллективам стало мало места.
Многоэтажки улицы дробя
В микрорайоны зарастали тесно.
Виток спирали – пенсионный хор,
Как в молодости снова шумной стаей,
Стране, семье с процентом отдан долг
И призрак клубов снова возникает...

А мы другие. Хором нам не петь.
Мы не откроем душу ни в плацкарте,
Ни на работе, ни в скупом купе,
Нет места коллективности на карте...

А наши дети - снова мир иной –
Ушли легко в онлайн просторы дальше
И каждый вечер иже выходной
Они не с нами, но хотя и наши...
Мы одиночки в сути бытия.
И в силу обстоятельств так пошиты,
Что ищем и рисуем под себя,
Ища себя, а не своей защиты.

А наши дети на витке своём,
Кружа технологично по просторам,
Переходя в иное бытие,
Уйдут от пресловутых мониторов,
А позже, на закате зрелых лет,
Они вдруг остро затоскуют детством...
И тонких мониторов лунный свет
Игрой поманит, как для счастья средством.

И так по кругу, поколений ход,
И каждому свой отдых будет милым...
Ведь с истощеньем человек берёт
Кусочек детства, юности и силы.

МЕНЯЕТСЯ МИР ДЕНЬ ОТО ДНЯ

Меняется что-то и в душах, и в мире...
А новости больно и страшно смотреть.
Жестокая жадность в фаворе и силе,
Повсюду разносит страданье и смерть.
Меняются карты, меняются люди,
Ломаются судьбы. И день ото дня
Тот мир беззаботным уж точно не будет.

Коль холодно вам – мы добавим огня.
Доходы безликие зло посчитает –
Скорей бы убрать все помехи с пути.
Как мусор ненужный людей выметает,
Свои интересы спеша соблюсти...
И нет Докучаевска, нет и Дебальцево
Война поменяла названия мест –
Теперь Вымираевск, теперь там Страдальцево...
И свежие холмики вместо надежд...

МАРТ. СВЕЧИ. ТОЧКА

Стихи-отклик на пожар в торговом центре «Зимняя вишня»

Придёт весна с капелью звонкой,
Каникул время пролетит,
А к лету яркие обновки
Найдут у жизни аппетит.
Тетрадей нудная работа
И русских классиков стихи,
Любовь и мамина забота,
И лета тёплые шаги...
Подружек стайки, летний отдых.
Весёлых лиц семейный круг
На фоне шашлыковых фото...
Любови первой милый друг.
Учёба, планы, выбор ВУЗа
И жизни повседневный бег...
Но зимней вишней сбиты курсы.

Март. Свечи. Точка...

Чёрный снег...

ЖИТЬ ЭТИМ ДНЁМ

Жить этим днём, не ждать чего-то там.

Снег - хорошо.

Мороз - есть шуба, шапка...

Ну, почему стремимся мы к мечтам –
то снега, то тепла!

Но сыро, зябко
от оттепели иль от зимних выюг.

То ждём любви,

то каемся как прежде...

И душу залечив, в порочный круг
кидаемся за новой надеждой...

Вот так малыш,

в отделе «Детский мир»

игрушку тащит, со слезами просит.

Неделю, максимум, пластмассовый кумир
утешит взор...

Как наигрался - бросит.

И мир продаж - маркетинга Богам

мы молимся за моду и достаток...

За мишурой

гоняясь тут и там,

души не чая, ну, а ей лишь надо:

быть нужной, понятой,

без страхов и обид,

уметь любить, дружить и мыслить ясно...

Тогда и снег,

что по весне летит,

порадует чудесной белой сказкой.

КРЫМСКИЙ МОСТ

Наверное, в истории – банальность –
Кусочки суши тасовать меж стран.
Но только не приемлет эту данность
Зов крови – он единый океан.

Вот так и Крым, отторгнутый бездумно,
Фантомной болью в каждом сердце жил.
Теперь Крым наш! Чужой? Поверить трудно.
Период единенья наступил.

Вернулся он, уставшим блудным сыном.
К России, словно к матери прирос
Стальной,
 бетонной крепкой пуповиной,
Которая зовётся – Крымский мост!

ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР, ПОЖНЁШЬ СУДЬБУ

Ах, Россия, как жертва для мира.
Как в золотых ожерельях вдова.
Вечно ждёшь от грядущего пира,
Но себя-то ты любишь едва...
Оттого и лохмотья под золотом...
Оттого и перчаткой в лицо...
Любишь вскармливать рбдную младость
Батогами, плетью, да свинцом...
Спину гнёшь перед франтом заезжим,
Не ценя свою мудрость и статью...
Терпелива, покорна как прежде...
И как прежде удобно смолчать...

О СИНИЦАХ И ЖУРАВЛЯХ

Раздавали при рождении синиц.
Птахи мелкие к ладошке в самый раз,
Только мало кто ценил дарёных птиц –
Журавля искала в небе пара глаз.
Там и крылья, там и редкость, там и мощь!
Сердце билось: вот бы, мне бы, журавля!
И синицу не держали – в снег и дождь
Ожидая алый парус корабля.

Как синица упорхнет – покой исчез...
А журавль, только в небе он красив.
Рядом если – ухвати – потянешь вес?
Хватит смелости? Достаточно ли сил?
Раздавали при рождении синиц...
Шустрость, лёгкость, два крыла – бери, летай...
Но куда там – не ценили ярких птиц –
Им Пегаса пожирнее подавай!

ТКЁТ СУДЬБА

Ткёт дорожку реал по основе из заданных качеств,
И натянуты нити, и уходят за дальнюю даль,
Нам судьба принесёт лоскуты из побед, и чудачеств,
Ну, а мы выбираем, то атлас, то сатин, то вуаль.
Собираем узор из того, что судьба предложила.
Но средь разных лоскутьев выбираем фактуру и цвет.
Ткём без сна иногда, надрывая и нервы, и жилы.
Создавая узоры километрами прожитых лет.

Тюменская область, г. Тобольск

Юлия ПЕТРОВА

ЖИЗНЬ В ИНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

мини-цикл

ВРЕМЯ ВСПЯТЬ

Трудно мчаться в поточной мутности
Созерцать, сохраняя спокойствие:
Рано ль, поздно сплывают кучности,
Набегают с другими свойствами.
Не считаю себя бездарностью:
Кто-то против,
 а мне не кажется,
Но скажу, что готова отважиться
Совершать какие-то странности.
Не считаю себя забытой
В бесконечности горизонта,
Наблюдаю: взгляды открыты
И всё дальше, в поисках порта
Убегают.

 Ищут пристанище
Или пристань (кому как нравится).
И готова теперь отважиться
Вновь вернуться в зону отпора!
Я не стану ни проще, ни ближе,
Не паду на колени – ниже,
Буду ложь всегда ненавидеть,
И ступени вверх только видеть.
В наказание, или в подарок
Обострённость дана: ЗНАТЬ порядок,
СЛЫШАТЬ, как же дышится морю,

ВИДЕТЬ разный в движении воздух,
Опознать: ложность в крике иль горе!
Кто-то против?

Мы ж все от рожденья
Даром виденья награждены!
В изначальности «сопровожденья»
Верой в даре не у-беж-де-ны!
Вижу всё как в изнанке – иное,
Всё до ужаса неродное...
Ухожу, не познав зон комфорта,
В жизнь, уж схожую с линией фронта!

И ОПЯТЬ ЭТИ МЫСЛИ...

Изменение «в темя» – моментом!
Ты обязан принять,
Но труднее понять:
Было в прошлом – ушло
И не просто: на дно,
Не достать, не поймать!

Без излишества «сантиментов»!
Да, ушло уж величие буден
Больше старого нет и не будет.
День с нуля, без привычности – скуден...
Развалилось всё так неопратно,
Окончательно и безвозвратно!

В жизни каждого «небыль» случается...
Человечеству ж – вряд ли оправиться.
Так мы учимся время терять...
Ни к кому не вернётся вспять!

ПОРА ЗАДУМАТЬСЯ

Сколь же длится момент «заточения»,
Ощущенья утеряны во времени
И ничто не имеет такого значения:
Существуем ли мы или нет?
Мы в системе – глобальный дефект?
Нет и смысла, ищи не ищи:
Не броди по пустынному городу,
В нетерпении не трепещи –
Всё застыло от льда или холода.
Шансы все поменялись на ноль,
Совершенный и абсолютный.
Начинаешь любить свою боль,
И страдания – что? – Обоюдно?
Вероятность рассыпалась в дробь,
Чтоб почувствовать всё как прежде,
Но так хочется чувствовать вновь,
И вернуться лишь в «до» – обратно
безнадежье?.. Невероятно!
Что, частицы из антивселенной
Побывали на нашем «свете»? –
Мир на грани любви и смерти
Он не вечен, увы, поверьте!
В параллели уже запредельной...
Выбор наш невелик для движенья:
Поменять вход и выход в творенья
И понять этот крик – больше знак,
И принять: были лишь отраженьем,
Миражом в небылице свободы,
Вновь крепить ненадёжные своды!
Или крах...

НЕ СЫПЛЮТСЯ ДОЖДИНКИ

Не сыплются дождинки,
И солнышко не блёстко.
Какой-то зимней, жидкой
Мглой город весь оплёскан.
И слишком ровной грудью
Он дышит, иль не дышит?
И почему-то грустен
Вид улицы притихшей...
Звонки все предлагают:
«А вам не надо грусти?
Хоть капельку, немножко,
Всё для прилива чувства.
А нужно целой ложкой
Микстуру оживления:
В запуганности время!»
Грусть не решит проблемы,
Но не гоните прочь:
Ведь есть другие темы,
Что могут нам помочь.
Нужны волненья духа:
Жизнь слишком быстротечна,
(Земная же, не вечна),
Желанье не потухло б
Сегодня мной не- к встречным,
Знакомым и не очень,
Да всё равно уж, впрочем!
Чтоб полыхнула правда:
В чём истина опаски,
В бездумье и безволье?
А, может, просто надо

Чтоб в уличной огласке
Со-дрогнул колокольно
У рупора глас, с болью:
«Да встрепенёмся ж, люди!
Лет «логик» – вопреки
Мы, выпрямившись, будем
Здоровы в мыслях буден,
И млад, и старики?»
Раскаянье б бередило
Всечасно ум и души,
Чтоб вновь не победила
Волн злобность – малодушья!

А ЕСЛИ...

Если наступит день,
Если наступит час,
День, убивающий лень
Ночь без патрульных глаз
Мир, где не было «нас»...
Я обниму пустоту
В городе боли и слёз,
Вдруг я пойму: не «ту»,
Бродят вокруг всерьёз,
Тень «замороженных» роз...
Тысячу раз вдохнув
Буду учиться «быть»,
Спрашивать тишину:
Как же теперь полюбить
Мир, где по-новому жить?
Знаю, наступит утро,
Знаю, что боль уйдёт,

Знаю, что каждой минутой
Чувствами всё оживёт –
Но... Если солнце взойдёт!
Страдания души прекратятся,
Печаль: от разлуки до дрожи,
«Тьмы дети» опять возвратятся?
В беспечно осеннее ложе?
Скорей я хочу отключиться
С шаблонов, как «матричных» схем,
Я знаю – всё здесь разлюблю я:
И меня, ведь ничто... А зачем?
В клетке стен!

ВСПОМИНАЯ ГОД

Пространство!
Как же ты безмерно:
И в одиночестве пустынь,
И заполярности, хоть стынь,
В безлюдии морей,
Которое живеё
Заброшенности той –
Когда душа с собой
Сама же говорит –
Ей страшен «габарит»?
Нет-нет, он так манит!
О, сердце, не застынь!
Многоэтажный дом...
Все запертые в нём?
Кричу – в ответ молчат.
Взгляд чувствую спиной

Но... Снова пустотой
Обманется мой взгляд.
Звонок пронзит струной:
Хоть кто-то, хоть чужой!
Нет, кажется. Всё зря...
Осталась я одна!
Ночами, днями-стены,
Ступени этажей –
Как призраки теней,
Иль в танце миражей
Рисуются изменой,
Дорогой в никуда...
Вокруг та ж тишина!
И не разбить окон:
Там солнце за стеклом,
Луна, и тучи-гром,
Там птицы на ветру
Так мечутся в беду:
Не слышу: не могу!
Инверсия звучаний
За гранью выраженья?
Иль в тишине астральной
Мир замер в безнадежье,
Теперь как отражение –
Скупое, без «одежды»?
Одна... Не холодна,
Искрой душа пылает,
Мне мыслить «разрешает»!
Наивно предлагает
Сыграть свою игру
С проверкою на прочность

Вбегу иль, не вбегу
В мир страха – вот порочность!
Развею немоту –
Боязнью заражённую
Мирскую тишину!
Призыв души прорвал
Ограничений шквал:
На днях я назначаю бал!

ЕЖЕГОДНЫЕ СЕНТЯБРЬСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ну что мне делать
с каждым «новым Даром»?
Чтоб ощутили аромат бульваров,
в наш век узнали: есть цветы, трава –
никак из-за закрытого окна.

Захлопнуть книг цитатные страницы,
назло одной уехать (за границу!).
Заметят ли: с соседней крыши птицы
поют не как во славу ржи и льна,
и вместо книг и клипов в лже-слова
стучит в окно слов жизни глубина.

Ведь кто-то Золотой Скрипичный ключик
нарочно взял, да выронил из рук,
уж он то – знал, что много детских ручек
дотянуться, и примут первым Звук.

Наверное, у них все впереди –
любовь, мечты, прощенья и обиды,
поэтому столь смеха в их груди,
поэтому и слёзы не обильны.

(Но и рояль так монотонен и не силён).
Их ждёт такое множество страстей,
уж сколько копий поломают!
Пока ж, спасибо музыка тебе,
за то, что хоть тебя не отвергают!

Никто не знает, что с музыкой делать,
её ведь даже умным не подделать!
В век немоты с тобою так легко!
Хоть и захлопнул мир своё окно!

Так дай же Бог, пускай хоть как играют!
Вникают, чувства жизни открывают,
в звучаниях это претворяют:
я помогу!

Вот, что мне делать с каждым «новым Даром»...

ВСЕ ПРЕЛЕСТИ МОИХ ТВОРЕНИЙ...

И я пойму все прелести творений,
Ажурной связи смыслов бытия!
Плетенья кружева
 эпох и стилей –
На расстоянье оживлять, благодаря –
Я ж растворюсь в волне такой стихии!
И, передав все смыслы поколению,
Величьем пауз и соитьем нот,
Диагонально, молча – в переход...
Для осмысленья дальнего движенья!
Искать цветок, на взгляд пусть грубоватый
Наверняка, с искусным ароматом!

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ...

Год промелькнул, как миг чудесный,
Как был он радостен и мил!
Одним лишь нам с тобой известно,
В какой он трепет приводил.
Как замирало часто сердце
От телефонного звонка,
И в неожиданности встречи
Порой, увы, издалека.
От первых губ прикосновенья,
От нежных взглядов глаз твоих,
От редких встреч уединенья,
Таких желанных и родных.
Как страстен ты в своих желаньях,
Как робок был ты иногда,
Но весь наполнен пониманьем –
Таким ценю тебя всегда.
Ещё любовь не отболела,
Ещё тоска не отошла.
Лишь первый шаг к сближенью сделан,
А впереди... ещё года!
В предельном взлёте чувств единых
Друг друга будем так любить!
Не забывай вовек, мой милый,
Того, что мне не позабыть:
...Будильник просто «отдыхал».
Уж трель иную разливал
Мой телефон, и по утрам!
Звон в дверь: посыльный уж принёс
Букет любимых цветом роз!

И первым был всегда вопрос:
«Что снилось? Как тебе спалось»?
А мне и в сказочности грёз –
Таких «касаний душ» не мнилось!..

ВЕСЬ МИР ПЫЛАЕТ

Весь мир пылает чувством как огнём!
Откликнись кличем, кто ещё влюблён.
Нам созерцательность покоя-взгляда
Запоминается устоями обряда!
Взволнованы ли – всё вам поверяем
Что в строчках! Иль себе не доверяем?
Вселенская любовь не исчезает!
Нюансами оттенков озаряет.
То звоном переливов завлекает,
А обожжёт – и снова оживляет!
Отверженность – в печали отдышает,
С грустинкою словами «выплывает»!
Любовь бывает сказкой – но, с опаской,
Обманчива, порой её огласка.
Ещё невыносимо безответна:
Но важно ль, если вы в «полёте» – это?
Подруга ли, жена, юнца влечение,
Всё в разноцветье бликов – отраженье
Великого любовного сближенья,
Любви обильность – это душ томленье,
Их и спасение, и воскресенье!
Стихом поэтов окрылён?
Так отзовись же, кто влюблён!

РАССВЕТЫ

поэтические зарисовки

* * *

Кто рано встанет – удивится:
Как Солнце может исхитриться
Стать малостью такую: Солнце
Подглядывает из оконца?

Прикрыли горы и леса
Его «значение» для Земли,
Но как раскрашены в выси
Разновысотно облака!

Там небо, видимо, не знает
Каким он золотом сияет!
Затаянная сказочно игра:
Фигуры там переставляет
Их яркость и размер меняет...
Когда такое замечали?
В небесной дали...

* * *

Горы спят,
ещё чуть припорошены
Лёгким инеем ночи покрытые –
неумытые!
Через плоть одеяла непрошено
Слиток золота небо послало –
ждать устало!..
Через водную гладь переброшено

Много мостиков,
в путь сложились:
Солнце к «солнышкам» –
устремилось!
Лепестки в ночь опущены, скошены...
Вдруг касания светом дождались:
И взаимностью
день – наслаждались!

* * *

Как хитро Солнце показалось
Явилось с ночи,
всем ли спалось?
Неслышно щебетанья птиц,
Не шелохнётся даже лист!
Знать,
спит ещё и ветерок:
И не нагонит облаков...
Нет ряби даже в водной глади
Погасли ль звёзды Солнца ради?
Лучистый веер как радар
Проверит небо на «удар»
Грозы и молнии в дуплет...
И вот
тогда раздаст рассвет:
Вставать уже, пришла пора,
Пока не вступит уж в права
Жара!

г. Астрахань

Любовь СОШНИКОВА/Любовь БАЖЕНОВА

ГЛАВНОЕ

Я осталась в двадцатом веке
Среди добрых друзей и подруг,
Где чисты ещё были реки
И сильнее пожатья рук.

Там осталась. Пускай недели,
Дни и ночи бегут вперёд,
Только сёла не оскудели
На талантливый наш народ.

И как прежде земля весною
Ждёт касанья крестьянских рук:
С нетерпением и любовью
В поле выведут первый плуг.

И, согретая доброй лаской,
Примет зёрна в себя земля.
Изумрудной играя краской,
Зацветают потом поля.

Только это имеет силу,
И так радуется это взор,
Только это являет миру
Молчаливый такой укор.

Вот что главное на планете:
Чтоб как прежде родился хлеб,
Чтоб смеялись от счастья дети,
Чтобы мир во всём мире креп.

ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Чёрным по белому
где-то прописаны правила бытия,
Белым по чёрному...
слышите исповедь, плачет душа моя...
Чёрным по белому...
многими понято всё до наоборот,
Белым по чёрному
столько уж пройдено, где-то же есть поворот.
Чёрным по белому, грязным по чистому...
Много ли надо ума?
Белым по чёрному,
с добрыми мыслями, жизнь так диктует сама.
Чёрным по белому:
низкое, пошлое встретятся на пути.
Белым по чёрному:
честно и хлопотно – силы надо найти.

КОГДА ТОЛПА

Когда в тебя толпа кидает камни,
А там, в толпе, знакомые глаза,
То хочется захлопнуть будто ставни
Свои глаза, чтоб не текла слеза.
И вырвать сердце, наступить на душу,
Так разорвать невидимую нить,
Чужих советов никогда не слушать,
И слово ДРУГ навечно позабыть.

Порой к себе не тех мы приближаем,
Им доверяем больше, чем себе.

И только, через время понимаем:
Как слепо мы доверились судьбе.
Когда летят нам камни в спину снова,
Но рядом – друг, всё можно пережить,
Порядочность – доверия основа,
С надёжными людьми легко дружить.

ПОКА МЫ НЕДОВОЛЬНЫ

Пока мы жизнью недовольны,
Она проходит мимо нас.
И счастье, словно ветер вольный,
Неудержимо всякий раз.

А потому отбросим скепсис,
Чтоб радость запустить в свой дом.
Ведь недовольство – это сепсис,
Что понимаем лишь потом,

Когда теряется надежда,
Уходит почва из-под ног.
Да, счастье – это не одежда,
Его не запасёшься впрок.

Оно порой неуловимо:
С утра с улыбкой рядом, здесь.
Но так бывает уязвимо,
Что слово скажешь – свет исчез.

И снова затянула туча,
Казалось, ясный небосвод,
И день не радостен, а скучен,
Хоть был приветливым восход.

А ЗАВТРА ОСЕНЬ

Последний нынче августовский день!
Прощанье с летом. А мне просто лень:
В дождливую и грустную погоду,
Прощаться с ним. Пускай ещё немного
Погреет солнцем, летним ветерком,
Порадует нас тёпленьким деньком!
Но пожелтели листья на берёзках.
Летят, летят, как желтенькие слёзки

По солнечному лету, по желанью –
До неба дорасти. Они не знали,
Что после радости всегда тоска.
Летят, летят, танцуют без конца.
Земли коснутся, дух переведут,
Кружатся вновь. Но скоро упадут

И потемнеют, потеряют краски,
Но только нынче, будто солнца ласку,
Разбрызгивают с каплями дождя.
Сентябрь уже остановить нельзя.
Он радостный, с охапками букетов,
Уж на границе осени и лета.

Ведь завтра школы двери - нараспашку:
И в платьишках, и в новеньких рубашках,
С улыбками, весельем и задором,
Толпой ворвутся ребятишки в школы.
А осень так прекрасна золотая,
Весёлая и грустная такая,
С дождями и холодными ветрами,
Вновь на порог, чтоб подружиться с нами.

УЧИТЕЛЮ

Долгожданный сентябрь на пороге!
Скоро он запоёт, зазвенит
В школьном платянце, тёмном и строгом,
Чтобы был презентабельный вид.

Долгожданный сентябрь – это праздник!
Он в улыбках, в букетах цветов!
Нынче самый отпетый проказник
Закружить Вас в объятьях готов.

Долгожданный сентябрь. Уже осень!
Лето было, но было вчера.
Коль тепла Вам захочется очень –
То подарит его детвора!

Долгожданный сентябрь - всё сначала:
Класс, тетради, звонки и журнал.
Хоть пора выпускных отзвучала
Вроде только вчера - вновь аврал!

Но сегодня сентябрь долгожданный:
Яркий, звонкий, с букетом цветов!
И звонок, самый первый, желанный!
Год учебный начать ты готов!

ЗВЕНИТ ЗВОНОК

Сентябрь! Звоночек школьный заливается,
Звенит, звенит, звенит уже с утра!
Сентябрь, звонок... Все это называется –
Любимейшая школьная пора!

Она пришла, явилась долгожданная,
И в коридорах раздаётся смех,
Учёба началась – пора желанная,
А знающего ждёт всегда успех.

Сентябрь раскрасит скверы свежим золотом,
Глазам и сердцу ярко и светло,
Звонок звенит залиvisto и молодо,
А на сердце и грустно, и тепло.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Учитель в начальной!

Вот это работа!

Она как артистка! Какие заботы!?
Вот радостно утром вошла она в класс,
С неё не спускают доверчивых глаз

Девчонки с косичками:

пышки, худышки,

Мальчишки серьёзные и шалунишки.
Зелёные, карие, серые глазки...
Все ждут от учителя знаний и сказки.

Волшебная палочка – это указка,
И в восемь ноль-ноль начинается сказка.
Пусть дождик, ветра или снежная вьюга,
А в классе тепло, словно летом на юге.

Мелькает указка,

и руки взлетают,

И дети то пишут, то книжки читают.

А первый учитель

всегда с ними рядом:

Он словом поддержит, улыбкой и взглядом.

ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Звенят сегодня колокольчики.
Нет, это не колокола церквей,
По всей стране такие звончики,
Но что их может быть милей!
Звонят, зовут в страну чудесную,
Где много радости, добра,
Где дни такие интересные,
И жизнь событий, дел полна,
Где всё меняется и движется,
Спешит навстречу чудесам,
Читается и много пишется,
И ты туда стремишься сам.

* * *

Учительница первая моя,
С улыбкой, помню, ты входила в класс,
Из-за очков смотрела на меня,
С такой любовью пара синих глаз
Учительница добрая моя,
Запомнился нам каждый, каждый миг.
Ты открывала радость бытия,
Чудесный мир героев умных книг,
Учительница светлая моя,
Входила в класс, и солнце улыбалось,
И доброту в душе своей храня,
Ты с нами забывала про усталость.
Учительница лучшая моя,
Я, как и ты, вхожу в такой же класс,
(Советы твои в памяти храня).
В нём дети, так похожие на нас.

В СТРАНЕ БУМАЖНЫХ САМОЛЁТИКОВ

Так надоело всё до чёртиков,
Забросила свои дела:
Страна бумажных самолётиков,
Ты столько лет меня ждала!?

Глаза твои всегда лучистые...
Меня, зачем ты позвала?
Ступеньки узкие и быстрые...
Дверь эта так же тяжела...

Теперь приземистые лестницы,
А в классах та же чистота.
На партах нолики и крестики.
Здесь поселилась доброта.

Она незримо и на цыпочках,
Заходит, молча в каждый класс
И остаётся в каждом выпуске,
Живёт воспоминаньем в нас.

Страна бумажных самолётиков
(Вы не смотрите свысока!),
Жива и ныне среди лётчиков,
Мечтой пронзивших облака.

Тюмень, 2021

Светлана ТИТОВА

ПЛАНЕТЫ НЕЖНАЯ ДУША – АРМЕНИЯ

Сыну армянского народа В.В. Малхасяну, посвящается*

Планеты нежная душа – Армения –
Былых цивилизаций высших чудо.
Век бронзовый воздвиг высокогорье
Трудолюбивому ремесленному люду,

Что обувь первым дал землянам,
Расплавил медь, сварил железо,
Жилище из металла, а селянам –
Из тонкого лаваша запах свежий...

Святую землю при апостолах Христовых –
Варфоломея и Фаддея – Богом данных –
Крестил Трдат – потомок образцовый
С Григорием святым – вовеки славных.

Григорий – просветитель видел –
Святой Католикос всея армян,
Что создана теперь великая обитель
Для мира божьего и всех христиан!

Нелёгким выпало суетное соседство
На богатейшей обетованной земле:
Забрать страну, присвоить средства
Враги готовы, их не счесть в числе...

Где Запад – Турция, на Юг – Иран,
Столетний геноцид, убийства и обман.

На Север – Грузия. Восток – Азербайджан.
Нельзя сокрыть давно болящих ран...

А в дивном государстве Закавказья
Древнейшие в горах монастыри,
Их облака скрывают от ненастий,
Не допуская до божественной земли.

В квадратах – тридцать тысяч километров,
Три миллиона проживает человек
На высоте двух тысяч в небо метров.
Лелеют Родину из века в новый век...

Широколиственны леса и тихи степи,
Чиста природа, как людей слеза:
Олени, кабаны, из гор - козлы, медведи.
Бушуют лето, ...снежная зима...

Десятки тысяч рек, озера
Хранит народ со дней Урарту –
Времён Великого царя Тиграна,
Сумевшего сберечь страну и карту.

Великие державы высшей властью
Хранили удивительный народ.
Свою культуру и язык, и нарды...
И путь с горы в небесный свод.

XX век велик – СССР,
В нём братьями народы были.
Союз создал величия пример,
Родными были, в мире жили.

На свадьбах были общими столы,
Когда по – осени гулял Ленинанкан,
Там резались бараны и козлы
И подавались прямо на Севан...

Теперь один сражается народ
За Родину свою, своих детей.
Сейчас, в две тысячи двадцатый год,
Стучатся недруги со всех дверей.

Давайте же – матах на алтаре
Мы вознесём Всевышнему скорей,
Чтобы со снегом в чистом январе,
Не хоронили мамы сыновей...

Чтобы живой душа Армении была
Сплотим наш дух на алтаре армян!
На то история сама права дала –
Свободу защитить, как чаянье землян.

г. Нижневартовск, ХМАО-Югра, 2020

* Пока верстался номер альманаха...
13 августа 2021 года ушёл из жизни член Международного творческого
союза (СПСА) – Владимир Великович Малхасян, светлая память...

Лидия ЖУРАВЛЁВА/ ЖУРАВУШКА

СЫНУ

Что я скажу тебе,

сыночек?

В слепой любви тебя топила,
Не ведая, что злые силы
Подстерегут и свалят с ног,
В трясину бед и в дикий бред.
Нас, оторвав от жизни, кинут.
Сдаваться? –

Только сердце вынув!

Боролись так, что мочи нет!..

Жестокий выпал нам урок.

Он – в памяти, от страха липкой.

И, чтоб не множились ошибки,

Решила я: настал тот срок,

Когда отринуть я должна

Того,

кто всех людей дороже,

И бросить. В жизнь. Надеюсь всё же,

Что мне отмолятся вина.

Коль справишься с теченьем сам,

На берегу тебя я встречу,

И с гордостью тебя привечу

В отместку грозным небесам.

А если нет –

тогда всплакну

О том, чего уж не случилось,

О сердце, что безвольно билось,
Уйдя смятенно под волну.

Я замолю свой страшный грех,
Слепой любовью порождённый.
И заклинаю вдохновлённо:
Пошли, Господь, тебе успех!

ПОДРУГЕ, ПОТЕРЯВШЕЙ СЫНА

Проститься с ребёнком при жизни своей –
Нет горя сильней.
В заоблачный путь провожать сыновей –
Нет боли больней.
Тревожного сна, как свидания, ждать –
Нет страха страшней.
И стынет душою несчастная мать,
И холодно ей...
А мысли о том, что помочь не смогла
Сынку своему,
Летают в душе, как седая зола
В остывшем доме...

«Прости,
 сын, что не уберегла
Души твоей, растаявшей в тумане.
Теперь меня лишь только память манит
К тебе –
 отдать всё то, что не смогла...
Лежи,
 родной, ведь ты обрёл покой
В том мире, где ты больше не со мной...»

ДОЛЯ МАТЕРИ

Оказалось, что доля матери –
Пуповину рвать вновь и вновь.
Не считая себя виноватою,
Приглушив, изменить любовь.

Из слепой её сделать зрячею,
Все подпорки порушить в прах,
Чтобы стало дитя – ходячее
На своих окрепших ногах.

И смотреть теперь словно издали,
Как по жизни будет идти,
Что сумел он постичь сызмала,
И чего он достиг в пути.

Но не выдать себя нисколечко,
А неслышной тенью лететь,
Чтоб ему в час бессонной горечи
Колыбельную песню спеть.

* * *

Мы стали не мудрей, а осторожней.
Но шмякаемся так же во всю прыть,
Взвихря пылью серой шарф дорожный,
Хоть норовим соломки подстелить
И там, где это просто невозможно...

г. Нижневартовск, ХМАО-Югра

Татьяна ХАБУШЕВА/Тат Яна

РАЗГОВОР С СОБОЙ

За окном застучал дождь,
на душе разлилась грусть.
Вот уже наступает ночь.
Ну и пусть он стучит,
пусть!

Будут сниться под дождь сны,
будет в снах снова лето –
Рай.
После снов наступают дни,
и они мудренее, знай.

То,
что ночью рождало печаль,
утром станет другим, верь.
Отболит, отойдёт вдаль,
сохраняй себя без потерь.

Спи
сейчас и смотри сны.
Это жизни другой сторона:
Будут там, на пути три сосны –
будто леса глухого стена.

Прогони
неуверенность вон,
и шагни, куда сердце зовёт,
Ты услышишь божественный звон,
и душа твоя запоёт!

ПЕРЕПЕВАЮ УТЁСОВА НА НОВЫЙ ЛАД...

«Как много дней прошло хороших,
Как много лет уже прошло!
Но нет ни капельки печали,
Ведь всё как прежде, как в начале –
Всё впереди!
И новый день пусть наступает,
А ты его как в детстве ждёшь.
И каждый новый вечер станет
Удивительно хорош, и Ты споёшь!

Сердцу ещё не хочется покоя!
Сердцу так хорошо на свете жить!
Сердце, как хорошо, что ты такое,
Что ты умеешь,
что ты умеешь жизнь любить!

Ничто не вечно под Луною,
Но спорить я могу с Тобой:
Душа всегда быть молодой
Быть может!
Сон пусть снится мне – сон золотой!
Ещё есть время разгуляться,
Ещё есть время просто жить,
Ещё не поздно удивляться,
Ещё так хочется любить и счастье пить!

Сердцу ещё не хочется покоя!
Сердцу так хорошо на свете жить!
Сердце, как хорошо, что ты такое,
Что ты умеешь,
что ты умеешь так любить!»

* * *

В Космосе всё бесконечно! И времени
Нет! Для Души в воплощение земном.
Тридцать шесть, шестьдесят - это иллюзия!
Вся наша жизнь - это иллюзион!

Радуйся жизни! Сей доброе, вечное!
Сторицей это вернётся Душе!
Только любовь ко всему бесконечная
Жизнь украшает на нашей Земле!

* * *

Как хочется в речку из детства
Войти, побродить, удивиться:
Миров аномальных соседство
Сокрыто водой. И лица

Мальчишек таких любопытных,
Желающих тайны раскрытой,
В предчувствии счастья сияют -
Предчувствие ведь окрыляет...

На бережку детства у речки
Так хочется расположиться -
Лежать на траве и беспечно
В гармонии с миром кружиться...

Тюмень, июль 2021

Наталья ВЕРШИННИНА

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ «МОЙ МИР»

МОЖЕТ ВПРАВДУ, МОЖЕТ, НЕТ

То ли было
 понарошку,
Может всё приснилось мне,
Зрела на поле картошка
Где-то в сказочной стране.

Выпекался в жаркой печке
Хлеб
 румяный на заре,
Кот пушистый на крылечке
Посвящал досуг игре.

Утром добрая хозяйка
Надоила молока.
Над рекою в небе чайка
Разгоняла облака.

Приходил с покоса в полдень
В дом хозяин отдохнуть,
И тянулись счастьем полны
Дни и ночи как-нибудь.

Я бывала в доме этом,
Может вправду, может, нет.
Очень жарким было лето
Где ж всё было?
Мой секрет.

ЗАБЫТОЕ СЕЛО

Был май, и всё кругом цвело,
Весь мир, казалось, счастьем дышит.

Как вдруг –

забытое село

И покосившиеся крыши.

Церквушка,

старенький погост,

Могилы с древними крестами...

Дух прошлого среди берёз

Парил над здешними местами.

И пробирала до костей

Боль за село,

за нашу Землю,

За то, что добрых нет вестей,

Что терпим то, что не приемлем.

Казалось, будто бы сейчас,

От всех людей, что прежде жили,

Предупреждают предки нас,

Чтоб Родину мы не забыли.

ЦВЕТЁТ МИНДАЛЬ

Стылые ветви покрылись цветами,

Розово-белые, как облака...

Тихо колышется крона ветрами,

Это миндаль гладит Бога рука.

О, Волшебство пробужденья природы,

Что не зависит от воли людей.

Минут века, государства, народы,

Будет творить чудо Бог – чародей.

РАССВЕТ

Я проснусь предрассветной порой,
Выйду в сад, чтобы встретить рассвет,
Чтоб застать, как над зыбкой водой
Вспыхнет солнце, подарит привет.

Как неспешно светлеет вокруг,
Песнь зарянки прорвёт тишину,
И тогда я почувствую вдруг,
Наступившую в мире весну.

Как малиново-розовый свет
Разольётся над склонами гор,
Ничего восхитительней нет,
Чем с утра соловьиный хор.

И над древней Тавридою вновь,
Как и прошлые тысячи лет
Тёмной ночи спадает кров, -
Торжествует весенний рассвет.

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Люблю тебя, чудесный город мой!
Мне сладок шелест тихого прибоя...
О, Феодосия! Душа с тобой,
Ты гавань мира, света и покоя!
Люблю акаций свадебный наряд,
Люблю твои цветущие каштаны,
Деревьев стройных вдоль дороги ряд,
Весны подарок – яркие тюльпаны.
А в январе прекрасных лебедей
Всегда я вижу в море силуэты.

И не боятся здесь они людей...
Моя душа впитала сказку эту.
Мой город, словно вечно молодой,
Хотя история уходит вглубь веков.
Он дарит солнца лучик золотой
И радость всем – от молодых до стариков!

НА РАССВЕТЕ

Мне кажется, ещё совсем немножко,
Душа взлетит, над городом родным,
От солнца по морю бежит дорожка,
И всё вокруг становится цветным.

Как я люблю

 весенние рассветы!

Встаёт светило прямо из воды...
Под шёпот волн и соловьёв дуэты
Ласкает небо, горы и сады.

О, Феодосия! Тебя прекрасней нет,
Когда миндаль опять цветёт в садах,
А розовые нежные рассветы
Разбрасывают блики на цветах.

ЧЕРЁМУХА

Хмельные цветы душистые
С детства тревожат душу
Кисти черёмух пушистые
Словно оборки кружев.
Ветер прохладный кружит,
А под черёмухой дети...
Белей и нарядней кружев

Нигде не найти на свете.
Дни промелькнут, как всполохи,
Воздух заметно прогреется,
Мигом у нашей черёмухи
Светлый наряд развеется.
Это весна уходит,
Как скоротечное детство,
Черёмух дурман проходит,
Но долго тревожит сердце.

ВЕСНОЙ В ЛЕСУ

Я давно не была в лесу,
Позабыла все запахи, звуки.
Но в душе эту память несю,
Помню сосен могучие руки.

Потянулись все к солнцу, наверх,
В небо ветви деревьев весною,
Замолить человеческий грех,
Лес хотел силой той неземною.

Обновлённый, весенний, свежий,
Этот день не забыть мне вовеки.
Распахнулись зелёные вежи,
Улыбнулся лес мне – человеку.

СОЛОВЕЙ

Птаха певчая невзрачна,
Трудно в ветках разглядеть.
Ветер тих, и даль прозрачна,
Соловей, вдруг, начал петь.

Среди зарослей цветущих
Начал чудеса творить:
Тихо – громче – ярче – гуще
Трели ловко выводить.

Всё смелее, звонче, выше,
Звуки в воздухе дрожат...
По небесной воле свыше
Пел он целый час подряд.

РОДНИК

Ластится к ногам моим травинка,
Вижу пёстрой бабочки полёт.
Тёмным мхом заросшая тропинка
Через лес к источнику ведёт.
Я умоюсь влагой родниковой,
Напитаюсь силою живой,
Надышусь прохладой сосновой,
Принесу святой воды домой.
Сколько дел мне надо переделать,
Сколько в жизни хочется успеть
Господи, пред вековым пределом
Светлой жизни гимны буду петь!
Жизнь – родник мой, пусть течёт уверенно,
Дни веселей, будни – чередой.
Знаю я, что Господом отмерено,
Всё моё, останется со мной.
Подрастают внуки, как подсолнушки,
Плещет в их глазах небесный свод.
Срок придёт, и маленькие зёрнышки
Прорастут, пополнив хоровод.

СТАРЫЙ ДОМИК

Мы приезжали налегке
Развеять городскую скуку.
Седая бабушка в платке
Носок довязывала внуку.

Все три окна залиты светом,
За ними яблоневый сад...
Как хорошо здесь было летом,
Зимой,
 весною,
 в листопад.

Тепло, спокойствие, уют
Гнездились мирно в доме нашем.
Здесь вкусно пироги пекут,
В печи распаренная каша.

Неторопливый разговор
Бабуля с нами заводила
Про кур, про печку и забор,
О старине – как прежде жили...

Про пыльные войны дороги...
Бабули плавно лилась речь
И забывались все тревоги,...
Ей в такт потрескивала печь...

Когда невзгоды, как стена,
И хмуро на душе, ненастно
Тот домик старый в три окна
Теперь я вспоминаю часто.

ЗВЕЗДА

Как сумерки быстро сгущались,
Чёрной кошкой подкралась ночь.
Я только уснуть собиралась,
Но нет, здесь заснуть мне не смочь.

В это звонкое, жаркое лето
За окошком цикады поют...
То сова закричала где – то,
То соседи спать не дают.

Вышла в сад из дома тихонько,
Под черешней легла в гамак,
Тёплый ветер лицо легонько
Обдувал мне, и таял мрак.

Надо мною разверзлось небо,
И от звёзд проливался свет.
То ли была, то ли это небыль,
Ничего загадочней нет.

Там, меж листьев звезда сияет,
Это вышла моя звезда...
Пусть об этом никто не знает,
Буду помнить о ней всегда.

ЗА ПОЛМИНУТЫ ДО ВОСХОДА

За полминуты до восхода тихо...
Всё замерло в тревожной немоте.
И не кричит на дереве грачиха.
Крадётся свет на смену темноте.

Исчез куда – то ветер на мгновенье,
Боясь спугнуть таинственный рассвет.
Пусть это каждодневное явление,
Но одинаковых рассветов нет.

Лишь краешек прекрасного светила
Зардеет на восточной стороне,
И, кажется, что тьма не приходила,
Что ночь печальная приснилась мне.

Вновь на рассвете запоёт зарянка,
Оповещающая горы и леса,
А кто – то, выйдя к морю спозаранку,
Увидит сам все эти чудеса.

КОНЕЦ ИЮЛЯ

Рябина полыхнула среди лета,
Напомнив: всё не вечно под луной.
Стоит жара,

но вертится планета,

Проходят дни, недели чередой.
Ещё так пышно всё растёт, цветёт,
Июль приносит нам свои плоды,
Но среди листвы

рябина полыхнёт,

И ёкнет сердце – осень ждёт сады.
Так год за годом всё идёт по кругу,
И дней весёлых нам уж не вернуть.
С любовью поглядим в глаза друг другу
И взявшись за руки,

продолжим путь.

АВГУСТОВСКИЕ НОЧИ (ЗВЕЗДОПАД)

В августе ночи волшебные,
Где ты,
 звезда моя ранняя?
Слышишь ли гимны хвалебные?
Внемлет ли бездна бескрайняя...

Нас манят просторы дальние,
А мысли пестрят вопросами.
Там что в небе?
 Пыль банальная?
Что за подарки из космоса?

Но мне не нужны банальности!
Пыль зову Персеидами...
Ведь в жизни есть
 много странностей,
И брежу я Атлантидами.

Надо постичь недосказанность,
Я там, где живёт неизвестность,
Это совсем не обязанность,
Но важно, что скрыла древность.

А в чёрном, бархатном небе
Будто бриллианты россыпью...
Что это, быль или небыль?..
Персеиды – чудо космоса!..

Вроде бы чушь беспросветная,
И вроде, зачем это надо?
Только желанье заветное
Я загадала, и рада...

ЗАВЕТНОЕ КОЛЬЦО

В жаркий полдень струится марево,
Ноги жжёт раскалённый песок
Штиль на море,

но всё же мало вам

И тепла, и написанных строк.

О, поэты!

Подобно странникам,

Вы искатели таинств души.

Пусть твердят все порою:

«Странно нам,

Дни бурлящие вам хороши!»

Реки быстрые, луны алые,

Или холод, что студит лицо.

Схватки жаркие,

ветры шалые...»

Мне ж простое на пальце кольцо

Хоть простое кольцо, но заветное,

Что хранит мир,

любовь и тепло.

Никому из подруг неприметное

От которого в сердце светло.

г. Феодосия, Крым

Сергей ЦЕЛЫХ

ПРОЩАНИЕ С ГРЕЦИЕЙ

Как обычно

дорогою длинною

Снова солнце к закату торопится

А мне с Грецией, ставшею милою,

Расставаться сегодня не хочется.

Покидать жаль края безмятежные,

А особенно жалко, не скрою,

Покидать это море безбрежное

И народ со столь щедрой душою.

КАРКАТЕЕВЫ

На болотах, на озёрах,

У прекраснейшей реки

Мы построили посёлок,

Как сумели, как смогли.

Каркатеевым назвали.

В нём живут его любя

Каркатеевых потомки,

И соседи, и друзья.

И живут, не зная лиха,

Прославляя отчий край

Нет земли на свете лучше,

Выбирай не выбирай.

И куда б ты не поехал,

Не искал бы, где пути

Лучше мест прекрасных этих,

Не увидеть, не найти.

Здесь природа-загляденье,
Широта и красота
Вид прекрасный на посёлок
Открывается с моста.
А стоит он на пригорке
Много лет уже подряд
И помочь посёлку чем-то
Каждый будет очень рад.

Мы, конечно же, посёлку,
Чем сумеем, тем поможем.
Красоту его и силу
мы трудом своим умножим.
Пусть живёт и процветает,
Молодея год от года
Каркатеевский посёлок,
Для югорского народа.

* * *

Унёс последний луч
Пылающий закат.
Я выбираю путь
Борений и преград.
И вот стою в огне
На стыке трёх дорог
И кто-то шепчет мне,
Что только в правде Бог.

Сермяжной правде той
Рабочих и крестьян
И за неё ты стой
Как русский великан.

И пусть неясен путь.
Иду вперёд в огне.
И кто-то, слышный чуть -
Спасибо - скажет мне.

* * *

Голова вся седая
Словно в белом огне.
Видно жизнь непростая
Прокатилась по мне.
Словно глыбой стальной
Придавила меня
И теперь с сединою
Навсегда буду я.

И любая слезинка
И тревог хоровод
В каждой малой сединке
Словно память живёт.
И в сединках жестоких
Я навек сохраню
Память предков далёких
А не только свою.

ДЕВИЗ

Отдать любимой буду рад я
Любовь и сердце, ко всему
Жизнь Родине отдам, не глядя,
А честь, поверьте, никому.

Тюмень

Маргарита СЛАДКОВА

В «ДЕНЬ РАССМАТРИВАНИЯ ЛИЦ»

(Отмечается 10 февраля)

Шаблонно, эпатажно, рисовано, загадочно
мелькают в звуках, окутывающих планету.
Их не счесть. Но их и недостаточно.
Живых недостаточно. Их попросту нет.
Настойчиво грузится время прошедшее
прочно вбитыми печатью картинками
(не кажется, точно – с ума сошедшее)
в пространство моё параллельными ссылками.
Зрчком раздражённым опять реагирую:
вспоминаю, мечтаю, ищу. Сублимирую.

ПО ФАКТУ

В безумных данных, мутных дуновениях
бредём в искусных ложных укреплениях,
воюем невидимо, случайно якобы,
жуем прописанное и чтим отъявленное.
Засмотрен донельзя (повтор заявленный)
несносно-нервно-целенаправленный
день опустения при прочных радостях
и удаления. По факту слабости.

ПАРАДОКС ЧЕТВЁРТОГО ШАГА

иносказание

Кому «не по зубам» заветных врат вода,
тому нигде-никак-ничем в природе не напиться.
Не подойти к себе ни сухопутно, ни рекой,
а посею – не стать собой и не осуществиться...

Как будто, свет?.. Но, нет...
Скорее тьма?.. Ну, да...
Взломай душевный склеп!
–А как?

–Протри глаза!
Конечно, в центре – Пуп,
вокруг деревьев – Лес,
в котором каждый – крут,
конечно, если – Есть.

И если – слышишь звук, который – от Него,
и видишь – кто пришёл, зачем и для чего,
и если, отзвенясь, душевный лёгкий смех
остался жить в тебе –ты снял, (о Боже!), грех!

Безводный шум песка...
Бурлящий водопад...
Расплавленный асфальт...
Разорванный канат...
Безрадостный наркоз...
Химический экстаз...
Порядок, как вопрос,
Застывший на губах...

Забудь, что знал,
открыв четвёртый, новый стих,
который стал Тобой, в себя вобрав «троих».
Солёно-мёртвым стань, чтоб оживить себя
и сшить в единый миг ошмётки полотна...

Как будто, свет?.. Но, нет...
Скорее тьма... Ну, да...
Взломай душевный склеп!

ШАТНУЛСЯ...

верлибр

Шатнулся остаканившийся диалог
с овременившимся инаковостью телом.
Одушевление – стекло.
Опустошилось. Разбилось. Заболело. Вытекло.
И вот уже в надтреснутой дубовой скорлупе
ворочается мысль растеряно в перегородах,
и разбивает плечи о калёное плечо
оцепенелой электрической обводки,
и упирается и пятками и лбом
в одновременное движение из точки, и
из обвисшей прошлогодней шелухи
ползут извилистые поглупевшие росточки.

ОН СТРАНЕН

верлибр

Он странен.
Будто бы смешлив и чуть печален.
То будто бы смешон. Но нет – возвышен!
Он – то источник, то – вампир...
Мой изменяющий и изменяющийся мир...
Магический клубок, исполнив волшебства лимит,
просел пучком обычной шерсти;
давным-давно сменилась технология печи;
и яблочко живое теперь, как говорится,
днём с огнём не сыщешь...
Но «ищут» «пуще прежнего», вонзаясь вялой волей
за занавес небес и преисподней
и, якобы врачуя и врачуясь,
теряют право на ошибку (*читать на «жизнь»*).
И обезжизненным стечением условий,
закончен только начавшийся день и занят тенью,

одновременной впереди себя, и сзади, и в себе –
в границах созданных самим собой.
Но только не продолжен основательным, эффективным,
здравым шагом... Так странно.

БИОДРАМА

верлибр

Погасший импульс замыкает цепь...
События бегут по замкнутому кругу
цирковой арены. Кольцо огня предложено
окуренным прыжкам и мыслям.
Потоки времени вливаются в обмякшую воронку без
перспективы разливаться в море, горизонт.
Слова и знаки, буквы, цифры, числа, символы и звуки,
лишённые привычных образов и смыслов,
мерцают редкими разрядами и треском.
Картинка рассыпается – то пропадёт, то собирается...
Поющие, живые в недалёком прошлом берега
смещаются,
друг в друга залипая, подобные слоистой ночи
в наслоённом дне... не иначе.
Вся мочь и мощь взрывного интеллекта
подёрнута кисейной подорожной пылью.
Безденежный билет проезда в никуда
пожух и отдаёт грибной низиной..., гнилью...
Песочное пространство ритмично доедает самоё себя.
И соляные кости, играя резью, ранят шаг,
окрашивая тропы отступающей воды
предветренным закатом, где и ты...
Весь мир вещает «пир...»

г. Сургут, ХМАО-Югра

Маргарита РЫЖОВА

ИЗ МИРА ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК

мини-цикл

ГОЛУБАЯ РАДУГА

Голубою радугой розовый закат.
Каждый день на паперти –
у судьбы в заклад.

Вены корма яростно просят невпопад.
Реки счастья высохли, я плыву назад.

Жёстко и бессмысленно,
но не отступить.

Рвётся память мыслями и тончает нить.
Перенёсший радугу – очень далеко.
Разум киснет будто бы
в банке молоко.

Выходные, праздники чёрной полосой,
Наступают яростно, словно дождь косой.
И в окне мерцанием тоненькая нить,
Та, что мне так запросто взять и отрубить.

Сердца натяжением держит лук стрелу.
После вечной радости я горю в аду.
Протяните руку! Не молчите громко!
Я собою вытер грязь с души ребёнка.

Я у жизни края. Помогите!.. Я...
Жить опять стараюсь.
Мёрзнет полынья...

А ТЫ ТАМ БЫЛ?

А ты там был в тени безбрежной,
Где всё, как мультик воплоти!?
О чём ты говоришь?..

Надежда?

Я в этой башне взаперти!

Я криком вою от безумья,
Боюсь перешагнуть черту...
Ты думаешь, я от бездумья
Попал на грязную страду?!

Ты в шкуре был моей убогой,
Чтобы сейчас клеймить зазря?!
А я держусь. Не надо строго...
Я выдержу!

Спаси меня!

Не проходи! Не отстраняйся!
Хотя бы палец протяни.
Я осознал, что это райство
Лишь домысел не воплоти....

Я ещё здесь! И видят боги,
Что я не просто так кричу!
Я, прогоняя прочь тревоги,
Шанс получить от вас хочу...

Чтоб отпустить тот мнимый берег,
Вернуться, возродившись вновь,
Чтоб близкий мне опять поверил,
И ожила больная кровь...

НЕДОЛГАЯ СКАЗКА

А знаете, как было хорошо!?

Как будто в сказке, -

но был миг недолгим...

Я, как испепелённый в порошок,

Проснулся утром маленьким и робким...

Не ликовала рядом вся родня,

И я не знал, куда запрятать лиру,

Которая в слезах,

клеймя меня,

Сопутствовала пьяному сатиру...

Всё было в такт, а я,

как приз грачу,

Вот только, говорю, а боль иголкой...

Признания от вас сейчас хочу:

«За что вы были далеко так долго?!»

ГДЕ Я СЕЙЧАС?

Сам себя, отвлекая от мысли,

Я входил в этот благостный транс...

Там так сладостно было, но в жизни

Осознанием: «Где я сейчас?!»

С каждым утром утро выло больше,

С каждым солнца лучом всё опять

Начиналось всё то,

что тревожит,

Что словами уже не унять....

Это просто исчадие ада,
Не дай Бог вам узнать эту боль,
Умоляю, простите,
наградой
Будет вечная к миру любовь!

Даже знаю, что вы предрешите,
Даже знаю, что скажете вы...
Дайте шанс...
С неба звёзды сорвите,
Но услышите простые мольбы!

Я ОТКРЫТА

Я открыта сознанием сердца,
Только тело опять не унять.
Будто прожитым прежде наследством,
Оно хочет опять и опять.

Я стараюсь уйти от погони,
Я бегу от себя, но, как в такт,
Мое тело трезвоном трезвонит:
«Ха-ха-ха! Ты по жизни дурак!»

Почему же дурак? Я же леди?
Я же женщина мне не понять?!
Только тело трезвонит: «Ответь мне,
Когда сможешь свободно стать...»

Я отвечу, когда на рассвете
Новый воздух вдохну и пойму:
«Что на этой прекрасной планете
Я опять просто, просто живу!»

НА ДНЕ

Я лежу на дне
В зыбкой тишине...
Мне так хорошо –
Вам тоже....

В этой тишине
Каждый балл, по мне,
Во стократ ещё
Дороже!!!

Вам не усмотреть,
Что зыбка та твердь,
Так же, как горит
Лучина.

Вам не передать,
Как истлела стать,
И неважно знать
Причину...

Но в один момент
Подскажите мне
Где моя тропа,
О, Боже!?

Будто бы во сне
В жизни тишине
Путь ищу опять
Хороший...

ВИВАТ ВАМ, УЧИТЕЛЯ

педагогическое эссе

*С детства я знаю твердо,
Примером – мама моя:
Учитель – звучит гордо!
Виват вам, учителя!
Детям, нашим потомкам,
Вверяю нести в веках:
«Учитель – звучит гордо»!
И, правда, в этих словах:*

«Мир, как многолик ты и контрастен!
Сколько явного и сколько скрыто,
Скольким отпускаешь людям счастья.
Сколько остается позабыто»...
Люди, лица, лики, поколенья –
Все логично связано, безумно.
Как крепки у мироздания звенья,
И одно в них – человек разумный.

Появляясь в мир, ты знаешь мало:
Как поесть, уснуть, потом проснуться.
Жизнь проста, как кажется сначала.
Жизнь сложна, когда её коснуться.
И когда по коврику к дивану
Делаешь ты самый первый шаг,
И когда впервые слово «мама»
Робко произносишь, ...на устах

Всех родных одно лишь умиление,
Радость твоих маленьких побед.
И с тех пор одно и без сомненья –
У тебя назад дороги нет.
Лишь вперёд, к прекрасной светлой жизни –

Так мечтает вся твоя семья!
И приводят с трепетным волнением
В первый класс
 в день первый сентября.

И с того мгновенья наступает
Взрослая ответственная жизнь.
Боже мой, как мир наш много знает!
Сколько знаний ждёт тебя! Держись!
Ты внимай нам честно и открыто,
Не сиди от жизни в стороне.
Слово «лень» пусть будет позабыто.
«Эврика!» пусть грянет в тишине!

Не сломиться под напором этим
Мы тебе поможем. Верь в себя.
Мы на то и есть на этом свете,
Просто люди, но учителя.
Новое, открытое тобою,
Невозможно описать в словах.
Будет сложно иногда, не скроем,
Ты гони уныние и страх.

Мы – твой круг спасательный,
 ТЫ ПОМНИ:

Мы спасем, не сможешь утонуть.
Только не молчи, зови на помощь.
Мы готовы руку протянуть.
Мы поможем выбрать и дорогу
(Только сам ты выбери свой путь),
Ведь дорог на свете очень много,
Ты не существуй на них, а будь.

Следующий шаг пусть будет лучше,
Взвешеннее, грамотней, умней.
Ставь себе вопросы – без вопросов
Мир молчит и будет нем, поверь.
Как цветок бутона не раскроет,
Если ты не дашь бутону света,
Мир тебе всей правды не откроет,
Если будешь только ждать ответа.

Ты – добытчик.

Твой инструментарий –
Книги, люди, формулы и ты,
И веками собранные знания, -
Всё это, плюс все твои мечты
Разложи по полочкам, что важно:
Главное! А это подождёт...
И кораблик, что пока бумажный,
Неприменно в порт Мечты придёт!

Скучный мир пассивных и унылых
Ты оставь-ка лучше за бортом,
Чтоб не жёг позор о том, что было,
Сердце не тревожилось потом.
Спрашивай, что было, есть и будет?
Ты скажи, ну кто мы без тебя?
Без тебя мы – люди, просто люди,
Лишь с тобою мы – учителя!

Каждый ученик – для нас рекордом.
Каждый – центр Вселенной. И не зря
Пусть в сердцах звучит «учитель» гордо!
И в веках:– **«Виват, учителя!»**

КАК КАКТУСЫ ЦВЕТУТ

Вы видели,

как кактусы цветут?

Стоят годами, просто, как во имя...

И вдруг свои соцветья выдают,

Как божий дар,

как снег весной в пустыне!

Недолговечны эти лепестки,

Живущие внезапно, скоротечно...

Они приходят в мир почти на миг,

Собою, подтверждая

мысли вечность:

«Получит тот, кто очень терпелив,

Всё, что желалось ночью

в снах отважных,

И только тот заметит дивный миг,

Кому увидеть это было важно...»

ТЕБЕ, МОЙ ДРУГ УЧИТЕЛЬ

На пёстром фоне жизни красками души

Под музыку Вселенной нарисовал бы я

Тебя, мой друг учитель, да, именно тебя.

Твои золотые руки, обнявшие всё детство,

И жаркое большое пылающее сердце.

Я в тёплое «спасибо» картину заверну,

Смирненно преклоняясь, тебе преподнесу,

Скажу: - На фоне жизни красками души

Под музыку Вселенной нарисовал здесь я

Тебя, мой друг, учитель. Да, именно тебя...

СОН ЧЕЛОВЕКА

Великому поэту Николаю Шамсутдинову

Спит человек,
 себе и всем во благо:
Набраться сил, чтоб день ещё прожить.
Он в молодость свою своей отвагой
Дал миру шанс:
 «Быть точно, просто быть!»

Пусть сон его лелеет и голубит,
И крылья расправляются во сне.
И ежедневные простые будни
Покажут, что ещё он на коне...

Спит человек,
 нам просто завещавший,
Что труд во благо – это сути суть....
Спит человек,
 кому-то и «вчерашний»,
Но тем, кто понял, – глыба!
 Не свернуть!

Пусть спит себе,
 как маленький ребёнок,
Не потревожит вещей сон бразду.
Проснётся утром...
 Будет весел, звонок.
И будет точно на своём посту!

г. Нижневартовск, ХМАО-Югра

Татьяна ЛАПИНА

НА ПЁСТРОМ ЛУГУ

верлибр

Твои тонкие пальцы вплетали мне в косу
лаванду, ландыши и воспоминания.

Косы тянулись вниз и тёмными змеями
вились по земле.

Я сидела меж твоих ног, прижавшись
к тебе спиной, чувствуя ровное дыхание.

Свое сердце, тепло души и нежность
я дарила тебе.

Мы сбежали с тобой ото всех на пёстрый луг,
чтобы напиться друг другом.

Тела слились в одно целое
и сердца бились в ритме одном.

Я мечтаю о том заветном дне,
когда назову тебя своим любимым супругом.

Будет полон, похожих на нас детей,
уютный, красивый наш дом.

Пусть семейный очаг обойдут все невзгоды,
обида и непонимания.

Талисманом твоим, оберегом по жизни,
я стану тебе.

Как тогда на лугу, мне, всем телом прижавшись,
нужно чувствовать твоё дыхание,

Ты – мой рок и судьба!

Мой любимый мужчина
на этой Земле.

СВИДАНИЕ

Вечер. Ресторан. Стол у окна.
Танго. Музыка. А я – одна.
Одна сегодня сяду я за стол,
Начну сама с собою разговор.

Стол. Официант. Бокал вина.
- Бокала два?
- Нет, буду я одна.
И на салфетке я черчу узор,
Боясь начать с собою разговор.

Тень. Мужчина. Отодвинул стул.
- Я – Алексей! Он руку протянул.
- Татьяна! Засмуцалась я.
- А почему, Татьяна, Вы одна?

Свечи. Интерес. И полумрак.
На Алексее твидовый пиджак.
- Я посидеть хотела бы одна,
И сделала глоток, отпив вина.

Вальс. Музыка. Протянута рука.
Объятия. И я кружусь, легка.
Забыла, что хотела быть одна.
Я в Алексея будто влюблена.

Будильник. Просыпаюсь.
Это сон?
Мужчина на кровати –
Это он!

Тюмень, 2021

Елизавета МЕРКУШИНА

МНЕ БЫ УПЛЫТЬ

Мне бы уплыть за сотни вёрст,
К берегам неизведанным.
Мне бы не знать больше горьких слёз,
Быть рядом с преданным...

Мне бы найти тот край земли,
Тот самый верный курс,
Что навсегда приведёт к любви
Без проверки на прочность чувств.

Мне бы уснуть в колыбели дней,
Под шёпот волн морских.
Мне бы всегда быть лишь твоей,
Стереть твоих всех других...

Мне бы уйти от суеты,
Стать неопознанной.
Вдыхать все травы и цветы,
Мечтать под звёздами.

Срывать ромашки, васильки,
Не торопить ответ...
Пустить бассбот вдоль всей реки -
Уйти вдвоём в рассвет.

НОВЫЕ БЕРЕГА

Здесь звон колоколов купается в рассветах,
И каждый день туман, как стая облаков,
Над озером парит.

И радуется ветер,
Что и ему, бродяге, здесь дышится легко.

И каждый путник рад зайти за двери храма,
Увидеть свет любви в застенчивых глазах.
Хоть редко так звучит родное слово мама,
И по щекам ребёнка вновь катится слеза...

Но в «Новых берегах», за каждой занавеской,
У каждого окошка – улыбки добрых лиц.
Лишь искренность эмоций ложится чистым всплеском,
Ломая все барьеры искусственных границ.

Квартал Луи, ты город!

С уютными домами –
Открыты двери людям, как тысячи сердец.
Убранство тихих парков с зелёными холмами
И райскими цветами ведёт под свой венец.

И каждый побывавший

в счастливом арт-поместье,
Душою с ним повенчан, сроднился навсегда!
И нет другого в мире, ещё такого места,
Где в красках и полотнах вершится Божий дар!

Здесь чей-то дар особый

живёт в стихах и песнях...
А у других рождает его гончарный круг.
Остывшая любовь на воске вдруг воскреснет,
Когда огонь свечи согреет, словно друг.

Мир темноты не страшен,

ведь неизвестность манит...
Душа парит в пространстве среди холодных стен.
От искренней улыбки над мраком солнце встанет!
И растворятся страхи, сомненья в темноте.

Здесь, в «Новых берегах», рисуя блики лета,
Застенчивую осень, уснувшую луну,
Шлют миру письма счастья в оранжевых конвертах,
Встречая, словно чудо, ещё одну весну.

* * *

Проспекты,
 улицы,
 бульвары...
Дорог так много, путь – один.
Найти свои бы кулуары,
Уйти
 от жизненных рутин.

Включить в свой
 вечно плотный график
Антракт, потом – ещё второй,
Не целить свой ресурсный «трафик»
В эпизодическую роль.

Быть режиссёром своей жизни,
Увы, не каждому дано,
Суметь сказать своей харизме,
Что причитать ей всё ж грешно.

Бульвары,
 улицы,
 проспекты –
Под силу мне масштаб любой.
Направлю свой волшебный вектор
Я на удачу и любовь!

г. Тюмень

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

*** * ***

Что такое годы жизни?
Это шторма ветер сильный,
Вулкан лавою кипит...
Радуга вдали блестит...
Сколько лет уж исполнялось,
Сколько мне ещё осталось?
Птица счастья прилетит?
Чем судьба вновь удивит?
Будет холодно, тепло?
Сейчас это – всё равно,
Не стоит ведь жизнь на месте,
Мне на свете интересно.

*** * ***

Жизнь в этом мире – проблемы и радость.
Кому она в сладость, кому она в тягость.
И всем судьба преподносит дилеммы.
На то и даётся каждому время.
Чтоб всё разрешить, победить свой недуг,
Должны мы любить, чтобы верил в нас друг –
Такой же, как ты, такой же, как я – землянин!
Ведь сердце его – не лёд и не камень.

*** * ***

Ты не силен и не слаб, а в душе ты не поник?
Сбрось с себя свои «доспехи»,
посмотри на эти вехи:
что осталось там, внутри?
Точки все расставь над «I»!

Татьяна АНДРИЯНОВА

НА БАЛАНСЕ

Пришёл февраль,
и жданный, и степенный...

Пиджак изношенный немного мал...
Всю ночь бурчал и, словно белой пеной,
Он снегом всю округу поливал.

Суров февраль и очень озабочен,
Не сходятся морозы с «Накладной»,
А с «плюсом» жить февраль совсем не хочет.
Ещё чуть-чуть и ждёт отъезд домой.

Как жаль! Ещё морозов нехватка,
И на «балансе» числится метель.
Не первый год такая неудача!
Позлится, недовольный, он теперь.

И утром, осмотревшись по-хозяйски,
Да подсчитав оставшиеся дни,
Поделит он сурово их на части,
И станут очень нужными они.

Оставит всё ж недельку на капели,
На солнца блеск и яркие лучи.
Услышать чтоб, как капельки запели,
И у дороги как кричат грачи.

А там уйдёт до будущего года,
Назад и не посмеет он взглянуть.
О нём напомним прежняя погода
И темнота, с которой выйдет в путь.

ПОДСНЕЖНИКИ

Говорят, что цветы эти нежные.
Называют их все «сон - трава».
Только я называю по-прежнему,
И, надеюсь,
 что в этом права.

И в руках они мягкие, свежие,
Но холодные – не удержать.
Потому и зовут их
 подснежники.
Да и как по-другому назвать?

Они первыми
 тянутся к солнышку,
Не боятся морозов и вьюг.
Их лохматые
 жёлтые донышки,
Как фонарики, светят вокруг.

А снега – их соседи хорошие.
И, пока вырастает трава,
Словно к счастью
 нам под ноги брошены.
Ну, а что?
 Разве я не права?

Их срывают порою влюблённые
Да и дарят цветы от души.
И поляны стоят оголённые...
Жаль.
Подснежники так хороши!

г. Заводоуковск, Тюменская область

Анатолий КОМАР

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ГРИНПИС!

ЖАРА

Ах, прямо с раннего утра
Природу достаёт жара.
Лишь только солнышко взошло,
Враз землю нагревать пошло.

Озёра, реки обмелели,
Где нет воды - сплошная сушь,
И корабли стоят на мели,
Жар оказался вездесущ.

Растеньям не хватает влаги,
Корнями воду не достать,
Без колыханья висят флаги,
Нет сил у них, чтоб нам махать.

Зверьё попряталось по норам
В тенистых рощах и лесах.
И в пышущих жарой просторах
Как будто поселился страх.

Не будет влаги – всё погибнет...
И гриб, и мшаник, и трава.
Не дай Бог лес пожар настигнет
И превратит его в дрова.

Для человека тоже мука –
Сиди в тени, да воду пей,

А всесторонняя наука гласит,
Что будет нам ещё теплей...

Всего лишь это – просто цикл
Вокруг земного потепления,
Через десяток тысяч лет
Начнётся цикл обледенения.

И все скопления городов
Окажутся под толщей снега,
И мощный ледяной покров
Закроет жизнь – как будто не было.

Пройдёт ещё сто тысяч лет,
Опять засветит солнце жарко,
Уйдёт весь лёд, проснётся свет
И жизнь возникнет снова яркая.

И, слава Богу, хоть и жарко,
И солнце светит очень ярко.
Но живы. И пока живём.
И воду с наслаждением пьём,

И будем все любить, творить,
И на Земной планете жить!
И что сказать бы в заключение?
Терпите фазу потепленья...

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ

Пожары, пожары, пожары...
Горит под ногами земля,
Как будто совсем их не ждали,
Хотя в сухостоях поля,

Хотя по лесам сплошь валежник,
Способный отлично гореть,
Да мусорный хлам повсеместно –
Как больно на это смотреть!

Во что превратили мы пашни?
Во что превратили леса?
Пожары лесные ужасны –
Сгорает природы краса,
Сгорают летящие птицы,
Сгорает беспомощный зверь,
Сгорают людские жилища –
Огромные суммы потерь.

Бесхозных полей по России
Ну как ни старайся – не счесть,
А также леса раскупили,
Лишь деньги бы только извлечь.

Увы, не следят за лесами,
Чтоб нашу природу спасти,
Лишь думают все головами,
Как деньги за лес получать...
И лес превращается в брёвна,
Пустеет планета Земля,
Но надо бы всем нам напомнить,
Что жить без лесов нам нельзя!

Беспомощной станет планета
И шквальных ветров не унять,
И много народа при этом
Начнёт в пустоте погибать.
Накатятся бури и штормы,

Глаза запорошит песок,
Так знай, человече, и помни
Насколько ты Землю сберёг.

Природа, природа, природа
Пока позволяет нам жить,
Но если природу погубим,
То лишь в преисподнюю плыть.
Не станет людей и животных,
Громадный прокатится смерч
Включите, земляне, сознание
Природу ВСЕМ надо беречь!

ПЛАСТИКОВЫЙ МИР

Живём мы в пластиковом мире –
На даче, улице, квартире.
Вокруг огромный край чудес –
Из ёмкостей пластмассы лес.

Настолько стало всё удобно,
Коль хочешь пить – бери флакон,
В нём, яко бы, вода природная,
Попьёшь – и будешь окрылён.

И, если тара опустела,
Ей путь один – в контейнер, в хлам,
Однако, много лиц сверх смелых
Флакон бросают здесь и там.

На землю, в воду, на дорогу,
Куда попало – им ли знать,

Что стало пластика так много,
Что некуда ноге ступать.

Всё больше, больше, больше тары
Плывёт по речкам и морям,
Пластмассы горы – новой, старой
Нам застыт мир, мешают нам.

Растёт и полнится громада,
Сияет пустотой своей,
А мир живёт – немногим надо
Кричать о глупости людей.

В лесу навалено пластмассы –
И гриб почти не стал расти,
И в лес людей бездумных масса
Стремится хлам свой увезти.

По рекам движутся бутылки,
Заносит хламом берега,
Пластмасса и в песке, и в иле,
И стала без воды река.

Ужель для многих непонятно,
Что, коль разумен человек,
При нынешнем сверх беспорядке
Всем укорочен будет век.

Что скажут нам потомки наши,
Коль мы пластмассою «украсим»
Планету с именем Земля
Подумайте о них, друзья.

Тюменская область, Ялуторовск

МИР ИЗМЕНИЛСЯ

Римская империя пала!
Но нам чужого опыта мало...
Чтобы поняли мы однажды,
Наступаем на те - же грабли.

В жизни нашей цветёт цинизм
И мельчает патриотизм.
Люди выгоду тянут в карман,
В каждом доме голубой дурман.

Ставят железные двери,
Дети наши стали как звери,
На машинах летят со свистом,
Игры их все с убийством.

И мы думаем все о теле,
Одеваемся,
 собственность делим.
Изменился вокруг нас мир
Эгоизм сейчас главный кумир.

Сорвало всех будто,
 и понесло,
Забросили производство и ремесло,
Производственник наш забыт,
Основой стала добыча и сбыт.

Но эта дорога в один конец.
Никогда главным не был купец!

Тюменская область, ХМАО-Югра, п.г.т. Приобье

О чём,
прозаик,
ты хлопчешь?

ГОСТЬ РУБРИКИ

Рауль МИР-ХАЙДАРОВ – прозаик, публицист, коллекционер.

- ✦ Член Союза писателей СССР,
- ✦ Заслуженный деятель искусств,
- ✦ Академик РАЕН,
- ✦ Член редколлегии международного журнала «Аманат»,
- ✦ Член редколлегии федеральной газеты «Татарский мир»,
- ✦ Лауреат многих литературных премий.

Рауль Мирсаидович МИР-ХАЙДАРОВ родился в Казахстане 17 ноября 1941 года в поселке Мартук, Актюбинской области, в семье оренбургских татар. По образованию - инженер-строитель.

В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей. По итогам съезда рекомендован в СП СССР, опубликован в альманахе «Мы – молодые», вышла его первая московская книга «Оренбургский платок».

В сорок лет оставляет строительство и становится профессиональным писателем. Он издал более сорока книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература», «Таткнига». Его книги огромными тиражами выходили в России, на Украине, в Казахстане, Татарстане, Узбекистане, Каракалпакии и т.д.

Широкую известность писателю принесла тетралогия «Чёрная знать», в которую входят романы: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё – наличными». Книги из серии «Чёрная знать» имели по десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять изданий каждая. Это остросюжетные политические романы с детективной интригой, написанные на огромном фактическом материале, вышедшие 10-миллионным тиражом.

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени. Ныне осталось только коллекционирование живописи и писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он – обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России. В Музее Искусств Актобе отведён целый этаж для постоянной экспозиции картин, подаренных писателем городу.

Раулю Мирсаидовичу Мир-Хайдарову присвоено звание «Почётный гражданин Казахстана», одна из улиц его родного Мартука названа его именем (1996). Там же, в Мартуке, открыт литературный музей писателя, и действуют два школьных музея.

Живёт в Москве.

СТАНЦИЯ МОЕГО ДЕТСТВА

автобиографический рассказ

Моя малая родина – Мартук, районный центр, расположенный при железной дороге Москва – Ташкент. Находится он в семидесяти километрах от Актюбинска на восток

и в двухстах километрах на запад от Оренбурга, некогда первой столицы Казахстана, поистине города восточного в ту пору. Ещё до середины шестидесятых годов Оренбург наполовину состоял из татар, много там проживало и проживает до сих пор казахов. Не могу не упомянуть для молодого поколения, что в царской России после Казани Оренбург был вторым культурным центром мусульман. Здесь издавалась ежедневная газета «Время» на татарском языке, которая распространялась по всей России. Действовало несколько крупных театров, широко известных в мусульманском мире духовных центров, медресе, мечетей, самая красивая из них построена на деньги казахских купцов. Издавались десятки журналов, печатались книги. В Оренбурге проживало около дюжины именитых в России казахских и татарских миллионеров, были здесь крупные торговые дома, банки.

Всё это сошло на нет после революции, а в семидесятые годы прошлого столетия, когда нашли оренбургский газ, сюда хлынули сотни тысяч переселенцев из России, и город навсегда потерял свой восточный, мусульманский колорит. Родом из Оренбурга и мои родители. В годы революций, раскулачивания многие татары бежали в соседний Казахстан. Позже, в двадцатые годы, от голода сюда бежали тысячами, целыми деревнями поволжские татары. Сюда, в степь, их толкало только одно – здесь жил единый по вере народ. В лихие годы это чрезвычайно важный фактор.

В пору моего детства, вплоть до 1957 года, ходили паровозы, которые останавливались каждые двадцать пять километров, красавцы-локомотивы должны были чистить топки и заправляться водой. Обязательно надо сказать несколько слов и о самих станциях. Дорога, построенная в начале двадцатого века, замечательна своими архитектурными и инженерными решениями. Особенно замечательны станции – Актюбинск, Кандагач, Казалинск, Джусалы, Кызыл-Орда, Туркестан, Арысь. Кроме удивительных по красоте и изяществу пассажирских вокзалов, строились депо, десятки грузовых пакгаузов, пожарных центров, водонапорных сооружений, пристанционных зданий для жизни и быта железнодорожников. Были построены добротнейшие здания из кирпича и камня: поликлиники, больницы, гимназии, здания для дворянских собраний, ставшие позже повсеместно Дворцами железнодорожников. Особняки для технической интеллигенции и служащих и удобные, в два-три

этажа, дома для рабочих. Почти все эти здания сохранились и служат людям до сих пор.

Все эти полторы тысячи километров дороги с инфраструктурой, достойной восхищения, были построены двумя строительными батальонами. Жаль, красивейшее здание актюбинского вокзала было снесено в семидесятые годы, и на его месте построили уродливый трехэтажный сарай, в котором и зимой, и летом стоит ледяной холод, пробирающий до костей.

Железнодорожники и в царское время, и долгое время в СССР были элитой рабочего класса, сама же железная дорога – государством в государстве. Она имела собственные школы, клиники, высшие учебные заведения, связь, торговую сеть, свое снабжение, свои заводы и фабрики, культурные и спортивные сооружения и многое, многое другое. До 1960-х годов в СССР существовало только два профессиональных праздника – День железнодорожника и День шахтёра. Всем этим железная дорога обязана одному человеку – Лазарю Моисеевичу Кагановичу, выдающемуся организатору технической мощи СССР. Кстати, опять же на заметку молодым, знаменитое московское метро тоже его детище, и оно долго носило имя своего создателя, а в суровое сталинское время просто так имена не давались.

Железная дорога изменила край. Появились сотни, тысячи посёлков вдоль дороги, включая и мой родной Мартук. Паровозы требовали воды каждые двадцать пять километров, и в гольях, зачастую безводных местах русские геологи провели огромную работу, нашли источники снабжения водой, рассчитанные на столетия. Были построены сотни, тысячи водокачек, протянуты к станциям тысячи километров водопровода, работающего до сих пор. Наша мартукская станция снабжалась водой из красивейшего озера рядом с аулом Кумсай, что находится в семи-восьми километрах от поселка. Водокачка, как мы её называли, строение в густом лесу у озера, оказалась сложнейшим инженерным сооружением и служила почти век, даже когда отпала нужда поить паровозы. Объект, как говорят сейчас, имел стратегическое значение и был обнесён вокруг в три ряда, с большим интервалом, высокой колючей проволокой. Вход в зону был строго воспрещён.

Водокачку с царских времен обслуживала одна и та же семья Качановых, дети которых учились с нами в одной школе в Мартуке. Как мы им завидовали! И было отчего. Как рассказывал мне мой одноклассник Петя Качанов – какие линии, сазаны, карпы,

лещи, краснопёрки, голавли попадались им в верши или сети! Каких – пудовых! – сомов ловили они на закидушки, каких пяти-семикилограммовых щук вытаскивали удочкой – не пересказать! Мне приходилось видеть эти уловы. Рыбой многодетная семья Качановых рассчитывалась за постой своих детей-школьников у наших соседей Козловых. Помню, мама тоже покупала у них рыбу, казалось, что вкуснее рыбы линия ничего на свете нет. А какую землянику, малину, ежевику, костянику собирали они в своём заповедном раю! Какой удивительной красоты лилии приносили они учителям в день последнего звонка и первого сентября – роскошь королевская, всю жизнь стоит перед глазами.

Всё сломали, разграбили, растащили, сожгли в горбачёвское безвременье. Навсегда затерялся в необъятной России след надёжных тружеников Качановых, отдавших водокачке, Отечеству восемьдесят лет служения. Они напоминают мне таможенника Луспекаева из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Когда лет в пять-шесть я попал на станцию, она показалась мне волшебным замком, утопавшим в роскошном саду. Вокруг здания были разбиты клумбы. Тогда же, впервые в жизни, я увидел цветочные часы и живой календарь из цветов – это потрясло мое воображение. После пыльного, выросшего окнами мазанок в землю убогого посёлка станция показалась земным раем. У каждого торца здания имелись водонапорные колонки, которыми разрешалось пользоваться всем жителям Мартука. В дни стирок хозяйки с ведрами на коромыслах тянулись к станции – говорили, что мягкая, шелковая вода с озёр сэкономила дорогое и редкое в ту пору мыло. А на перроне сиял медью отполированный за десятки лет руками дежурных станционный колокол – как приятен был его звон, отправлявший поезда в не знакомые мне города с волнующими названиями: Ташкент, Наманган, Джалал-Абад, Ургенч, Алма-Ата – тысяча и одна ночь, Шахерезада и только!

В мои детские годы главным кормильцем маленьких местечек были базар и станция.

Помнится, год-полтора, не больше, Мартук переживал какой-то ренессанс, забытый нэп – на станции милиция не гоняла жителей, приходивших к поездам торговать молоком, сметаной, творогом, варенцом, казахским катыком, шубатом, сливочным маслом, сбитым в ручную дома. Выносили к поездам яйца,

соленья, грибы. Осенью – арбузы, дыни, летом – малину и ежевику, собранную за Илеком.

Более основательные хозяева торговали жареными и отварными курами и утками, а зимой – тушками гусей, рыбой, приобретённой у тех же Качановых с водокачки. С огурцами, помидорами, капустой, зеленью выходил на вокзал известный огородник Карташов из Кумсая, он там работал главным агрономом. Бедные шли к поездам с жареными семечками подсолнухов и тыкв. Они же торговали аппетитной толчёной картошкой, политой сверху подсолнечным маслом ручной выжимки с золотисто поджаренным луком. Предлагали и домашний квас. Иногда они же торговали пирожками с картошкой, капустой, щавелем.

В торговле пирожками с мясом, беляшами доминировали мои родственники Валиевы и Мамлеевы. Местные мастерицы выносили к поездам горячую выпечку – поезда в ту пору ходили минута в минуту, по ним сверяли часы. А какие у них были ватрушки с белым и красным творогом, пироги с повидлом и джемом! Повидло и джемы тогда всегда имелись в сельпо в больших, почти ведёрных, банках из нержавеющей стали. Банки из-под них потом служили в хозяйстве вёдрами. Не меньшим успехом у пассажиров пользовались свежеспекавшиеся домашние караваи, с которыми приходили к поездам хохлушки в расшитых крестиком нарядных блузках, хлеб у них всегда был покрыт чистыми рушниками.

Один бывалый казах в гимнастёрке с орденскими колодками даже наладился жарить шашлык к приходу поездов, и к нему всегда выстраивалась очередь. Иногда рядом пристраивался солидный аксакал в чистом камзоле, вельветовом или бархатном, он приносил большой бурдюк, или даже два, кумыса и пять-шесть деревянных чаш-тустаганов, из которых, как он уверял, кумыс всегда вкуснее. Вот эта пара всегда реализовывала свой товар до последней палочки, до последней пиалы, но на станцию ходила редко, видимо, и с мясом, и с кумысом были проблемы.

Немки в белых фартучках приходили к поездам с копчёным салом и окороком, домашней колбасой, ливерной и мясной. Немцы умудрялись коптить свинину дома и быстро научили этому русских и украинцев, тоже державших свиней. До немцев, как говорили старики, в Мартуке никогда не коптили свинину, не делали колбас. Немцы вообще оказали огромное влияние на быт

и культуру Мартука. Это с их почина появились водонапорные колонки в каждом дворе, стеклянные террасы и веранды, паровое отопление, цветы возле дома и палисадники. Жаль, они поголовно уехали в Германию, о них всегда вспоминают тепло, жалеют, что их нет, когда надо починить машину, сделать паровое отопление, покрыть крышу, построить баню.

Чеченцы, сосланные в Мартук, тоже изредка, в августе, появлялись на перроне. Приходили женщины в длинных платьях, непременно в платках, они торговали только молодой варёной кукурузой. До чеченцев в наших краях кукурузу не выращивали. У них она была особая, элитная, двухметровая. Высушенные стебли кукурузы использовали на строительстве или топили ими зимой печи. Молодую кукурузу чеченцы варили, а из сухих початков делали муку для кукурузного хлеба и мамалыги, но, кроме молочной кукурузы, иное у местных не пользовалось успехом.

Ходили на вокзал не только со съестным, каждый нёс всё, что мог продать. Не всегда продавали за деньги, шёл товарообмен, нынче называемый бартером. В ту пору на поездах в Среднюю Азию и на юг Казахстана на постоянное житьё тянулась беднота со всей России. Хотя в спальнях вагонов из красного дерева, оставшихся со времён царской империи, ехали люди с достатком. В Мартуке любили скорый поезд из Москвы. Мы, мальцы, с удивлением разглядывали пассажиров в шёлковых полосатых пижамах, дам в роскошных халатах или с накинутыми на плечах пальто с чернобурками. Запомнилось, что эти пассажиры никогда не торговались, или мартукские цены им казались дешёвыми, или они быстро понимали, как бедствует народ на этих забытых богом полустанках. Скорее всего, и то, и другое, богатые того времени ещё не считали свой народ быдлом, не презирали его, воспитание и совесть не позволяли.

Моя мама круглый год ходила к поездам с оренбургскими платками, вязанными из шерсти и пуха перчатками, носками, шарфами. Военные, которых было много среди пассажиров, охотно покупали именно белые пуховые перчатки и длинные шарфы, наверное, это были молодые офицеры, что любили пофорсить.

В Мартуке у небольшой кожевенной артели жил человек по фамилии Трушкин, владевший редкой для села профессией – он был гончар-виртуоз. Лепил из глины кувшины, миски, жбаны, тарелки, большие бадьи. Делал забавные детские игрушки,

свистульки. Мы, ребята, часто ходили к его дому, замороженно смотрели на гончарный круг и ловкие руки мастера. Он тоже иногда появлялся у поездов со своим товаром. Мы больше всего радовались, если ему удавалось что-то продать. Покупали те, кто выскакивал из вагона без посуды, купленную миску тут же до краев заполняли толченой картошкой или простоквашей.

В ту пору вагонов-ресторанов в составах не было, и в дорогу брали с собой пяти-шестилитровые медные чайники. Тогда их выпускали тысячами, и они были обязательным атрибутом каждой семьи, а на станциях везде были кубовые, где бесплатно разливали в несколько кранов кипяченую воду. В кубовой на нашей станции, сколько помню, работал мужик по фамилии Корнеев, он никогда не давал местным кипятку, даже своим, станционным. Видимо, такая жёсткая инструкция была, ведь топили в кубовой углём, а его на всех не напасёшься.

Поезда стояли не меньше получаса, и на перроне вовсю шёл торг: кто покупал, кто обменивался. Но пассажиры не раз обманывали местных, людей доверчивых, запуганных. Помню, мама купила два куска мыла. Оно оказалось брусками кирпича, только на сантиметр облепленными настоящим мылом. Однажды соседи Сафаргалиевы готовились к свадьбе и купили для приготовления домашней бражки десять-двенадцать килограммов сахара в мешочке. В посёлке сахар давали только по паевым книжкам, да и то в ограниченном количестве. Как радовались наши соседи, что так выгодно выменяли своих потрошёных гусей на сахар у солидного пассажира! Но продавец оказался ловким аферистом. В мешочке с сахаром находился ещё один мешочек с речным песком, сахара набралось чуть больше килограмма. Как они горевали – не высказать!

Увы, как бы ни осторожничали мои бедные земляки, их всё равно часто обманывали. Помню, только однажды, прямо на вокзале, какая-то афёра была раскрыта, и тут уж били негодяя долго и больно, и даже вокзальный милиционер Великданов, издали наблюдавший за самосудом, вмешаться не стал.

Было в Мартуке и ещё одно место, помогавшее выживать моим землякам – базар. Таким оно было и для моей семьи, ждавшей воскресенья как праздника, ибо только на базаре можно было заработать копейку, продать мамины вязаные вещи или выменять их на продукты, в конце концов, занять денег у кого-то более удачливого в базарный день. Базар располагался рядом с церковью, построенной первыми столыпинскими переселенцами

в 1907 году. Там уже почти пятьдесят лет находится стадион, отстроенный запомнившимся добрыми делами секретарём райкома Салином-ага Шинтасовым, он прожил почти девяносто лет и умер уже в новом веке – пусть земля будет ему пухом. Мартучане будут помнить его долго.

В ту пору в Мартуке имелось два постоянных двора, куда съезжались люди из русских поселков: Казанки, Нагорного, Веренки, Белой Хатки, Полтавки, Красного Яра и из казахских аулов: Кумсая, Жанатана, Аксы, Жамансу, Танабергена. Мусульмане облюбовали дом хромого Максума на Советской, а православные – ближе к церкви, на постоялом дворе у Шалаевых. С субботнего дня до понедельника жизнь там была ключом – ставились ведёрные самовары, топились печи во дворе и дома, где варилась и жарилась всякая еда. Пока готовили обед, мужчины и бабы спешили в сельскую баню, а уж потом ходили по гостям к родным и знакомым или направлялись к детям-школьникам, стоявшим на постое по всему Мартуку, а к вечеру накрывали общие столы у себя на подворьях. Мы, ребятня, тоже с интересом ждали базарных дней. Кололи на подворьях горы щепы, растапливали ею огромные медные самовары и смотрели за ними, бегали в магазин за водкой, вообще, были там на подхвате. Особо шустрым всегда доставались копейка на кино, бесплатный обед. Кусок хлеба нашего детства имел высокую цену. Мне, знавшему постоянный двор хромого Максума-абы, приходившегося нам дальней роднёй, не хуже своего двора, запомнились эти весёлые суетливые вечера с песнями, плясками, а порою и драками. До сих пор стоит перед глазами коновязь, этакая, по-современному говоря, стоянка для скакунов. Каких только я не повидал там красавцев аргамаков!

Иногда после базара, особенно если это совпадало с советскими праздниками, или с Курбан-байрамом, устраивались байги – скачки. Мы, мальчишки, конечно, знали всех известных наездников из всех аулов, особенно нам нравился злой, уже далеко не молодой всадник Кенес-агай из Кумсая, он часто выигрывал байгу. Призом всегда служил баран или бычок, которого общество покупало в складчину. Торговали лошадьми и на базаре. Конь в жизни казаха, в жизни всех тюркских народов всегда имел какой-то сакральный смысл, играл важную роль.

Но вернёмся к нашему базару. Если на станции продавали съестное с пылу с жару, тут такого не было, обедали после торгов приезжие или в чайной, или у себя на постоянных дворах.

Торговали тут картошкой, тыквой и живностью: курами, гусями, поросятами, баранами, тёлками. Живность имела на базаре свой угол. Много торговали зерном, мукой, просом, особо почитаемым казахами злаком. Я думаю, казахи обязаны своим здоровьем именно мясу и жареному просу, а также измельченному из него лакомству – талкану. В пору своей юности я как-то заметил, что среди казахов вообще нет лысых, людей в очках, а зубы у них всегда блестели, как ныне на рекламе зубной пасты «Колгейт». Сейчас, из-за плохой экологии, и казахи не выдержали – полысели, носят очки, и с зубов исчезла белизна.

Как бы заманчиво я ни описал торговлю на станции, базаре – ясно, что там продавали последнее. Те же пирожки и пышки шли на свой стол, только если оказались не проданными, потеряли свежесть и вид, и уже неудобно было выносить их к следующему поезду. В доме нужна была каждая копейка, купить уголь, дрова, кизяк у аульных казахов, сено для коровёнки, керосин для лампы и керогаза, примуса. Нужны были деньги одеть, обуть детвору, купить чай, сахар, заплатить налоги. Кстати, те, кто учился после седьмого класса, платили и за обучение в школе, а деньги можно было добыть только на базаре. Безработица, отсутствие любой, даже грязной, тяжёлой работы было уделом сельского населения, да и в городе сельских жителей в ту пору никто не ждал.

На базар к нам съезжались и сходились не только жители Мартука и окрестных сёл, но и приезжали из Актюбинска, Яйсана, Акбулака, добирались сюда даже из Оренбурга. Людей издалека манили продукты, вокруг Мартука были крепкие русские сёла. Горожане вряд ли приезжали сюда с деньгами, за деньги и в городе продукты водились. Сюда приезжали поменять старую одежду, обувь, посуду, отрез на платье или костюм на муку, сало, гуся, курицу. Наверное, не продав у себя на базаре свой товар, они пытались сбыть его в глубинке, в Мартуке, и это всегда им удавалось, к обоюдному удовольствию и продавцов, и покупателей. И тем, и другим некуда было отступать, одних ждала голодная семья, других голые, босые дети.

Наезжали, особенно по теплу, и продавцы совсем экзотичных товаров. Художники в шляпах и беретах предлагали написанные на загрунтованной клеёнке картины: томных красавиц у балконного окна, сказочные замки у живописного озера с непременно грустящей принцессой в ажурной беседке, лебедей в пруду парами и в одиночку, резвящихся на фоне тех же

дворцов. И, что странно, в голодном, холодном Мартуке у развалов художников всегда толпился народ, и больше всего – женщины. В ту пору девять из десяти из них были вдовами. Подолгу зачарованно вглядывались они в лица томных красавиц, в другую, непонятную, но притягательную и никак не достигаемую ими жизнь. И ведь покупали эти картины на последние гроши! Но чаще меняли на шмат сала, ведро картошки, несколько килограммов муки или банку подсолнечного масла. У меня нет слов, чтобы описать степень бедности военного и послевоенного села. Но я попытаюсь показать её на примере базара и жизни, быта своих земляков-мартучан. Позже, уже став писателем, я как-то отметил в своём дневнике – бедность не имеет дна, предела. На базаре некто, заезжий продавец, предлагал рис... в рюмках, да-да, в водочных рюмках, граммов на тридцать-сорок. Приобрести целый стакан стоило больших денег, на такое никто и не замахивался.

Помню, рассказывая о свадьбе в русской части села, с гордостью поминали пьяного Петра Шульгу, словно он величайший кутила и мот. То ли свадьба оказалась по душе Петру, то ли молодые любы, то ли самогон крепок – вошёл он в кураж и среди гуляния, когда подарки молодожёнам уже были вручены, объявил: ещё полпуда муки дарствую молодым! Щедрый подарок был принят под гром аплодисментов, и кто-то, от волнения и восхищения, назвал Петра за широкий жест Шахом, с тех пор его в Мартуке иначе не называли. Кстати, сам Шах, шебутной по натуре, часто бывал не в ладах с супругой. И когда он шёл по поселку, понуро склонив голову, к дому матери с мешком муки на плечах, в котором было не больше пуда, сельчане говорили – опять Петя в развод подался. Но, к счастью, все как-то быстро налаживалось, и Шах уже веселее, вприпрыжку, возвращался к жене с тем же мешком на сутулой спине. Как видите – бриллианты не делили. Разве такое можно придумать, забыть? Мы так жили. Кстати, для нового поколения – пуд всего лишь шестнадцать килограммов.

Хочу добавить из личного. Однажды моих родителей пригласили на свадьбу, а в доме не было не только ни гроша, но даже щепотки чая или кусочка сахара. Не нашлось в доме и ни одной новой вещи, что могла послужить подарком молодоженам, таким же беднякам. Тогда родители отобрали из праздничных тарелок, которые ставили только гостям, две без единой щербинки и царапины, с тем и пошли на свадьбу.

Зимы в ту пору случались снежными, вьюжными, а морозы стояли всегда за двадцать, хотя и тридцать не было редкостью, неожиданностью. Пурга иногда мела неделями, и тогда беда стучалась в каждый дом не только в Мартуке, но и в поселках, аулах. Дороги заметало до макушек телеграфных столбов, а это – два-три метра, сегодня подобное и представить трудно, и о базаре не могло быть и речи. Ничего ни продать, ни поменять, ни взять в долг у удачливых. В эти дни самые отчаянные, как моя мама, несмотря на появившиеся жесточайшие запреты торговли на станции и на данные ею подписки не появляться там, бежала к поездам, пыталась продать хоть пару варешек и шегольской шарфик военным, а платками она рисковала редко. Слишком неподъемной была бы потеря. Ведь в платке была доля и хозяев пуха из аула, который отдали ей в кредит, доверяли матери, знали, что Гульсум всегда рассчитывается честно.

Но милиционеры на станции были начеку, отбирали товар и пинками тяжёлых сапог гнали несчастных женщин с вокзала, наиболее строптивых даже запирали в какую-нибудь холодную комнату при станции и составляли протокол, который ещё и штрафом заканчивался. Грозили в следующий раз отдать под суд или выселить из посёлка, хотя сложно представить себе более горестное место, чем послевоенный Мартук. Как лютовали власть и милиция на станции, когда торговлю там объявили спекуляцией! Люди в форме сапогами пинали вёдра с яйцами, переворачивали тазы с продуктами, выливали на землю молоко, сметану, бросали в грязь всё съестное – чему радовалась лишь шпана, отиравшаяся рядом. Кто пытался защитить своё добро – были биты жестоко, умело, не задумываясь. Запомнилось одно – обижали всех, но никогда не трогали, не били, не задирали чеченцев. В их печальных глазах, даже у женщин, у детей, не говоря уже о мужчинах, они видели моментальный отпор, непредсказуемый, вплоть до смертельного. Чеченцы – единственный знакомый мне народ, при всём уважении ко всем остальным, который выше жизни ценит честь, достоинство и не терпит унижения, оскорбления.

Если в детстве мы не слышали слово «инфляция», то зато хорошо знали, что такое конфискация, экспроприация, спекуляция (непонятно, чем могли «спекулировать» мои земляки?), понятие, следственный эксперимент, превентивное задержание, очная ставка. Понимали, что НКВД важнее и страшнее милиции. Сделали для себя неприятное открытие, что

ордена, которые мы считали мерилom высшей доблести и особой заслугой перед Отечеством, ничего не значили даже для милиционера Великданова со станции. Сам видел однажды, как, грязно выругавшись, он сапогом опрокинул в пыль жаровню с готовыми шашлыками у орденоносца-казаха, а когда тот попытался защитить остатки баранины в тазике, прикрытом марлей, ударил сапогом прямо в грудь, густо увешанную орденскими колонками.

В те годы на станции день и ночь кипела жизнь, происходили важные для села события. Если в Мартуке останавливались все проходившие мимо поезда, и пассажирские, и грузовые, и все паровозы чистили здесь свои топки, то, наверное, нетрудно представить себе, какие эвересты, монбланы шлака выросли по обе стороны станции. Ведь поезда начали ходить регулярно с 1905 года, а мы с вами ведём разговор о 1950-х годах. Если нечётные поезда, шедшие из Ташкента в Москву, чистили топки на пустыре за станцией, где далеко в степи одиноко стояло только здание МТС довоенной постройки, то поезда, приходившие из Москвы, освобождались от шлака на территории посёлка, рядом с краснокирпичным двухэтажным домом, где жили железнодорожники. Дом этот нам, мальчишкам, казался огромным, и понятие «небоскрёб», которое мы знали по Маяковскому, ассоциировалось нами именно с этим строением. А горы шлака за сорок пять лет работы дороги высились над этим домом так высоко, что нам казалось, что вершины его прячутся в облаках. Круглые сутки после поездов женщины сгребали шлак из междупутья на носилки и сносили его на эти горы. Когда кочегары чистили топки, то возле паровозов уже крутились мальчишки, старики, женщины с вёдрами и кочергами, они высматривали не прогоревшие куски угля, выпавшие из чрева паровоза. Как только последний вагон проходил над кучей, все бросались в колею выхватить эти желанные горящие куски угля. Конечно, такие куски выпадали не часто, и это считалось большой удачей. В основном собирали шлак, не прогоревший до конца уголь, он тоже годился в печь, но его нужно было гораздо больше. Кто опоздал к поезду, те ковырялись в отвалах, куда сносили уже перебранное после поездов. Горы шлака напоминали вулкан, внутри них всегда тлел огонь, и жар от него был сильно ощутим, особенно в холодное время.

В ту пору из России в тёплые края, в Среднюю Азию, постоянно перемещался всякий люд. Крыши всех поездов были

усыпаны шпаной, от крепких мужчин до десятилетних мальцов в рванье, в их разговорах города Ташкент, Чимкент, Тюлькубас, Наманган, Самарканд, Туркестан – звучали как рай. Время было суровое, строгое, и на таких пассажиров устраивались серьёзные облавы, их отлавливали, сгоняли с поездов, и они иногда неделями прятались в этих отвалах шлака. Там наверху были свои тайные тропы, ниши, пещеры, чем выше, тем страшнее и таинственнее. Туда и милиция-то не решалась подниматься, боялись провалиться в кратер вулкана, случалось и такое.

Лет с десяти начал ходить на станцию за шлаком и я, хотя мама долго противилась этому, понимая, что станция – опасное место, не только из-за шпаны, тянувшейся на юг, но и из-за станционных ребят, считавших вокзал своей вотчиной и при каждом случае обижавших малолетних ребят из посёлка. Но жизнь заставляла идти на риск. Сегодня трудно себе представить, что внутри землянок от холода в углах комнат от потолка до пола висели ледяные сталактиты, так промерзало за зиму наше жильё. Оттого мы на всю жизнь запомнили слова: голод-холод.

Однажды, когда я перебирал шлак на отвалах, рядом со мной появились четверо парней разного возраста, самому младшему – лет пятнадцать-шестнадцать, а старшему уже за двадцать. Не местные, видимо, их согнали с крыш московского поезда, который прошёл нашу станцию с утра. Я, конечно, испугался, хотя кроме латанного-перелатанного цыганами ведра и самодельных санок у меня ничего не было. Одежда моя не подходила им ни по росту, ни по качеству – одеты они были гораздо лучше мартукских ребят, прямо щёголи какие-то. «Далеко магазин?» – спросили они, и я показал им кочергой вдаль, где рядом с сельсоветом под зелёной крышей находился наш «Сельмаг». «А где милиция?» – переспросили они. «Там же, рядом», – объяснил я.

Мой ответ почему-то сильно огорчил их. Тогда один из них, в шапке-кубанке из серого каракуля, вдруг вполне дружелюбно попросил меня: «Выручай, малец, сбегай в магазин. Купи нам пожрать: хлеба, колбасы, консервов, пару бутылок водки, следующий поезд будет только к ночи, да и курева не забудь». Видя, что я сник, они спросили: «Не хочешь нас выручить?» Я ответил: «Хочу, но у меня нет ни копейки». Тогда они весело засмеялись, и опять же тот, в кубанке, достал из голенища щегольских хромовых сапог жёлтое кожаное портмоне и сказал,

продолжая улыбаться: «Мы сразу поняли, что ты не богач, держи белохвостую, думаю, хватит», – и протянул мне хрустящую сторублевку, где на просвет с одной стороны виделся Кремль, а с другой – Ленин. Это были новые, пореформенные деньги, после 1947 года, и у мамы однажды была такая красивая денежка. Правда, слово «белохвостая» я услышал тогда впервые. Только через четыре года, когда буду учиться в Актюбинске, услышу снова от местных блатных ребят, как и они назовут сторублевку белохвостой. И я сразу вспомню ту давнюю встречу.

Я осторожно взял белохвостую, но кто-то из ребят вдруг сказал: «Серёга, добавь ещё денег, не хватит». И тот щеголь, видимо, старший в компании, сунул мне в руки ещё тридцать рублей. Я было рванул с горы, но меня учтиво придержали: «Возьми санки, малец, в руках не унесёшь, да и в глаза бросаться будет». С санками я и понёсся в магазин. Продавец сельмага, Нюра Кожемякина, слыла в Мартуке модницей, не раз заказывала у матери вязаные вещи, и она, узнав меня, строго спросила: «Откуда деньги?» Я честно обо всём рассказал. «Как же ты донесёшь такое добро?» – спросила она участливо, выставив весь заказ на прилавок, и, не дождавшись ответа, упаковала все мои покупки в коробку из-под вермишели, сама вынесла на крыльцо и уложила в санки. Встретили меня радостно, похвалили, отломали кусок колбасы с хлебом, предложили выпить, но от водки я отказался. Когда я попытался вернуть сдачу, они великодушно разрешили оставить её себе, на кино, чему я радовался несколько недель.

В 1960 году, когда жизнь в наших краях в связи с освоением целины наладилась, дежурный по станции Кужелёв первым в Мартуке отлил из шлака пристанционных эверестов шлакоблочный дом – это была революция в строительстве посёлка. За два года от паровозного шлака не осталось ни грамма, всё смел строительный бум, и теперь только старожилы, вроде меня, помнят о былых огромных огнедышащих горах на станции. Но, чтобы навсегда уйти со станции в Мартуке, мне придётся рассказать ещё один случай, который и спустя пятьдесят семь лет время от времени мне снится.

Случилось это год спустя после встречи с проезжими уркаганами на станционных отвалах шлака. За год я стал на станции бывалым человеком, обрёл опыт, сноровку, и мама уже привыкла, что после уроков я всегда крутился у паровозов и без добычи редко возвращался домой. Только-только отпраздновали

новый 1952 год, и у нас начались школьные каникулы. Стоял погожий зимний день, градусов восемнадцать-двадцать, ни ветерка, светило солнце, и я решил часа на два сбегать на станцию за углём, потому что в дни каникул давали дневной сеанс, и в тот день шёл цветной фильм «Большой вальс».

По дороге мне повстречался одноклассник Диас Искандеров, чей отец погиб под Москвой, как и мой. Диас редко бывал на станции, видимо, дома не разрешали, или он побаивался станционных ребят. Но в последние месяцы он часто видел, с какой добычей я возвращался домой, так что уговаривать его долго не пришлось. Главным аргументом послужило предложение продать пару вёдер добытого михайловского угля хромому Максуму с постоянного двора, тот всегда покупал особый, тлеющий без дыма уголь для своих трехведёрных самоваров.

Когда мы пришли на станцию, на первом пути в сторону Актюбинска стоял грузовой состав. Видимо, он прибыл уже давно, потому что машинист паровоза и его помощник стояли у тендера без привычных инструментов в руках – большой маслёнки и молотка на длинной ручке. Значит, они закончили осмотр, обстучали все важные элементы локомотива и смазали ходовые части, буксы. Машинист как раз обратился к кочегару: «Сергей, стоять нам ещё долго, мы пойдём на вокзал пообедаем, а ты тут за главного». Видимо, по рации они получили сообщение, что навстречу идёт литерный поезд с особо важным грузом, и ему освободили перегон, давали зелёную улицу на нашей станции. Мы, мальцы, не хуже железнодорожников ориентировались в правилах движения, в специальной терминологии. Кочегар, в поте лица очищавший топливные люки, забитые шлаком, что-то буркнул в ответ им в спину.

Мы быстро оценили ситуацию, такой случай, когда у паровоза остаётся один кочегар, бывает раз в год и считается удачей. Дело в том, что и машинист, и его помощник – белая кость на паровозе, они всегда гоняли ребят от локомотива подальше, могли и подзатыльник дать, и пинка под зад особо настырным. А кочегар, которому за короткую остановку нужно было вычистить топки с обеих сторон, заправить тендер водой, да ещё накидать угля из открытого всем ветрам огромного тендера поближе к кабине, чтобы на ходу забрасывать его в топку, едва не валился с ног от усталости. Адская работа – то на ветру, на морозе на открытом тендере, то у жаркой печи метать пудовой лопатой уголь в ненасытную печь, то шуровать забитые шлаком топки. В

ту пору слово «кочегар», фраза «работать, как кочегар» имели смысл особо тяжёлой, рабской работы, губительной для здоровья. В кочегары шли молодые люди из деревни, из-за безработицы, безысходности, из-за возможности обрести постоянный заработок, угол в общежитии или комнату в коммуналке – власть знала, чем приманивать бедноту. Эти деревенские ребята понимали пацанов, крутившихся возле паровоза. Не раз бывало, особенно зимой, кочегар, перед самым отправлением, видя занятость своих коллег, сбрасывал ребятам с тендера два-три куска угля в сугроб.

Как только машинист с помощником отошли подальше, я тут же нырнул под состав и поднялся на паровоз с другой стороны, чтобы не видел работавший кочегар. Я хотел узнать, успел ли он заправить паровоз водой, и есть ли в тендере кусковой уголь, желательно михайловский – для самоваров. К моей радости, водой ещё не заправили, и весь тендер был полон нужного нам угля. Обрадованный, я спустился к Диасу, и мы вдвоём подошли к кочегару, поздоровавшись, я спросил: «Можно, мы заправим паровоз водой?». Кочегар вытер пот со лба, внимательно осмотрел нас – а вы сможете? «Обижаешь, Серега, – ответил я лихо, – нам все доверяют, ни разу не перелили, мы ведь вдвоём. Я наверху, а товарищ внизу. Буду глядеть в оба», – добавил я для основательности. И впрямь, заевайся, не перекрой воду вовремя, зальёт весь паровоз водой, и через пять минут на морозе он будет весь ледяной, и отбивать лёд придется только кочегару.

– Ну, если вдвоём, то добро, заправляйте, – ответил повеселевший кочегар.

Конечно, наверх полез я, Диас ещё никогда не бывал на паровозе, побаивался. Прежде чем забраться наверх, мы навели длинный хобот высокой колонки над люком тендера, а наверху я его ещё поправил по центру, и только потом дал отмашку Диасу, чтобы отвинтил колесо крана, и вода, обдав меня запахом озера, тины, рыбы, полилась в чрево паровоза. Вода виднелась на самом доньшке, и я знал, что нужно пятнадцать-двадцать минут, чтобы заполнить тендер доверху. Визуально было хорошо видно, как вода поднимается.

Вода водой, а задача была – добыть уголь, а он, желанный, сажево-чёрный, бархатистый, лежал рядом, только протяни руку. Сверху я видел, что кочегар всё ещё скребёт топку справа по ходу состава, поэтому стал сбрасывать большие куски угля в снег

между путями на другую сторону. Время от времени я поглядывал вниз и на Диаса, и на кочегара Серегу, и продолжал сбрасывать и сбрасывать. Такая удача мне не выпадала никогда, мы могли теперь продать и десять ведер угля, и домой отнести. Радость прибавляла мне силы, я даже что-то насвистывал и безгололо напевал. Вода, тем временем, наполняла тендер.

Когда кочегар перешел чистить топку слева, я стал сбрасывать уголь прямо под ноги Диасу, жестами объясняя, чтобы он присыпал его снегом. Вот-вот должны были вернуться машинист с помощником. В общем, минут за двадцать я набросал по обе стороны колеи довольно-таки много угля. А тут и вода подошла под горлышко, и мы успели перекрыть кран вовремя, о чём тут же доложили Серёге. Кочегар поблагодарил нас и сам забрался на паровоз, проверил и сбросил огромный валун угля ведер на десять, я бы его и с места не сдвинул. От такого куска на паровозе одна морока, замучаешься его кувалдой в тендере дробить, а для нас – несказанное богатство.

Мы с Диасом, счастливые донельзя, улыбающиеся от неслыханной удачи, перешли под составом на междупутье и стали присыпать снегом тот уголь, что я сбросил в самом начале. Машинист, заняв место слева, сразу мог его увидеть, а, значит, не поздоровилось бы нашему доброму Серёге. Пока мы присыпали уголь на междупутье снегом, вернулся машинист, я увидел его в привычном окошке. Локомотив начал разводить пары, и нас, стоявших возле первого вагона, обдавало словно облаком, но мы его не замечали. Наши фантазии унесли нас со станции, мысленно мы покупали цветные карандаши, рыболовные крючки и настоящую капроновую леску. Диас замахнулся даже на перочинный ножик – денег от хромого Максума должно было хватить на всё. Богатая добыча лежала у наших ног слева и справа и даже за спиной.

Но тут, непонятно откуда, появилась ватага станционных ребят, не меньше десятка. Они были на год-два постарше нас с Диасом, а главному, двоечнику из 6 «Б» по кличке Фаддей, исполнилось уже четырнадцать. Конечно, они знали нас, а мы их, кроме двух дошколят, одетых в рваньё не по росту. Наверное, кто-то из них увидел из окна на втором этаже, как я долго сбрасывал с паровоза уголь. Ощущая пятикратное преимущество, они шумно накинулись на нас, особенно усердствовал Фаддей, подражая блатным, он сыпал жаргонными словечками, смачно ругался, в общем, запугивал страшно. Суть претензий была

предельно проста, особенно в устах косноязычного Фаддея: станция наша, а, значит, и уголь наш, убирайтесь, пока санки не отняли и не надавали как следует. Настроены они были агрессивно, даже поделиться не предложили, как часто бывало в подобных ситуациях. Наш случай был не первый на станции, только сегодня Фаддей впервые вывел новую юную поросль из краснокирпичного дома на охоту за чужаками, и явно желал утвердиться в лидерах. Хотя их было больше, у нас имелось преимущество, у каждого в руках была железная кочерга, которую мы держали наготове.

Когда Фаддей уж очень стал наседать на меня, я толкнул его кочергой в грудь, и он, не ожидавший отпора, упал на путь, что резко поубавило ему пыла. «Наш уголь, наш уголь», – орали дружно станционные, и меня вдруг осенило. Я сказал, как можно твёрже и туманнее: «Фаддей, наш уголь или ваш, ты не нам доказывай, понял?». «Кому же?» – опешили разом станционные. «Вот сейчас вернутся Султан с Хамидом, они за братами старшими пошли и за большими санками, им, чеченам, и скажете, что вы хозяева угля и станции, а теперь валите отсюда, пока целы».

В этот момент кто-то из колеи наклонился над большим куском угля, и тут произошло неожиданное. Тишайший Диас, побаивавшийся станционных, поддал тому такого пинка, что тот упал к ногам Фаддея. Тут нападавшие заметно дрогнули, не имея чеченской поддержки, мы, татарчата, вряд ли могли вести себя столь нагло на их территории. Но уйти просто так Фаддею гордость не позволяла, боялся уронить авторитет среди мелюзги, он демонстративно рвался в блатной мир. Фаддей лихорадочно думал, как он объяснит станционным корешам из красного дома, что не сумел отнять богатую добычу у двух малолеток из посёлка.

Так мы и стояли друг против друга – я с Диасом на междупутье, станционные в колее главного пути. Наш паровоз всё больше и больше выпускал пар, и мы всё время от времени тонули в этом густом облаке, но никто не обращал на это внимания. Весь интерес с обеих сторон сошёлся на угле. Конечно, добудь мы малость угля, ведёрка два, мы бы не сопротивлялись, и они, наверное, так бы не злобствовались. Но такую добычу никто не хотел уступить, ни мы, ни они.

А в это время литерный поезд, на высокой скорости, шедший на проход через Мартук, миновал входной семафор и,

видя скопление на путях, отчаянно гудел во всю мощь. Но никто из тринадцати ребят ничего вокруг не видел и не слышал, у всех в глазах – только уголь. Мне кажется, насыпь сегодня высоченную гору шоколадок, сникерсов, жевательной резинки и прочего добра, которое волнует детвору, всё равно нашёлся бы один равнодушный, озирающийся по сторонам. А тогда от угля дети не могли оторваться ни на секунду, такова была ему цена.

Скорый налетел с размаху – четверых насмерть сразу, нескольких выбросило из колеи без единой царапины, Фаддею отрезало обе ноги, а один мальчик по фамилии Касперов остался цел, ухватившись за решетку паровоза, которая сбрасывает с путей небольшие предметы. Диаса поезд не задел, меня зацепило какой-то выступающей частью паровоза, и, хотя я был в шапке, чуть выше виска у меня вырвало кусок кожи с волосами размером с маленькую монетку, и я долго хромал на левую ногу. Наверное, сильно ударился о стоящий состав, когда меня отбросило от летящего паровоза.

Когда я очнулся, Диаса рядом не было, со станции и из краснокирпичного дома с плачем бежали женщины. Я потихоньку переполз под составом, нашёл свои санки и ведро и, обливаясь слезами, хромая поплёлся домой. Кому досталась большая добыча, остаётся только гадать. Эта история имела тягостное продолжение только для меня. Меня хотели исключить из пионеров как расхитителя социалистического добра, и даже из школы. Но нашлись во власти здравые люди, и ретивых учителей быстро одёрнули. На станцию я, конечно, дорогу забыл.

В год моего 65-летия я случайно узнал, что тот мальчик Касперов, чудом оставшийся живым, стал профессором, академиком, ректором авиационного института в Новосибирске. Поистине, судьбы людские и пути Господни неисповедимы.

о. Корфу, Греция, 2007

Михаил МЕДВЕДЕВ

НА КРЕЙСЕРЕ ВСЁ СПОКОЙНО

из рассказов старого матроса

ПАУЗА

Степан Николаевич Рябов, рассказавший мне две истории, свидетелем, даже можно сказать, участником которых он оказался, в далёком пятидесятом служил на Черноморском флоте. На крейсере «Молотов».

И был он тогда молодым и бравым матросом, гордился своей бескозыркой!

Командовал крейсером прошедший через все испытания Великой Отечественной капитан первого ранга Пётр Петрович Руднев. Боевой офицер, не раз смотревший смерти в лицо, отважный человек, любимец матросов.

Однажды летом корабль облетела весть: скоро на крейсер прибудет сам Сталин. Хотя офицеры открыто не говорили об этом команде, но намекали, что ожидается визит очень важного гостя, и тщательно готовились – крейсер блистал чистотой и порядком.

Тот день настал. Выдался он по южному – солнечным, жарким. Командир был спокоен, и всё же матросы чувствовали, что и бывалый морской волк волнуется. Показался катер, идущий от берега к крейсеру. Весь экипаж был уже выстроен на палубе. Катер причалил. Сталин со свитой поднялся на крейсер, вождя сопровождали Молотов, Маленков, Булганин, Каганович.

Перед рослыми матросами гости, все без исключения, выглядели карликами, какими-то ненастоящими, бутафорскими, будто их привезли из кукольного театра.

Все смотрели, конечно, в первую очередь на Сталина. Он был в парадном белом мундире Генералиссимуса. Уже дряхлеющий человек, с седыми усами, тронутым оспой лицом, непропорционально сложенной фигурой и очень короткими ногами. Шёл медленной старческой походкой, левая рука висела, как плеть. В общем, матросы почти не обнаружили сходства натуры с теми портретами, с которых Сталин смотрел молодым и очень красивым.

Командир корабля, чётким шагом подойдя к вождю, рапортовал:

- Товарищ Генералиссимус Советского Союза! Экипаж крейсера «Молотов» для торжественной встречи партийно-правительственной делегации построен. Командир крейсера «Молотов» капитан первого ранга...

Первые мгновения матросы не поняли, в чём дело, так как они смотрели на Сталина, и только на него. Потом подумали, что капитан первого ранга специально выдерживает паузу, чтобы рапорт прозвучал чётче. Но пауза затягивалась. Когда с ужасом догадались, что командир от волнения забыл свою фамилию, поспешили на выручку. Стали шептать:

- Руднев..., Руднев.

- Руднев! – громко и чётко завершил свой рапорт капитан первого ранга.

Встреча высочайшего гостя прошла на должном уровне. Очень часто щёлкали камерами фотокорреспонденты. Оказывается, Сталин был большой любитель фотографироваться.

После обеда Сталин вышел на палубу подышать свежим морским воздухом. Один, без сопровождения. Возможно, и напрасно говорят, что он в последние годы жизни страдал манией преследования, на каждом шагу ему мерещились врачи, только и норовящие убить его.

Вот он присел на надраенную до блеска металлическую тумбу – кнехт.

Некоторое время смотрел в задумчивости в морскую даль, а потом привычным движением достал из кармана кителя свою знаменитую трубку и принялся набивать её. Раскурив, уже наслаждался ароматом хорошего табака.

И тут, как из-под палубы, вырос перед ним здоровый матрос.

- Иосиф Виссарионович! Извините, у нас здесь курить запрещается.

Сталин посмотрел на богатыря с удивлением, ничего не сказал. Притушил большим пальцем трубку и сунул её в карман. Матрос же исчез так же быстро и неожиданно, как и появился.

Сталин ещё немного посидел на кнехте, а затем спустился в каюту.

Тюменская область, г. Ялуторовск

Людмила ТКАЧЕНКО/Ми́ла РОМАНОВА

КАРТОШКА ИЗ МАРТУНИ

рассказ

На севере Армении, недалеко от озера Севан, в Гехаркуникской области, есть городок под названием Мартуни. Говорят, там растёт удивительно вкусная картошка...

Мы познакомились с Гагиком, когда он пришёл делать мне ремонт на балконе. Среднего роста, грузный, с копной чёрных с проседью волос, он сначала показался мне нелюдимым и даже немного странным. Мне не часто до этого приходилось общаться с армянами, но те, кого я знала, были весёлыми, шумными и гостеприимными. Гагик разительно отличался. Говорил коротко, мало и только по делу. Улыбался редко. И вообще, мне показалось, что он живёт с какой-то болью внутри, но сам не хочет в этом признаться.

Через неделю знакомства он стал мягче в общении и, все-таки, рассказал мне о своей семье. У него была жена и две дочери, которых он безумно любил. А еще – большая семья жены, которая тоже жила в нашем городе. О своих родных говорил сухо:

- Умерли родители. Семья брата живёт в Армении. И дед. Младший брат моего деда. Больше никого.

А потом наступил праздник 9 мая.

В этот день Гагик позвонил и сказал, что приедет, чтобы полностью закончить работу с моим балконом. Я предложила отдохнуть в этот день – праздник ведь. Но он сказал, что уже договорился о новом объекте, поэтому непременно нужно сегодня. И я согласилась.

Работы оставалось немного, и он закончил её уже к обеду. Мы рассчитались, и Гагик собрался уходить, как вдруг в мою дверь позвонили.

- Привет! А мы праздновать пришли!

В дверь влетела моя маленькая племянница Рита, а следом за ней зашёл мой брат с женой и старшей дочерью. Наша Рита – удивительная девочка. Она чувствует хороших людей и всегда тянется к ним. Вот и сейчас она подскочила к Гагику:

- Я, Рита! А как тебя зовут?

Её глаза сияли, излучая такую непосредственность и чистоту, что хмурый обычно Гагик, улыбнулся:

- Меня Гагик зовут.
- Отлично! Значит, будем дружить! – ответила девочка.
- А я предлагаю пойти за стол и всем вместе отметить праздник! – предложила я и повернулась к Гагику, - Давайте с нами!

Он улыбнулся и кивнул головой в знак согласия.

Потом мы долго сидели за столом: пили чай и армянское вино, много разговаривали и даже пели военные песни. А ещё, вспоминали своих родных. Тех, кто не вернулся с войны.

- Мой дед не вернулся, - начал свой рассказ Гагик, - его призвали в самом начале войны, а последнее письмо пришло в феврале сорок второго. Из-под Керчи. Там бои шли сильные. Больше мы ничего про него не знаем.

- А как звали твоего деда? – спросила я.

- Мисак. Мисак Арапетян, - ответил, вздохнув, Гагик.

- Сейчас я попробую тебе помочь, - я взяла в руки телефон.

- Помочь мне? Как? Как это возможно? – удивился он.

- Все очень просто. Есть такой сайт отличный. Называется – «Память народа». Там есть данные на всех военнослужащих. Думаю и на твоего деда данные есть.

- Чудеса, - только и сказал он.

Я действительно быстро нашла информацию на сайте. Там было указано, что рядовой Мисак Арапетян одна тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения пропал без вести в феврале сорок второго. А ещё была копия заявления, которое бабушка Гагика писала в военкомат с просьбой прояснить судьбу мужа. Сверху на заявлении решительной твёрдой рукой было написано: местонахождение не установлено. Предположительно – погиб.

А потом он долго рассказывал о своём детстве. Об отце, который умер очень рано. О маме, которая осталась вдовой и всю жизнь жила одна. Впрочем, как и бабушка, мама отца, которая тоже жила вместе с ними. И после того, как дед пропал без вести, так и не вышла больше замуж. Ещё он рассказывал про то, что в краях, где он вырос, растёт удивительно вкусная картошка. И каждой осенью, при сборе урожая они делали пур. В переводе с армянского это значит «печь». А на самом деле это костер из коровьих лепёшек, в котором пекли ту самую картошку.

- Вкуснее, чем она, я в жизни ничего не ел, - закончил он, а потом вдруг добавил, - Нужно поехать в Керчь. Панихиду отслужить по погибшему деду.

Я не успела ничего ответить, как вдруг подала голос маленькая Рита. Дочь брата до нынешнего момента тихо собирала пазлы в углу.

- Не надо панихиду! – вдруг отчетливо сказала она.

- Почему? – мы все повернулись к ней.

- Дедушка жив! – сказала Рита утвердительно.

Но кроме этих слов, более ничего. Попытки расспросить ребёнка, почему она сказала именно так, ни к чему не привели.

Возможно, эта история так бы и закончилась, если бы через день Гагик снова не позвонил мне. Его голос был взволнованным, а речь, на удивление, многословной:

- Мила! Я тебе сейчас такое расскажу! Ты не поверишь!

А дальше последовала та самая история, которая случилась тридцать лет тому назад.

Оказывается, после нашего разговора девятого мая, Гагик решил позвонить своему двоюродному деду. Чтобы рассказать, что нашёл информации о судьбе его брата на сайте «Память народа». А в ответ услышал...

- В сентябре семьдесят второго года в Мартуни был большой урожай картошки. Мы подумали и решили повезти её в Россию, продать. Нужны были деньги для моей семьи. Да и твой отец недавно умер. Семья осталась совсем без средств. Вот мы все вместе и решили, что я поеду в Россию продавать картошку. Долго думали куда, в какой город. А потом сосед наш, Горик, сказал, что ездил в Иркутск раньше, и там всё удачно продал. Вот я и решил – поеду в Иркутск!

Нашёл там знакомых. Спартака Арутуняна сын в Иркутске жил. Списался с ним и поехал. И правда, поездка удалась. Я за неделю почти всё продал. Стоял на рынке последний день.

Дело шло уже к вечеру, а у меня осталось килограмм десять непроданной картошки.

Сижу, я значит, за своим прилавком, думаю.

- Варев дзез! – вдруг слышу. Поднимаю глаза.

Стоит передо мной мужчина. Лет шестьдесят. Волосы почти все седые, одет прилично. Вроде бы армянин, но поговору – русский.

- Барев дзез! – отвечаю. - Откуда, земляк?

- Я не земляк, - отвечает он, - у меня друг армянин, вот и меня научил.

Смотрит на меня, улыбается, а глаза грустные-грустные.

- А друг откуда? - спрашиваю, - из какого города?

- Друг был... - не договорил он, а затем спросил. - А картошка твоя откуда?

- Из Мартуни. Слышал такой городок в Армении? У нас самая вкусная картошка.

- Слышал, - сказал он как-то тихо.

А потом взял клубень картофеля, понюхал, и вдруг прижал к щеке. На мгновение закрыл глаза, а потом вдруг решительно сказал:

- Давай мне десять килограмм!

- А у меня как раз десять и осталось! – весело ответил я.

- Ну, тогда, вот деньги! – он протянул мне пятидесятирублевую купюру. По тем временам – очень большие деньги.

- Но это много! Сейчас тебе сдам, - начал я торопливо искать смятые купюры в кармане.

- Не нужно. Ответь мне лучше на вопрос. Ты в Мартуни давно живёшь?

- всю жизнь. Я родился там.

- А Мисака Арапетяна семью знаешь?

- Конечно. Это же мой старший брат. А зачем тебе?

Он немного помолчал, потом добавил:

- Друг это мой был. Хотел узнать, как его семья живёт.

- А-а, друг. Пропал он без вести на войне. А жена так и осталась одна. Сын Арарат вырос, женился. Жаль, болел сильно. Умер недавно.

- Арарат умер? – как-то задумчиво спросил мой собеседник.

- Умер, да. Два сына остались без отца.

- Беда, - только и сказал он, а потом добавил, - я сейчас отойду, а за картошкой вернусь.

Но он не вернулся. И больше я его не видел.

Когда я приехал в Мартуни, сразу пошёл к твоей бабушке и рассказал ей про эту встречу. Она достала старые фотографии и показала мне. Я почти не помнил старшего брата. Ведь, когда он ушёл на фронт, я был совсем маленьким. На фото ему двадцать семь. Но когда я присмотрелся, понял, что человек, который подходил за картошкой в Иркутске, удивительно на него похож...

- Мила! Что делать? Скажи! Как его найти? - в голосе Гагика слышалась мольба, так не свойственная мужчинам. В особенности армянским.

- Гагик, послушай. Прошло почти тридцать лет. Кого ты собрался искать? Может это просто совпадение. Может это

действительно был друг твоего деда. А если даже это был он, почему брату не признался? Допустим, не мог. Действительно, в те времена было очень сложно. Дезертирами и предателями считали даже тех, кто ими не был. Но ведь потом, когда союз развалился. Может, его уже в живых не было? - я пыталась быть убедительной. Однако...

Нужно знать армянских мужчин. Временами они бываю невыносимы. И непреклонны.

- Я буду его искать! – твёрдо заявил он.

- Как?

- Ещё не знаю. Но буду. И ты мне будешь помогать. Это ведь ты нашла информацию о нём на том сайте...

Я обречённо вздохнула и мысленно пожалела о той минуте, когда предложила Гагику найти в сети информацию о его деде.

- Ладно, Гагик. Так и быть, - согласилась, - давай я напишу эту историю и мы поместим её в газеты города Иркутска. В статье укажем твой телефон. Вдруг, кто и отзовётся.

- Мила, спасибо! Ты мне как сестрёнка! Спасибо, - кричал в трубку он.

Я снова вздохнула. В мои планы не входило приобретение нового родственника. Тем более, я хорошо понимала: человек на эмоциях.

Честно говоря, в успех этой затеи верила с трудом. Однако заметку написала и отправила в несколько иркутских газет с просьбой напечатать и помочь человеку в поиске.

В заметке был указан сотовый телефон Гагика. А ещё, лично от себя, я написала так:

«Если вам что-то известно, относительно этой истории, позвоните, пожалуйста, по указанному телефону и скажите «пароль»: «Картошка из Мартуни».

И потекло время ожидания. Сначала неделя, потом вторая, потом третья. Время шло, но ничего не происходило. Я сама не поняла, как втянулась в эту историю и теперь регулярно названивала Гагику с вопросом:

- Ну как?

- Пусто, - грустно отвечал он.

Я снова написала в газеты и попросила ещё раз напечатать нашу историю. И мне снова пошли навстречу.

За это время я вдруг решила разыскать всю информацию о двух своих дедушках. Один погиб под Прагой. Уже после победы. В мае сорок пятого. Дважды Кавалер Ордена Красного Знамени.

Второй - вернулся домой героем. Но каждый раз, слушая раскаты весенней грозы, вспоминал штурм Кенисберга. И то, что из ста пятидесяти человек в подразделении, их в живых осталось только трое.

Я думала о том, что участие в шествии Бессмертного полка в День Победы, есть самое малое из того, что я могу сделать для памяти моих родных. И для наших потомков. Чтобы память жила, вдохновляла и предостерегала.

И ещё я часто думала о судьбе Мисака Арапетяна. Что случилось тогда, в феврале сорок второго под Керчью? И действительно ли в Иркутске брат видел его?

Двадцать первого июня, вечером Гагик снова позвонил мне:

- Можно я зайду? - спросил.

- Заходи. Новости есть?

- Нет новостей. Наверное, ты права была. Тридцать лет прошло...

- Ладно, заходи.

- Вина армянского принести?

- Нет. Лучше абрикосы. Они мне очень нравятся, - ответила я.

- Лично я люблю картошку, - вздохнул он.

А потом мы сидели на кухне, и пили чай. Сидели молча, говорить было не чем. Я понимала, почему он пришел ко мне. Ведь кроме меня его затею с поиском деда, никто не поддержал.

Сами собой, как волны, накатывали мысли о хитросплетении человеческих судеб и о том, как удивительно я оказалась втянута в судьбу человека, которого никогда не видела и настоящую историю жизни которого никогда не узнаю.

- Завтра двадцать второе июня... Восемьдесят лет с начала большой войны, - задумчиво проговорила я.

- Да. Большого горя для всех людей. Почему люди так быстро забыли эту войну? - спросил Гагик, глядя куда-то в сторону.

- Люди, увы, склонны забывать, многое забывать, - ответила я.

И в это время у него зазвонил телефон.

- Алло, - ответил он.

Я продолжала пить чай, но от следующей фразы, которую услышала, чуть не захлебнулась...

- Что? Что вы сказали? Картошка из Мартуни? Кто!?? Кто ты такой?

Он путался в словах, заикался и кричал в трубку. По щекам бежали слёзы, которые он не успевал смахивать.

И это было так удивительно наблюдать, как сильный мужчина, позволил наконец-то себе стать слабым. Чтобы принять себя и свою боль. Чтобы узнать правду.

- Кто это был? - тихо спросила я, когда разговор закончился.

- Мой дядя, - так же тихо ответил он, - дедушка умер пять лет назад. И перед смертью рассказал сыну всё. И как контузило его тогда в феврале сорок второго, и как память пропала, и как документы в госпитале перепутали. Вернулся на фронт уже с другим именем и другой судьбой... Я всё узнаю. Всё, как было. И обязательно тебе расскажу, сестрёнка! Спасибо тебе за всё. За то, что вернула мне деда. И память. Я теперь перед тобой в долгу. Что хочешь, проси.

- Ладно, - улынулась я, - как поедешь на родину, привези мне этой вашей знаменитой картошки. Так охота попробовать.

Тюмень, 2021

Любовь НЕРЯХИНА/Любовь СОКОЛ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

рассказ

Всё было хорошо – семья как семья: отец, мать и сын. Родители работали, оба в каких-то фирмах. Жили в достатке. В относительном достатке. Думали жить ещё лучше. Мечтали – ещё пару лет, и могут позволить себе машину, а там и о новой квартире, более комфортабельной, можно подумать.

Но сейчас такая жизнь, что лучше ни о чём не мечтать. А уж строить многолетние планы вообще ни к чему. И ещё. Но сейчас такая жизнь, что, если хочешь остаться на работе (на хорошей, высокооплачиваемой работе), лучше молчать. Что бы ни видел, что бы ни делалось на фирме – молчи.

Максим знал это, но пришло время, не сдержался – заступился за одного хорошего сотрудника – отличного работника, отличного семьянина, в результате – оказался «за бортом». Сократили без выходного пособия. А того, за кого он заступился, оставили – будто в укор ему.

А тут и Мария оказалась «за бортом» - тоже по сокращению штатов. И опять могла бы остаться – выгодный работник: взрослый ребёнок, на больничном листе почти не бывает, в выходные, если надо, тоже потрудится на благо компании. Но под сокращение попала женщина, у которой двое маленьких детей. Той бы самой постоять за себя. А она в слёзы: «Что я буду делать, на что жить?» Ну, Мария не сдержалась, влетела в кабинет начальника отдела со словами: «Да как вы можете? у неё малолетние дети!» Начальник отдела только качнул головой – что ты, мол, дурочка, наделала?! А когда Мария поняла, что наделала, была уже на улице. Не любят у нас заступников. Да и что заступаться, если начальство итак знает, кого увольнять? И зачем? Плетью обуха не перешибёшь. Выгородишь кого другого – в немилости окажешься сам. Марии ещё повезло – ей выдали выходное пособие. Нет, она могла бы обратиться в суд, и, скорее всего, победа была бы за ней. Но какой ценой? Её бы восстановили, но отношения-то испорчены. И, не дай Бог, прогорит фирма. На другую работу её уже не возьмут. Склочников у нас не любят, а она, по всем параметрам начальства, именно склочница.

Жизнь приняла иной оборот. Сначала лишились достатка, потом вообще сошли на нет. Жили кое-как, питались очень скромно. Стыдно было ходить в магазин. Что они могли позволить себе – макароны, картошку, ну и растительное масло, иногда молоко. А рядом стояли тележки, в которые бухали всевозможные банки, бутылки, колбасы, сыры. Но держались. Изо всех сил.

Хуже всего было Егору. Дети, как никто другой, чувствуют настроение семьи, и не только чувствуют – воспринимают по-своему, и всё это читается на их лицах. Когда-то весёлый, открытый парень, потихоньку сникал. Уже нет новых рубашек, джинсов, кроссовок, а тут сломался сотовый, и отец смог купить ему только дешёвый, а это больше всего удручало, даже бесило.

Дальше было хуже. Егор уже не мог позволить себе сходить на дискотеку – что там делать без гроша в кармане? А дальше и больше – не мог пригласить друзей домой – куда, в эту нищету, где давно не пахло какой-то дорогой кулинарией, где царит хаос и смятение? Нет, лучше не надо.

Парень замыкался, грубел. Он стал изгоем общества. Его сторонились, а ему казалось – им пренебрегали, а порой и злорадно смеялись. Да, сейчас не любят неудачников. Хотя им может стать в наш тяжёлый век любой и каждый. Но сейчас их время, они на высоте, а ты в низине, если не в самом низу.

Ругал, корил себя – когда-то и ты свысока поглядывал на бедных детей, а они были, а они есть, и они будут в любом обществе – ибо это особый класс, и им сейчас всех тяжелее. Тебе бы помочь, приободрить, даже подружиться с кем-то из них – нет, ты был не из их числа, ты был на полголовы выше.

Всё в жизни предопределено, всё приходит вовремя. Каждый поступок, каждая мысль несёт свою энергетику. Как ты сегодня поступаешь с людьми, так завтра жизнь поступит с тобой. Умный понимает это, мудрый вообще не замечает неравенства – ибо все люди на Земле равны уже тем, что, будь ты трижды богатый и будь ты трижды бедный, каждый приходит в своё время, и каждый в своё время уходит. Ни от жизни, ни от смерти откупиться нельзя. Загадано человеку родиться – он придёт на этот свет и придёт в том качестве, как был создан, как задуман, раскрыт, и придёт именно к тому, кому он предназначен. Одна женщина рожает, а ребёнок оказывается у других родителей – именно потому, что для них он и создан, для них пришёл в этот мир.

Также и со смертью – один всю жизнь копил добро, обманывая других, идя по головам. Одна вилла. Другая вилла. А там и жене, сыну кусочек земли с каким-то домиком прихватить. А что получается? А то, что в один прекрасный день он лишается всего этого, именно потому, что его время пришло, вернее, Время Смерти. И никакие деньги, даже баснословные, никакие виллы, никакое золото, даже бриллианты тут не помогут. Смерть не разбирает: бедный ты или богатый, она приходит и уводит за собой. И как же трудно умирать богатым, невероятно трудно! Как умирать?! Зачем?! Если всю жизнь копил, если всю жизнь холил и лелеял жизнь, если всю жизнь холил и лелеял себя? Нет! Нельзя! Никак нельзя! А это куда?! Виллы, машины...?

Нет, страшно умирать богатым. Ведь всё: и виллы, и машины он оставляет другим – пусть даже детям, внукам. А его не будет, его уже почти нет.

А любовницы уже отошли – только почуяли запах смерти, только увидели, что он уже одной ногой там. Они, что можно, взяли у него, для них есть и другие – более молодые (пусть даже и не более богатые). Зачем терять время на дряхлого старика?

И уходит он отгороженным – как сам не позволял себе добрых слов в отношении с женой и детьми (хватит с них денег!), так и они не питали к нему нежных чувств. Уходишь – уходи, освободи место другим.

Легче жить бедняку (по теперешним понятиям – середняку, это по отношению к богачам – бедняку). Приходит в мир бедным, трудится, живёт, печётся о своей семье и о своём любимом деле, и умирает бедным, и жаль ему только семью: жену, детей. И им очень жаль того, кто уходит от них – ибо он дал им богатство, несравнимое ни с золотом, ни с бриллиантами, он научил их жить и чувствовать жизнь. Такие люди идут по жизни или рабочими, своим трудом добывая хлеб, или же геологами, путешественниками, или же учёными, учителями, воспитателями, библиотекарями, врачами. К этой же категории относятся и люди искусства: писатели, художники, артисты. неброский достаток – зато души огромны и чисты, в них столько пламени и добра, что хватает не только на свою семью, но и на других людей.

Да, над такими людьми сейчас смеются, злорадствуют в глаза, выставляя напоказ свои цепочки и перстни, скаля золотой рот. Но в душе те же богатые завидуют им – ибо эти люди неподкупны, ибо у них светятся глаза, ибо они несут себя настоящими хозяевами Земли, ибо они от земли, ибо пришли на

этот свет не царствовать и повелевать, не казнить и миловать – они пришли творить свой мир, неповторимый, царственно-прекрасный. Эти люди умеют радоваться, новому ребёнку, другу. Эти люди умеют дарить. И подарки их весомы: это красоты мира, это любовь. А как они умеют восхищаться, той же природой мира, её красотой. И бриллианты для них никогда не скудеют – это солнце, это море, это друзья.

Да, Небеса дали этой семье время, чтоб переосмыслить жизнь, чтоб высветить её приоритеты, чтоб задаться вопросом: - «Как дальше жить? И с чем жить?». Чтоб и других увидеть по-новому, чтобы увидеть их отношение к новому себе. Чтоб чётко осознать, что всё в мире соизмеримо.

Время не стоит на месте. Отца взяли на другую работу – организовывалось новое предприятие, нужны были дельные работники, люди, что не пасуют перед трудностями, что стоят горой за других, таких же надёжных.

Семья вздохнула – закончилось время трудностей и лишений.

Но жить всё равно нечем. Максим не стал просить аванс. Не хотел унижать себя, к тому же нельзя сразу настраивать начальство против себя – ему надо было показать себя, и показать с лучшей стороны, а через унижение это сделать нельзя. Мария понимала мужа, и сын понимал отца, они все понимали, что нужно время, чтобы вернуться на прежний курс жизни.

Уже гордая голова у сына. Гордость во взгляде – а это не скроешь, это видно сразу. И друзья вновь потянулись к нему, а может и он к ним, кто знает.

И всё равно Егор ущемлён – уже тем, что не может, пока не может, сходить на дискотеку, а ещё больше тем, что не может пригласить друзей к себе домой. А так хотелось, так уж хотелось, соскучился по всеобщему веселью, шуткам-прибауткам, просто по общению соскучился парень.

Но он держался. И не только держался, но и подбадривал родителей. Вставал бодрым, уходил бодрым и приходил тоже бодрым. Только иногда вздыхал, невольно, непроизвольно, и эти вздохи больше слов говорили о состоянии сына. Но после вдоха сын ещё больше распрямлялся, подмигивал этак заговорщицки, мол, ничего, зима да лето – переживём и это!

Он знал, что его время не за горами. Они все знали – им продержаться максимум неделю. После этого времени начальник отца сам предложит, даже не так – сам выпишет отцу аванс, и

преподнесёт его как подарок за отличную работу. Значит, тем более молчать, тем более терпеть и делать вид, что у них всё хорошо.

Родители крепились – они воспрянули духом, они уже потихоньку строили планы на лучшую жизнь. «Во-первых, купим сыну новые брюки, куртку, рубашки», - эти слова для них сейчас были самыми важными. Парень в одиннадцатом классе, а ни одной обновки за полгода. Так жалко сына, и даже сказать ему нельзя, что жалко его, что готовы вывернуться наизнанку, лишь бы ему помочь.

Трудно растить детей, гордых детей растить ещё труднее, зато потом как сладко душе, когда видишь, что ты создал, что ты подарил миру, той же избраннице, потом жене, тому же начальнику.

Но как сладить с этим сейчас?

«Хорошие мысли просачиваются в сознание Небес и озвучиваются», а вот и другие слова: «Что хочет женщина, то хочет Бог» - эти слова верны, эти слова действенны и верны. Больше всего хотела приподнять своих мужчин: обоих! – Женщина: женщина-жена, женщина-мать. И Небеса снизошли до её мольбы. Да и о чём она просит? Чтоб сытнее накормить семью? Это же мизер, это же так просто – так просто для Разума, для Небес.

Стечение обстоятельств, а стечение ли, а не предопределение Небес? Но так сложилось – муж попросил отыскать брюки – те брюки, что он давно не надевал, что валялись в каком-то дальнем ящике. Но пришло время надеть, да и брюки хорошие, даже обрадовался, что вспомнил о них. Мария отыскала брюки, машинально залезла в карман и обнаружила деньги – небольшие, но они так помогут им, они так им нужны.

Сказала об этом мужу. Тот обрадовался, вздохнул всей грудью. Теперь мы прорвёмся, уж теперь-то мы обязательно прорвёмся! А то уже возникала мысль – попросить этот проклятый аванс, не пухнуть же семье с голоду, а скоро это грядёт, быть может, завтра. А тут такое. «Да это же подарок Небес!» - только так он мог расшифровать находку жены. Протянул руку к деньгам (никогда так не тянул, всегда отдавал, дарил деньги семье и был счастлив), и Мария вложила в его руку деньги, не так много, но и не так мало, чтоб продержаться, не уронить себя. Пересчитал, да, и пересчитал. Сколько там? Хватит, нет? Мало, но всё же, хоть картошки купим, тех же окорочков, чуть яблок для жены – она так

любит яблоки. Крохотные, неприхотливые желанья, но как дороги они, как неоспоримы.

Сыну ничего не сказали. Да и говорить-то не о чем, порадовать сына нечем, если только более сытным обедом. Но это он увидит сам. А о большем пока мечтать рановато.

Рынок – тут только картошка, больше ни на что не смотрели. Но картошка, как по заказу, крупная, мясистая, чистая, без противных чёрных глазков, что ополовинивают клубень, да и красоты ему не прибавляют. Хотела чуть, на суп, а брала и брала: один пакет, второй, третий – только тут остановилась, только тут сказала себе: «Хватит!»

- Куда столько? - удивился муж.

- Хочу картошки! - только и ответила жена. Хотя подспудно зрела мысль, радостная, счастливая. Но она прятала её, даже от мужа прятала. Муж не стал противиться. Обида ожгла сердце – жена хочет картошки. И ещё. И не сказала ни разу. Взмолился в душе: «Боже, если ты есть, помоги! Я больше не могу! У меня нет больше сил!» Душа вздохнула и улеглась.

«Супер - Маркет» - название-то какое! Увы, пока не для них. Им бы простенький магазинчик со свежим хлебом и окорочками, но где их теперь взять, особенно в центре города, эти простенькие магазины? Вздохнула. Набралась сил. Ничего, грядёт то время, когда они будут заходить сюда как полноправные покупатели, набирать продуктов щедро и расплачиваться тоже щедро. Пока же (гордо неся голову) Мария (муж не пошёл, зачем унижать его?) глазами прошлась по прилавкам, (непринуждённо - это всё у неё есть!) выбрала шоколад (не утерпела, не хотелось унижать себя), потом отобрала яблок, любимых, как по заказу, зелёных, не вытерпела, взяла пять штук красных (гулять, так гулять!) и отошла от фруктов. Так притягивал виноград, сочными боками соблазняла хурма, киви вопрошали: «Почему не берёшь нас, мы так хотим к тебе!» Так же непринуждённо прошла к хлебобулочным изделиям и выбрала не хлеб, а ведь хотела именно хлеб, а тут будто нашёптывал кто: только батоны, вот эти, жёсткие, упругие, и больше, больше! Взяла два. И опять подсказка: ещё, ещё бери! Нет, опять мало, бери ещё! И она взяла пять батонов. Куда это? Не знаю. Но уже знала, подсознательно зрела мысль, и пугала, и радовала: «Неужели? Я так хочу этого? Егорка! Егорка мой!». Есть ли ещё деньги? Мысленно просчитала - конечно, есть! Значит, колбаса и сыр для бутербродов. Что ещё? Снова просчитала, всё, лимит

закончился, больше ни-ни. Да и не надо, ведь всё необходимое она взяла. Остались деньги, чтобы прожить ещё дня два. Уже идёт к кассе, довольная, счастливая. Она всё взяла, и даже деньги остались. Но вот - нет, не всё! Не всё! – Что же? Что я забыла? – Селёдку! Ты забыла селёдку! А какая картошка без селёдки?!

И она чуть не бегом вернулась назад, лучезарная, ещё более счастливая. День сегодня выдался такой, он сделал её счастливой. И вот: «Чуть не забыла! Мне селёдки! Штук пять!» - и как же счастливо пело сердце, каким же счастьем откликнулась душа, пока продавец взвешивала ей селёдку – жирную, пахучую, искрящуюся, переливающуюся как пять солнц, пять планет, что окружают её. Она была на вершине счастья, она была на вершине блаженства.

Вышла из «Супер - Маркета» счастливая. Денег ноль, едва хватило на покупки (слава Богу, что хватило, и тут подсказали Небеса), а радости – полные карманы! Только и сказала мужу: «Домой! быстро домой!» И они пошли пешком (на такси денег не было) к дому. Благо, муж прихватил рюкзак – продукты в рюкзак, жену за руку и ходу.

Вечер. Сын неспокоен. Устал быть отвергнутым, устал быть изгоем. Мечется из комнаты в комнату, пробует слушать музыку, опять выключает свой центр, просто лежит, просто не хочет ничего. Родители молчат, не сказали ему ни о находке, ни о походе за продуктами – пусть попереживает, это тоже надо, хотя и жалко, страшно жалко сына.

Звонок. Сыну звонок – они почувствовали это, особенно мать. Мать всё чувствует, если она настоящая мать. Сын взял трубку, сын недоумевает – к нему просятя друзья, он ошеломлён, он не знает, что сказать. Мать поняла его, мать бодро сказала:

- Приглашай друзей!

И подмигнула этак заговорщицки, что означало – не дрейфь! И сын так же бодро, откуда гордость взялась: «А прибегайте! Да! Да, все! и как о чём-то решённом – Жду!»

И вот она, ватага парней. Шумные, счастливые, будто и не было этой размолвки, будто и буря не шумела меж ними: заскочили, поздоровались, шумно так, весело:

- Здравсте, этому дому! - разделись и прошмыгнули в комнату сына. И сразу веселье, сразу тарарам. Молодёжь, такой она и должна быть, шумной, весёлой. Музыка – громкая, озорная, песни – бесшабашные, озорные и такие же бесшабашные, озорные голоса.

Сын прибежал на кухню – чем-то так вкусно пахнет? Чем это, а?! Мать кашеварит. В огромной кастрюле доваривается картошка – вкусная, ароматная, будто сто лет не ел, будто из прошлой жизни. На столе в двух больших тарелках разложена селёдка, а в середине стола огромные яблоки в такой же огромной красивой вазе. А ещё бутерброды, кучи бутербродов в двух огромных тарелках.

- Ма, это что?! – аж задохнулся, дух перевести не может. А он-то переживал. Чем кормить эту ораву? А если ничем, то ему каюк!

- Прости, сынок, что не сказала сразу. Мать уже жалела сына, ещё больше жалела, что сразу не призналась.

- Мы сегодня нашли деньги в старых папиных брюках. Вот и закупили всё это. – Улыбнулась, хорошей материнской улыбкой.

- Я сразу, ещё в магазине, решила - ты пригласишь ребят, устроим ужин. А они будто почуяли, сами напросились.

- Вот и хорошо, мама, что не сказала. Это ж так лихо, что они сами напросились! – Обнял, чмокнул в щёку.

- Ну, мам, и чудо ты у меня!

- И ты чудо! И ещё, какое чудо! – В душе же: селёдке рад. Так больно, ужасно больно. Будто они работать не хотят, будто лодыри какие. А вот через что пришлось пройти, через что только не приходится пройти человеку.

Убежал сын – напоенный радостью, обласканный тёплыми словами. А мать ничего не может. Застыла посреди кухни, не шелохнётся. Хорошо, мужа нет. Зачем стеснять ребят, да и мешаться у жены под ногами тоже не след. Просто вышел погулять, просто на час - другой испарился.

Но вот опомнилась Мария: «Что это я? Ведь всё хорошо, всё уже хорошо?» Но боль лишь чуть улеглась в глубине души. Ещё не раз вернётся, время надо, чтоб отстала навек.

Музыка вывела из полузабытья. Но у неё же всё хорошо. У нас уже всё хорошо. Да и в комнате сына стало стихать, а вот и совсем стихло. Утомились ребята, пора сделать паузу. Мать выждала момент, чтоб не сразу, но и не опоздать (сын переживает), зашла в комнату и величаво так, непосредственно: «А идёмте-ка ужинать! картошка стынет!»

И вся орава устремляется на кухню (благо она, как по заказу, большая), где накрыт стол, где в центре стола огромное блюдо с дымящейся картошкой и два чуть поменьше блюда с уже очищенной, сдобрённой луком и постным маслом селёдкой. А вот и бутерброды, что ещё надо изголодавшейся ораве? Да ничего!

- Ура! Картошечка! - только и сказала орава, усаживаясь вразнобой за стол. И как же они ели, и как же они восхваляли картошку. И как же они восхваляли хозяйку дома, и как же они проникались уважением к другу, которого чуть не отвергли (ему казалось, чуть не отвергли). И из-за чего? Страшно подумать, из-за чего. Еда – она сплачивает нас (не вино, именно еда), она расслабляет и наполняет силой, она делает нас великодушнее и добрее. Да здравствует еда! И только слышно было: «Егор! Егорка! – и опять.- Егор!». Да только ради этого мать сердце своё отдаст, душу свою отдаст. Хотя, зачем так кроваво? Пригласи, накорми, будь великодушной, будь хозяйкой, этому же и детей учи.

Смели картошку с селёдкой, туда же улетели бутерброды. Молодёжь, везде азартна: и в музыке, и в еде. Засобирались. «Спасибо! Спасибо! Вы прелесть! Мать у тебя, Егор, прелесть!».

Она им: «А яблоки? Яблоки берите! Чудо яблоки!» Похватали яблоки - пригодятся! Выкатились на улицу. И Егор с ними, на ходу, шепнув матери: «Спасибо!».

Ничего не укроешь от матери. Заметила слезу в правом глазу сына. Стылая, звонкая слеза. Эта слеза многого стоит.

Горда мать, за сына горда, за этих ребят горда. Ведь поняли: не в бедности дело. Бедность проходит, человек остаётся. Ведь позвонили, пришли. Знать, не последний человек её сын, знать, чего-то стоит. Гордость в душе матери, радость в душе матери. За всех детей радость, за всех, кто умеет дружбу ценить. Дружба – самое лучшее и самое цельное слово на Земле.

А вот и муж рядом. И у него в глазах слёзы, полные глаза слёз, чтоб не обидно было ей, ведь они заодно.

- Как ты сегодня хороша! Как ты у меня хороша, родная! Как же ты у нас хороша! - И пусть завтра у них не будет еды, всё пусть, но они выстояли этот день, они подарили его сыну. Этот день дорогого стоит.

Утром Максима вызвал начальник.

- Я хочу предложить вам небольшой аванс, нет, даже не в счёт будущей зарплаты, в счёт залога нашей дружбы. Вы мне по душе, вы столько знаете. Когда-нибудь я вам предложу сотрудничество, пока же хочу предложить отметить нашу работу походом в ресторан, и обязательно с жёнами.

Вот оно. Вот оно, счастье. Будь человеком, умей видеть других, и оно пребудет с тобой. Только будь человеком...

Тюменская область, Нефтеюганский район, п. Салым

Любовь СОШНИКОВА/Любовь БАЖЕНОВА

КАК САНЬКА ПОШЁЛ В ШКОЛУ

отрывок из повести

На улице Вишнёвой, что на высоком берегу реки Сердечной, жил маленький, но очень подвижный мальчуган Санька. Как все мальчишки гонял мяч, бегал по улицам, купался в реке, и не было в его жизни ничего выдающего. Но вот сегодня он пошёл в первый класс. Правда, с опозданием на три дня. Загорелый, в новом костюме, почти с пустым рюкзаком за плечами, он впервые и со страхом переступил школьный порог.

В просторных коридорах толпились мальчишки и девчонки, большие и маленькие. Было шумно и весело, а наш первоклассник очень волновался. Прозвенел звонок, и все разбежались по классам. Санька с мамой и папой, наконец, нашли кабинет, в котором должен был учиться первый «А».

Прозвенел ещё один звонок, и начался первый урок письма. Класс был таким же большим, как группа в детском саду. Только вместо игрушек в шкафах стояли книги, а на стенах висели разные плакаты, на которых были нарисованы школьники. Сидел Санька один за последней партой, и всех ему было видно.

Перед ним сидели две девчонки: у одной длинная коса. Так и хотелось за неё дёрнуть. Но девочка вдруг повернулась и сердито посмотрела на мальчика, как будто услышала его мысли. У второй девчушки маленький рыжий хвостик торчал из-под огромного банта. За третьей партой у окна мальчишка грыз яблоко. Кто-то рылся в своём рюкзаке, многие разговаривали, пока учительница Нина Ивановна раздавала прописи. Но учительница хлопнула в ладоши, и в классе наступила тишина. Начали с гимнастики для пальчиков: они здоровались и кланялись друг другу, словно китайцы. Было весело, потому что пальчики были непослушными и никак не хотели сгибаться одновременно.

Потом долго укладывали открытую тетрадку и учились держать ручку. Санька забыл, где правая рука, взял ручку в левую. Ручка никак не слушалась, падала на стол и не хотела писать палочки. Он вдруг вспомнил, что правая это та рука, в которой держат ложку, и всё стало получаться.

- Кап, кап, кап... - повторяла учительница и рисовала коротенькие палочки на доске.

- Кап, кап, кап, - вторил ей весь класс.

Санька так старался, что высунул язычок изо рта.

До конца строчки дописать было непросто, пальчики устали, и палочки стали кривыми и вылезли за линию. На второй строчке палочки были длинные.

Нина Ивановна уже не спешила.

- Ка-а-ап, - говорила она, и длинная палочка появлялась на доске.

- Ка-а-ап, - повторял Санька, и кривая длинная палочка появлялась в его тетради.

Ему быстро надоело писать, он закрыл тетрадь и лёг на парту: почему-то устала спина, и так захотелось к маме. «Вот закончится урок, -

думал он, - и побегу домой. Мама поможет. У неё все палочки будут как на параде».

Тут зачем-то все встали: стали приседать, прыгать, кружиться. Опять стало весело, и он забыл, что хотел домой. А когда сели, снова открыли тетрадки и стали рисовать дождинки, которые падали с неба и отскакивали от асфальта.

- Ра-аз-ии, - звенел голос учительницы. И снова все головы склонились над прописями.

Эти дождинки были совсем кривые, соскакивали со строчки, и Санька сердито пыхтел и сопел. Он даже подскочил на месте, когда прозвенел звонок.

- Мойте руки, ребята, - приказала Нина Ивановна, и около умывальника выстроилась очередь.

Пока он соображал, зачем надо мыть руки, в очередь встали все.

- Мы идём на завтрак, Саша, - ответила учительница на его вопросительный взгляд. И тут же похвалила его. – Посмотрите, какой Саша воспитанный, он всех девочек пропустил вперёд.

Про дом теперь он вовсе забыл, и весело вместе со всеми зашагал в столовую. За руку ему пришлось взять девочку с косой, потому что Нина Ивановна вела маленькую с хвостиком.

В столовой давали картофельное пюре с сарделькой и компот. Это была его любимая еда. Тарелка быстро опустела. И снова его похвалила Нина Ивановна за чистую тарелку, потому что у многих порции были не тронуты.

Потом была математика. Было интересно хлопать в ладоши, считать весёлые примеры и задачки, рисовать кружочки и квадратики.

Снова зазвенел звонок с урока, и был объявлен урок рисования. Все достали краски и альбомы, стаканчики-непроливайки для воды, а у Саньки были только цветные карандаши.

- Нарисуйте, как вы отдыхали летом, – улыбнулась учительница. И все принялись за дело. Саньке она дала альбомный лист и разрешила рисовать карандашами.

На листе появилось море, а на нём кораблик с белоснежными парусами. На мостике корабля стоял капитан. Это был Санька. Рисовал наш первоклассник неважно, но он был очень доволен своим рисунком.

Так прошёл первый учебный день. Очень довольный и немного уставший Санька торопился к выходу. А тут и мама появилась на дорожке.

Они шагали по аллее, и Санька рассказывал про палочки, про сардельки с пюре, про весёлые задачки, прыжки и зарядку для пальчиков. Мама слушала и радостно улыбалась.

Свой рисунок он повесил над кроватью и глубоко вздохнул: когда он теперь ещё увидит море?

А вечером ещё раз рассказывал о школе папе, потом бабушке по телефону, деду.

Спал Санька крепко, и снились ему море и кораблик с белыми парусами.

Тюмень, 2021

Александра МАЗКОВА/Аля АРХАНГЕЛЬСКАЯ

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

рассказ

Дина Борисовна – учитель старших классов по литературе в городе... впрочем, так ли уж это важно, в каком именно городе, главное, что это в провинции.

Почему она не осталась в аспирантуре, ведь её приглашали?

Но её интересовало экспериментаторство в деле совершенствования в области... нет-нет, не только совершенствования знаний по литературе, высшей целью для неё было развитие личности. Она трезво оценивала перспективу экспериментаторства в образовании. В России образование всегда было зашорено доктриной единой методики, и какую бы её не внедрили, но уж если внедрили – это лет на пятьдесят.

Почему же Дина пошла в эту сферу? А вот такая она была – из чувства противоречия. Не только она, Дина, замаялась с учителями в школе, но и учителя с нею.

Ну, например. Софья Анатольевна, их учительница по географии и биологии, носила всегда обтягивающую белую блузку и юбку. Зрелище было ужасным. Как можно ей самой не замечать свои истинные формы в сорок пять лет, реально выглядевшие как часто перевязанная колбаса?

И Дина ей сказала про это. Нет, не в классе, коридоре или дворе, а в походе по окрестностям. Софья Анатольевна надела свободную клетчатую рубашку на выпуск, свободные светлые бриджи. Она выглядела отлично. Дина, жалея её, между прочим, сказала учительнице, когда они остались с глазу на глаз, что свободная одежда хорошо скрадывает недостатки фигуры.

Софья Анатольевна долго и без всякого выражения смотрела на Дину. В дальнейшем Дина поняла, что та оскорбилась, так как больше не смотрела Дине в глаза до конца учебы.

Хотя ту белую блузку учительница больше не носила. Носила платье с жилетом. Кстати, платье шло к её глазам, а полуприлегающий жилет даже стройнил.

Дина понимала, что она жёстким методом хирурга успешно провела операцию по ликвидации эстетической безграмотности учительницы. После операции людям ещё долго бывает больно, но они благодарят хирурга. А Дина получила за свою нетактичную

правду молчаливую неприязнь. Дина считала, что она права, а учительница должна быть умнее. Да она вообще должна быть эталоном вкуса! И так было во всех случаях проявления её максималистской правды.

Софья Анатольевна хорошо знала предмет, но в классе вела себя как все учителя. Она психовала, ввязывалась в непродуктивные дискуссии, в этом отношении она была предсказуема. А пытливые, скучающие и экспрессивные ученики старших классов вели с учителями свою жестокую развлекательную войнушку, как в компьютере. Они создавали провокационные ситуации на потеху ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Они неосознанно мстили за ложь, несправедливость и несоответствие существующей действительности официальным мажорным прожектам всем представителям старшего поколения, будь то учитель, родитель или просто прохожий. Они – активное интернетсообщество, не считают нужным сдерживать себя в этом отношении. Это иногда шокирует школу, родителей, страну, мир...

Мать Дины узнавала о неординарных событиях в школе не от дочери (дождешься!), а на родительских собраниях. Потом целую неделю проверяла её домашние задания, хотя Дина давно уже самостоятельно их всегда выполняла.

А вот почему родители развелись, она никак не могла взять в толк. Отец говорил, что мать хорошая. Мама тоже ничего плохого не говорила про отца. Все такие хорошие, а разошлись. Она не знала, что у взрослых жизнь такая каша, что хлебать её - не расхлебать. Ей - то было обидно за себя.

Мама, мама! Сидит сейчас у телека, вяжет что-нибудь, не салфетки так коврики...

Дина Борисовна пришла в школу рано в ожидании первого в своей жизни самостоятельного урока.

Она подумала об одежде. Сейчас она в фирменном шоколадном платье с белой отделкой. Этот цвет был модным, шёл к её зелёным глазам и пшеничным волосам с короткой стрижкой. Она выглядела живо и привлекательно.

В учительской царила суматоха, как обычно в начале учебного года.

Завуч только и успела кинуть ей перед выходом:

- Мужайся!

Дина Борисовна зашла в класс.

Кто-то протяжно присвистнул. Кто-то застучал ладонями о стол, негромко, но непрерывно, что звучало как наступательный

призыв. Девицы на заднем сидении не умолкали о своем, девичьем. Одна фотографировала учительницу на мобильник. На учительский стол спланировал бумажный самолетик.

- Здравствуйте. Меня зовут Дина Борисовна. Русский, литература. К тому же ваш классный руководитель.

- Моисеев – не Ваш папа?

- Принимается в качестве юмора. А не попадают ли мои реквизиты в ещё какую-либо парадоксальную область в вашем мировоззрении?

Класс затих.

Эта пепиньерка выпадала из общего ряда. Говорила вроде понятно, но не терялась, и этот метод мозговой атаки (конек Дины) захватывал, но в таком русле их речистость требовала осмысления, а это заставляло думать, чтобы не опарафиниться – полезешь за умным словом в карман, а там не изобилие...

Дина Борисовна умело воспользовалась паузой:

- Может быть, кто-то и мне представится?

- Альберт. Каратист, - холодный взгляд прямо в глаза.

- Хорошая заявка на авторитет.

Авторитет оценил сметливость училки.

- Артём, - а это, судя по фирменной одежде и самоуверенности, сын влиятельных родителей.

- Виктория, - красивая девушка сидит с Артёмом, вероятно, его подруга.

Остальные предпочли отмолчаться. Дина Борисовна не настаивала. Лидеры определились. Молодцы! Активная позиция.

- Ваше молчание красноречиво закрывает вопрос первого знакомства.

Нестандартность знакомства классу понравилась. Классу не нравилось, когда перед ним сюсюкали или на него орали. Себя он объективно не оценивал, максималистски считал это ниже своего достоинства.

Ведь, что такое – класс?

Это единый организм. Устойчивая группа людей, объединённых похожими обязанностями. Но в силу характера или сложившихся обстоятельств каждый выбрал свою роль.

В каждом классе есть свой авторитет, свой клоун, своя красотка, группы их поддержки, есть свое болото, свой нигилист, своя потерянная овечка, свой сын (своя дочь) влиятельных родителей, свой хулиган. И это все соперничает, место под солнцем отвоевывается всеми доступными способами. Сложное

сообщество! Не коллектив, нет. Коллективом, да ещё позитивным, в котором каждый имеет право пестрить, но не за чужой счет, класс сделать Дина Борисовна ставила своей начальной задачей. Это шло вразрез с пофигистской доктриной образования, к которой либералы подвели страну в надежде перелопатить историю, избегнув воспитания продолжающими работать учителями с советской закваской. Но мы знаем, как Дина относилась к советским учителям, которые учили конкретно её. Ее проект сложился уж конечно в независимости от них, скорее вопреки.

Класс очнулся:

- А что мы сейчас проходить будем?

- Ценю вашу тягу к знаниям. Послезавтра литература. Вспомните о поэтах первой половины двадцатого века. А завтра русский. Самый сложный язык в мире. Если кто-то отстает – я пойму. Но мы все имеем шанс овладеть этой неприступной крепостью.

Напряжение в день Знаний удалось нейтрализовать на первом уроке!

Дина Борисовна, как неплохой психолог (любила этот предмет в университете), поняла расклад сил в классе и душой приняла класс. Дальше будет колоссальный труд. Дина ориентировалась именно на класс, а не на отдельных учеников персонально. Человека в наше время делает среда, хочется это кому-либо признавать или нет. Индивидуализма в этом агрессивном мире хоть отбавляй, а вот искренней позитивной дружелюбной среды практически нет.

В своём дневнике она, конечно, осмысливала персоны класса, но в живой работе не персонифицировала никого. И это воспринималось нормально. Это раскрепощало самовыражение! Как она будет ставить оценки? Но уж точно не отрицательные. Откорректируется этот процесс сам собой. Не в этом суть! Разбудить интерес к первоисточнику – вот достойная цель! И пресловутая препона развитию личности - ЕГЭ - не страшна.

На уроке литературы класс был весь в сборе.

Класс – живой организм. Вектор движения его мыслей задает не только учитель. Здесь соперничество с самим классом, и в этом соперничестве мудрее всего дать классу себя проявить и ему же дать право выйти при её помощи на необходимый уровень постижения знаний, как водится, с индивидуальным восприятием. Класс не должен принимать установку, он должен мыслить.

- Так какие поэты первой половины двадцатого века вам известны?

- Пушкин, - хихикнул кто-то.

- Ну, Пушкин отдувается за всех во все времена.

- А он народ черню обзывал. Недемократично это.

- Откуда познания?

- Современную критику читал.

- Похвально. Кто автор?

- Не помню. Немецкая фамилия.

- Значит, вот как я смотрю на это. Читать можно немецких, американских и иных критиков. И вообще, слушать и читать совершенно противоположные мнения. Это очень подстегивает мысленный процесс. Выводы приходится делать самому. Только я бы советовала не забывать, где ты живёшь, знать самому как можно больше о своей стране, её культуре, её истории, менталитете и самому, прежде всего, состояться россиянином, гражданином своей страны.

Вот, Пушкин был народным поэтом. Да, он дворянин, но его воспитывала простая крестьянка Арина Родионовна. Он пропитан с детства духом русского народа. Он сам не идеальный причесанный кумир, нет, он и о себе писал: «Ай, да Сашка! Ай, да сукин сын!». Это не от самоуничтожения, а от избытка вдохновения. И если он высказался про «чернь», то, во-первых, в то время просто принято было так называть людей, подчеркивая их невежество, то, бишь, необразованность. Вы ведь знаете, что, например, выдающегося учёного называют светочем науки. А чернь – это как раз про людей, пребывающих в темноте. Тем не менее, мы с вами знаем выходцев из разных весьма бедных слоёв общества, которые проявляли недюжинную тягу к самообразованию и достигали многого: Кулибин, Горький, Шевченко. И, наоборот, Гоголь в «Мертвых душах» и «Ревизоре», а также Мамин-Сибиряк в своих произведениях, Крылов в своих баснях показали такое невежество, такую заскорузлость душ и преступные намерения и действия в разных сословиях, стоящих над народом, что и их по большому счету можно отнести к так называемой черни. Во-вторых, ну, давайте, крепкого на словцо в иных нелитературных вещах и письмах поэта с истинно русским менталитетом не будем судить как ханжи и снобы. Он просто наш, он свой. А как умен и красноречив, как возвышенно влюблен может быть поэт Александр Сергеевич Пушкин! И как понятен и доступен каждому его язык! Это – признак великого таланта, народности его

творчества. Итак, Пушкин – это наше все. Но кто-то вспомнит поэтов начала двадцатого века?

- Есенин, Маяковский.

- Михалков! Гимн написал.

- Ещё!

- Цветаева, Пастернак, Мандельштам...

- Ахматову знаете? – в классе заминка. - А тех, что назвали, читали?

- Ну, то, что было по школьной программе...

- Прекрасно! Значит, они самые-самые. И слух о них идет по всей Руси великой, и как-то где-то этого вы все-таки касались. Все нормально. Ну, а мое дело помочь вам познакомиться с ними поближе. Каждый из них – талант с большой буквы. У каждого свои убеждения, своя тема. Чтобы оценить их несомненный талант, надо их понять, иметь представление о том времени, о конкретной судьбе. К следующему занятию найдите и прочитайте заинтересовавшую вас вещь Маяковского. Выскажите по этому поводу. Я ничего не хочу предварять. Мне интересна ваша трактовка. До встречи!

Именно так предпочитала Дина Борисовна знакомить учеников с литературой. Незамысленный взгляд, незашоренное тенденциозно конъюнктурно литературным анализом восприятие, свежий азартный ум – для него писался первоисточник.

Ибо не литературоведение делает литературу, а литература порождает литературоведение. Дину всегда напрягало, когда иные словоблуды, называющие себя критиками, ставили свои аналитические изыски выше произведения, которое есть собственно творчество и художественность. А критика – это околотворческая пристройка, которая иногда входит в такой раж, что пытается собой представлять главный фасад. Так, под клеймом соцзаказа опошлили исторические произведения Фадеева «Молодая гвардия» и «Разгром», но возвысили «Котлован» Платонова и «Один день Ивана Денисовича» Солженицина. Если это литература, то Фадеев – тем более литература. Произведения литературы не имеют печати исторической правды, но в каждом из них заложена идея, во имя которой они создаются. Только время выдаст промежуточные (хотя бы вековые) итоги борьбы разных мировоззрений, рассудит, чья идея была перспективней и целесообразней.

Но конъюнктура – еще тот аспид! Это враг исторической правды. Нельзя с историей страны играть как с мячиком. Даже

если мяч загнать в крапиву, чтоб его предпочитали не доставать, но ведь, пройдет время, и он откроется взорам всех!

На уроках литературы Дина Борисовна предполагала и впредь вести тему в форме дискуссии. Для знаний прочно-железобетонных – это ещё вопрос. Но для развития души в ситуации, когда интернет и телевидение оттеснили книгу на самые дальние задворки, а из вышеупомянутых источников невозможно самому юному поколению составить представление о произведении, его героях, авторе – это выход.

Когда Дина впервые читала «Анну Каренину», то видела героиню романа на балу в тёмно-фиолетовом бархатном платье, представляя себе её внешность такой, как у Ольги Кабо. Порядочная, трепетная, она узнала любовь и поняла, что любви нет места в жизни, но есть условности, которые сковывают жизнь, которые созданы подавляющим большинством нелюбящих людей, стремящихся подавить живое чувство. И теперь, после нескольких экранизаций, она была в шоке, что образ Анны не срастался с образами, которые явились на экране. Мир Анны должен быть тоньше! Кино для тех, кто не читал и не прочитает первоисточник. А литература всегда глубже кино. Но ведь Дина без принуждения читала книгу сама. А у этих детей не развита потребность добывать самим духовную пищу. Им назойливо подсовывают что-то кем-то пережеванное, чаще всего с нездоровой слюной. И после этого они заражаются вирусом, искажающим мир как в кривом зеркале.

И её миссия помочь этому поколению идентифицировать себя. Только знакомство с первоисточниками (а для этого надо заинтересовать, побудить к этому), а также ведение личного дневника, по возможности, развивают душу и независимое мышление.

Итак, следующий урок начался.

- Ну, кто-то нашел Маяковского, что-то о нем?
- Он же про Ленина писал. Это тухло.
- А еще у него был сифилис горла, поэтому он покончил с собой.
- У него замужняя любовница была.
- По интернету прошлись? Ожидала. Первый шаг сделан, по крайней мере. Да! Он писал про Ленина. Кто такой Ленин?
- Это террорист, самый главный.
- Ну да?! Круче Бен Ладена?
- В интернете посмотри.

- Он переворот организовал, когда царя скинули.
- Какого именно?
- Ну, тот, который тогда правил.
- Что известно об этом царе, о той атмосфере в России?
- Про Маяковского же задавали!

- Всё верно. Но ведь Владимир Владимирович Маяковский творил в начале двадцатого века. Что это за человек? Какие у него были убеждения? Какова судьба? Допустим, вы обратили внимание на поэму «Ленин».

Дина Борисовна выборочно прочитала несколько характерных мест из поэмы. «Он в черепе сотней губерний ворочал, людей носил миллиардов полутора, он взвешивал мир в течение ночи»; «сюда с того конца коридорища бочком пошел незаметный Ленин»; «когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях – ярчайший где, я вспоминаю одно и то же – двадцать пятое, первый день».

- Мощная ёмкая поэма. Что скажете?
- Так это же рэп!

- По форме – да, напоминает. В то время это было неслыханное новаторство. Традиционная поэзия выражала себя через ямб, хорей, амфибрахий и прочие апробированные рифмы. А тут так называемая лесенка. Уже это противопоставляло Маяковского остальной поэзии, отстраняло его от других служителей муз. Поэтому свои стихи он всегда читал сам. Кроме того, для Маяковского характерна сложная рифма, насыщенная до предела смыслом. Его новаторский стиль и реалистичный способ выражение мысли заклеямили грубостью. Поэтому он в литературе стоит особняком. Удалось вам определить главную музу поэта?

- Тут про любовь ничего нет.
- А о чем он тут вообще пишет?
- А что такое муза?
- Муза – источник вдохновения поэта.
- Ленин, что ли?

- Так. Давайте определимся с Лениным. Это его партийный псевдоним. Настоящее имя Ульянов Владимир Ильич. Родился в семье инспектора народных училищ. Учился в Казанском университете на юриста. Увлёкся идеей революции. Ленин был образованным политологом-аналитиком, публицистом, и оказался талантливым организатором. Не он конкретно свергал последнего царя Николая Второго.

- А кто?!

- В то время среди слоев передового дворянства и зарождающейся буржуазии сложилось сообщество единомышленников по главной идее: свергнуть самодержавие. Впоследствии же их мнения резко расходились по теме дальнейшего обустройства России.

Народ был утомлен первой мировой войной, страна истерзана раздорами. Вышла буржуазная революция, свергнувшая самодержавие. Если бы Николай Второй сам не сложил с себя полномочия, то вышел бы переворот.

- Тогда причём здесь Ленин?

- Ленин находился в эмиграции, общался нелегально с единомышленниками в России и за рубежом. Странник социализма, он стремился в своих посланиях убедить народ России в том, что необходимо власть, землю, заводы и фабрики отдать в общую народную собственность, чтобы результатами общего труда пользовались все в равной степени.

- Так это все фантазии!

- Тем не менее, Ленин и его партия воспользовались слабостью и растерянностью новой буржуазной власти перед натиском немецкой армии. Они при поддержке народа свергли эту новую власть и установили свою.

Ленин стал главой первого в мире социалистического государства со всеми его недостатками и достижениями. Установилась диктатура пролетариата.

- Диктатура – это плохо.

- Любая диктатура – насилие в интересах той или иной части населения. Здесь же диктатура бедных слоев. Понятно, чем это сопровождалось: у богатых отбирали всё и распределяли бедным землю, продовольствие голодающим. Казалось бы справедливо? Но сколько трагедий в связи с этим переделом собственности, с этим переустройством общества! Эти трагедии породили сопротивление, непощение и мщение.

- Значит, это неправильно?

- Многие из бывших богатых собственников выехали за рубеж. Там они, высокообразованные, глубоко оскорбленные люди, много сделали для того, чтобы об их жестоких обидах узнал весь мир в самых ярких красках.

Нищие безграмотные слои населения, установившие свою власть, никоим образом в те времена сами не могли на уровне публицистики выразить свои скорби вековые. Они вызывали презрение и ненависть у господствующих и средних слоев

населения стран капиталистических, окружающих страну-высочку, страну-врага. Никто из них не мог представить такого порядка в своей стране.

- Там демократия.

- Передовые люди этих стран заимствовали у римлян идею демократии. Демократию они представляли как свободу слова, свободу выбора, равные права. Демократия все это обеспечивала римлянам, но не рабам. В Риме демократия сочеталась с рабовладением. Рабство в буквальном смысле со временем отменили. Но есть рабство другого плана, когда нищий не может поступить в высшее учебное заведение или даже просто обучиться любой профессии, не может позволить себе дорогостоящее лечение, здоровую пищу, качественное жильё. С ним не заключают трудовой договор, а если заключают, то в единственном экземпляре и забирают себе, чтобы нищий имел перед ними только обязанности и никаких прав. Демократия, хотя буквально переводится как власть народа, на самом деле нигде в мире никогда не была осуществлена. В сущности, это такая же утопия, как и мировая революция.

- У нас что – история?

- Ну, а Ленин-то что?

- Ленин. В современной энциклопедии написано, что Ленин – руководитель первого социалистического государства. Я только чуть подробнее пояснила.

- Так он террорист или нет?

- Что вы все-таки понимаете под словом террор?

- Убивают ни в чем не повинных мирных граждан.

- Верно. Ленин давал приказ расстреливать, это однозначно. Но не мирных граждан, а военных противников в гражданскую войну, организаторов мятежей среди казаков, кулаков и крестьян, с оружием пытавшихся уничтожить новый порядок. Их было намного меньше, чем тех, кто этот порядок хотел сохранить – это решило тогда всё дело.

- Но все равно многие погибли.

- Да, погибло много людей в первую мировую войну, перешедшую в революцию, перешедшую в гражданскую войну. Затем были локальные мятежи, и там гибли люди. Кстати, достаточно было насилия и с противоположной стороны, кровавых расправ над активистами новой власти Советов. К тому же, на полях гражданской войны орудовало столько формирований под началом анархистов, ярых террористов-эсеров.

Даже в командовании Красной армии, куда перешли добровольно и были приняты представители разных движений и некоторые опытные военные специалисты из царской армии, сказывались противоречия. Но история действительно именно на главу государства взваливает бремя ответственности за все, что происходит во время его правления.

- И сейчас?

- А вы как думаете?

- Вот Вы так говорите, а есть другие мнения обо всем этом, - а это Артем, сын из состоятельной семьи.

- Я не призываю вас проглатывать что-либо готовое. Ищите самые разные источники, обдумывайте и анализируйте их, формируйте сами свои взгляды. В истории еще столько белых пятен! Может быть, именно вы приблизитесь к истине. Столько в ходе нашей перестройки было расхищено подлинных документов, столько еще содержится в секретности, столько за них выдается фальшивок. Вот, к примеру, и версия о сифилисе поэта не подтверждена экспертами. А также, что он застрелился из-за Лили Брик. В последнее время у него были отношения с некой Полонской, которая не приняла его предложение руки и сердца.

Звонок прервал экскурс в историю.

Третий урок Дина Борисовна также посвятила незаконченной теме.

- Познакомились ближе с творчеством Маяковского?

- Неинтересно!

- Круто!

- Непонятно!

- Это нормально. Вопросы?

- А у нас с ним разные взгляды.

- Это естественно. Между вами столетие. Двадцатый век! Ох, непростой, занозистый век, и к тому же у многих на памяти. Страна ждала перемен, она всеми фибрами прониклась революционной стихией. Столкнулись разные миры. Ведь каждый человек – это целый мир! Эта стихия захватила Маяковского, он принял революцию такой, какой ее видел и знал. Об этом красноречиво сказано в его поэме «Хорошо»: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Маяковский вместе со страной пережил все трудности. «Землю, с которой вместе мёрз, вовек разлюбить нельзя». «Землю, с которой вдвоём голодал, нельзя никогда забыть». «Землю, которую завоевал и полуживую вынянчил, где с пулей встань, с винтовкой ложись, где каплей

льешься с массаами, - с такую землей пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть!». И в мирное время он верил в будущее своей страны: «Я с теми, кто вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден. Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет!» Патриотизм поэта ярко выражен в стихотворении о паспорте: «Я волком бы выгрыз бюрократизм. К мандатам почтения нету. К любым чертям с матерями катись любая бумажка, но эту... Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза».

- Здорово! - авторитет.

- И так, что за поэт Маяковский?

- Он романтик!

- Он утопист.

- Он заблуждался.

- Хорошо. Три точки зрения. Вполне современный расклад. Но вы прочитали не все. Стихи его прочтите. Вы узнаете глубже Маяковского, умного, любящего. Какие возникнут мнения, ассоциации – обсудим. Идет?

- Вообще, классно!

- Наше мнение на уроках никто не спрашивал.

Уф! Первый блин комом. Дина Борисовна не зря взяла наиболее сложную фигуру для современности. Брать быка за рога – это в ее стиле.

План учебных занятий по литературе срывался. Еще завуч с директором не вникли. Когда-то у руководства дойдут руки до давно известного передового метода проектов, неохотно внедряемого в устоявшихся коллективах. А он нацелен на развитие пытливей творческой мысли у учеников, умение обосновывать свое мнение, убеждать и доказывать состоятельность своего труда в условиях конкуренции. Как всегда, особенно в провинции, в школах всяческим рискованным будоражающим нововведениям предпочитают колею рутинно накатанную. Но отважность экспериментаторши была осмысленной. Риски реально оценены. Борьба предстояла уже не на уровне школы и даже района. Придется продвигать свое дело в научном плане. Материала за год наберется для начала.

Но Дину Борисовну заело, как тяжело приблизить учеников к первоисточнику. Выработать самостоятельность мышления со знанием дела – одна из главнейших задач демократии вообще в самом лучшем ее понимании. И она шла к этой цели как танк по

болотистой местности, то утопая, то всплывая. Надежное основание рано или поздно будет! Танки грязи не боятся! Идем дальше.

- Так я убедила вас еще читать Маяковского?

- Пойдет!

- Респект певцу революции!

- А мне Рубцов нравится.

- Прекрасно! Но о нем в другом разделе.

- А Маяковский тревожный, неустроенный какой-то... - это ученица, доселе ни разу не подавшая голоса.

- Он – борец. Это – вихрь, знамя революции. Энергичный, волевой, громогласный, дерзновенный, устремленный в будущее! Придет время, и ты проявишь свою устремленность к мечте, энергичность, самые лучшие качества человека в молодости.

- Да, крутой перец! – это родил Альберт. Как важно привлечь на свою сторону такую авторитетную персону!

И вот последний урок, посвященный Маяковскому.

- Ну, что нового узнали о поэте революции?

- Про личную жизнь.

- Эта Лиля Брик ему голову морочила.

- Короче, взял бы да отбил эту Лилию у мужа, а если не согласна, то другую найти, а он зациклился...

- Когда прочтете больше стихов Маяковского, вы поймете, что Лиля Брик была не единственной его привязанностью за всю жизнь. Семейство Брик – его друзья. В какой-то момент у них с Лилей возникли чувства, но Лиля была сторонницей свободной любви. В некоторых кругах эти веяния были в то время распространены в духе европейской моды на эмансипацию. Маяковский сопротивлялся своему чувству. Он писал по зову сердца. А любовь не спрашивает, когда ей прийти и в чьем облике. Это тоже стихия.

- А он посвятил ей стихотворение «Лиличка».

- Читали?

- Я читала, – опять овечка. Пожалуй, она выходит из своего ампула. Какой прогресс!

- Очень сложное и противоречивое чувство у него к Лиле Брик. Это отразилось в стихотворении «Облако в штанах». Осмыслить его довольно сложно. Эту целину придется распашать тем, кто будет делать проект по творчеству Маяковского.

Ребята призадумались.

- Но его главное предназначение – поэт-трибун. Он всегда в гуще людей, выступает в клубах, на площадях, громогласно, моментально, остроумно и исчерпывающе парируя своим оппонентам. Он стоял как монумент, уверенный в своей идее, непоколебимой опорой революции. Это и есть его настоящая муза.

- А Вы, Дина Борисовна, любите поэта Маяковского?

- Я – да! Вы поищите и найдете много романтических, сатирических, протестных стихов. Это замечательный, интересный, особенный поэт, большой поэт, противоречивый в жизни и цельный в творчестве. И много нового сами поведаете нам. Не знать, не понять его – обокрасть себя. Кто-то будет делать проект по Маяковскому?

Подняли руки семь человек. Возможно, кто-то под минутным влиянием. Но, пожалуй, хотя бы в трех из них непременно сдвинется процесс развития души! Дине хотелось в это верить. А как же в творчестве без веры! И потом, творчество – это такая воронка, стоит только попробовать, она затянет. И уже неважно, в какой профессии кому судьба даст возможность состояться. Дина намерена держать этот бастион перед наступающим тотальным вымыванием душ до конца. Она будет противостоять принятой кем-то вместо России примитивной (предназначенной для так называемых третьих стран) установке образования! Еще лет пятнадцать, и она изживет себя...

- Интернет – хороший помощник, источник кем-то переработанной информации, но это не то. Книга не виртуальна, она реальна, она написана для живых людей, в ней пульсирует живая мысль, ее место не на застоявшихся пыльных забытых полках, а в ваших руках. Подержите книгу в руках, перечитайте непонятные или понравившиеся строки, почувствуйте вес книги. Пусть она лежит рядом во время работы над проектом, и тогда работа эта принесет вам творческое удовлетворение, вы станете сотворцами, мыслителями, а не роботами, умеющими лишь считывать информацию. Это работа, я не оговорилась, но не рутинная, а творческая. Чем больше вы привнесёте своих размышлений по теме, тем выше будет оценен проект. Так я вас записываю на этот проект? Желаю успеха! К следующему уроку почитайте Цветаеву. До свидания, класс!

- До свидания, Дина Борисовна!

Всё будет продвигаться поступательно. Не стоит ожидать прорыва. Но тем основательней и надёжней будет результат.

Тюмень

Вадим КУЗНЕЦОВ

РОДЫ

рассказ

*И благословил их Бог, и сказал им Бог:
плодитесь и размножайтесь...*

Библия, Бытие, глава 1, стих 28

Семидесятые годы XX века. Учёба в медицинском институте была для меня неоднозначным явлением. С одной стороны, всю свою энергию я посвятил главной цели: стать микробиологом, чтобы заняться вирусной теорией рака. С другого бока, был пытливым студентом и стремился попробовать всё, что подсовывает очень специфичная учёба и медицинская практика.

Наша студенческая группа была довольно оригинальной. Все мы были изгоями. Первые два курса студенты учатся в больших группах, за двадцать человек, а на третьем – делятся пополам. И при этой дележке группа товарищей втихушку сформировала себе компанию, застолбила её в деканате, а остальные – на выброс, пусть что хотят, то и делают. Выброс – это мы – получился любопытным. В нашей новой группе оказалось четыре мажора – детки важных персон, в том числе Юля, дочь бывшего проректора мединститута, профессора, харизматической личности; Валера, сын директора гастронома «под часами» (знаковый магазин на Красном проспекте Новосибирска, почти как «Елисейский» в Москве); ещё Лена с Борей, тоже «детки». Плюс две бывалые подружки, окончившие медучилище и хлебнувшие немного реальной медицины, – Нина с Любой. Всё отмеченное кубло отличало одно: они не учились, а получали диплом. Учился реально в группе я и ещё одна девочка по прозвищу Леночка. Уже на самой оконечности учёбы выяснилось, что своим ходом из нашего «выброса» в институт поступил только я один, остальным «помогали», то есть приняли их, как тогда говорили, «по благу».

Настоящая медицина начинается в институте с третьего курса. Первые два – изнурительные «базовые» учения: анатомия, гистология, одних химий штук пять. Всё это обильно приправлено предметами коммунистической идеологии. На третьем курсе появляются настоящие клинические ласточки: пропедевтика

внутренних болезней и общая хирургия. Тут тебя учат, как разговаривать с пациентом, как его осматривать, выстукивать, ощупывать, выслушивать с помощью фонендоскопа, делать уколы, перевязки – в общем, базовым медицинским умениям. Окраска учёбы сразу меняется. На сцене после достаточно абстрактных наук появляется главный объект священнодействия – человек, то есть пациент. И здесь нередко уже становится ясным: годится студент в профессию или нет.

Учёба переместилась из аудиторий на клинические базы, в многопрофильные больницы. Пропедевтику (введение в терапию) и общую хирургию преподают нам два доцента, два профессионала. Особенно колоритен Павел Петрович – хирург. Студенты его боятся: жёсткий, требовательный, – но, как потом выяснилось, мудрый. Про него ходят легенды. Одну из них рассказывает как раз доцент, преподающая азы терапии, объясняя важность соблюдения процедуры обследования больного. По классической схеме после разговора: «Что вас беспокоит? (и так далее)» – следует стадия осмотра пациента. И вот в приёмный покой крупной больницы поступает бабушка восьмидесяти пяти лет. Вроде съела чего-то не то, но, похоже, собралась умирать. Терапевты и хирурги выются, помощь оказывают, а лучше не становится. Наконец зовут Павла Петровича. «Что сделал сразу Павел Петрович?» – спрашивает учительница. Мы в растерянности. Не знаем, что предложить. «Он снял с неё трусы!» Во, отлично! Павел Петрович – сексуальный маньяк и геронтофил. Решил насладиться прелестями восьмидесятипятилетней старухи... Конечно нет. Ещё Конфуций обозначил особую важность соблюдения ритуала. Трусы с бабули сняли – обнаружилась ущемлённая паховая грыжа. Женщину прооперировали. Пожила ещё, красотка...

Встречает как-то Павел Петрович нашу группу в начале занятия на лестничной площадке. Дожидаемся опаздывающих. Просит на стенки не опираться. Начинается действие. Идём в обход. Пациенты, осмотры, перевязки. Пресекает малейшее желание кого-нибудь из нас присесть или на что-нибудь опереться. И так проходит без перерыва четыре часа. Валимся с ног. Это что за попытка? Наконец собирает группу снова на лестнице. Мы – никакие. Прислониться бы где-нибудь да хоть глоток водички испить. Слышим: «Ну. Как вам рабочий день хирурга? Это мы ещё с вами не оперировали...» Вот же, подлый, устроил дрессировку. Но запомнилось на всю жизнь... Галстук в докторской униформе ношу

каждый день, начиная с третьего курса. Так научил Павел Петрович...

Перкуссия – выстукивание. Редко это применяется сейчас в реальной медицине. Анализы и обследования на всякой сложной технике – такова сегодня основа диагноза. И сам я апологет применения диагностического ультразвука. Но всякое бывает. Научила меня доцент-терапевт стучать, не в смысле на кого-то, а в смысле по кому-то, то есть по пациенту. Однажды это спасло жизнь человеку. После института я работал в городке недалеко от мегаполиса. Преподавал терапию в медучилище и практиковал на разных врачебных занятиях. Вот классический советский праздник: Первое мая. Идём на демонстрацию. Это была обязателька для всех учебных заведений. Прошли дружным маршем с красными флажками по центральной улице города, продемонстрировали международную солидарность с трудящимися. Вдруг подходит коллега, мамина приятельница, и просит срочно посмотреть друга семьи, которому что-то плохо стало. Не вопрос, конечно соглашаюсь. Дом оказался недалеко. Пациент – мужчина лет пятидесяти, доцент ведущего технического вуза. Смотрю: действительно ситуация тяжёлая. Трижды вызывал скорую помощь. Ничем не помогли. А всё хуже становится. В общем, «настучал» я у него, так называемый спонтанный клапанный пневмоторакс – тяжелейшее состояние, которое без хирургического вмешательства заканчивается фатально. Прооперировали, как говорят в медицине, «по экстренке», и всё обошлось...

Вернёмся к учёбе. Четвёртый курс. Началась дисциплина, что значит на особом счету, поскольку касается основы рода человеческого, – акушерство. Понятно, что важно это преимущественно для женщин и по-простому формулируется «Как выносить и родить ребёночка». Но и для парня-студента в определённом смысле это лакмус – испытание на профессиональную пригодность.

Врачей, да и всех профессиональных медиков, нередко обвиняют в цинизме. Если понимать под цинизмом определение из «Википедии» – «вызывающе-пренебрежительное и презрительное отношение к нормам морали, культурным ценностям и представлениям о благопристойности» – то, конечно, никакого отношения к нормальной медицине это не имеет. Скорее, речь может идти о натурализме – трактовке ценностей, исходя из их природной сущности. Врач достаточно легко называет всё

физиологическое своими именами, и не только называет, но и воспринимает. Это его профессия. Ему нередко приходится сталкиваться с тем, что у «нормального» человека вызывает брезгливость, отторжение, удивление или испуг. И не просто сталкиваться, а иногда и разгребать это, а потом лечить. Такое не в последнюю очередь относится к размножению – сфере, которая веками была табуирована. Особенно касательно заключительной стадии процесса – родов. Мужчины точно к этому процессу подпускались в исключительном случае. Вот и сейчас в исламском регламенте: можно, но только если для роженицы нет возможности быть с женщиной-акушеркой.

И вот нас, студентов четвёртого курса, начинают учить, как сопровождать беременность и принимать роды. Сначала муляжи и куклы. Муляж костей малого таза женщины из папье-маше. Тут конфуз у красотки Юли.

– Юля, возьми в руки таз, – просит преподавательница с классической акушерской внешностью, крупная и дебелая. Юля берёт и держит его просто вверх ногами.

– Переверни!

Юля раскручивает муляж на сто восемьдесят градусов, не меняя ориентации верх-низ. Группа угорает: ну тупая!.. А зачем Юле акушерство? Получит девочка через три года свой красный диплом и станет врачом-косметологом.

Ну, в куклы наигрались. Пора знакомиться с процессом живую. Ведут в родовую. Большой светлый зал. Шесть или семь акушерских столов. Четыре женщины рожают. Ведут себя по-разному. Вот у этой – истерика. Вопли и сопли. А эта выдерживает испытание стоически, достойно. Испытание серьёзное. «В муках рожать детей будешь» – это Библия. А что со студентами, то есть с нами? Мажорам, смотрю, не по себе: стараются держаться подальше от театра действий. Остальные – нормально интересуются процессом. У меня – острейшее любопытство, переходящее в эмоциональный подъём и восхищение: появление новой человеческой жизни – это здорово! И уважение к женщине, которая, пока рожает, называется «роженица», а когда родит – «родильница». Я – молодой неглупый мужчина, в полном расцвете сил, как говорил известный персонаж детского мультика. Но не могу родить и выкормить ребёнка. А большинство женщин с этим процессом замечательно справляются. И это когда-то успешно сделала моя мама. И поэтому я – есть, живу, молодой, неглупый и в полном расцвете.

Учебный акушерский цикл прошёл быстро. Это, в сущности, было только знакомство с предметом. Кто выбирает специальность как основную, учатся акушерству и гинекологии весь шестой курс и потом еще год стажироваться под присмотром в интернатуре.

Закончился четвёртый курс. Отлично сданы экзамены. Впереди первая врачебная практика: по две недели терапии, хирургии и акушерства. И соответственно по два умноженное на три – шесть ночных дежурств. Практику отрабатываю в своём родном городке, спутнике мегаполиса. Терапия прошла серенько. Хирургия – отлично. Мужики-хирурги плюс одна женщина – очень колоритные и профессиональные. Отношения сложились, и на операциях я был активным помощником (вмешательства в основном на органах живота, профессионально выражаясь – на органах брюшной полости). Как говорят, «крючки держал», то есть работал с железными скобками-ранорасширителями, был настоящим ассистентом хирурга. Научился вязать хирургические узлы. В общем, приобщился и прочувствовал.

Начались мои акушерские две недели. Роддом рядом с домом – ходьбы метров пятьсот. Практика – участие в рутинной врачебной работе: обходы, осмотры, заполнение бумажек. Похихикал над местным невыдуманным анекдотом. Работали в городской больнице два доктора. Один по фамилии Рисс, второй по фамилии Печёный. Часто дежурили вместе. И вот звонок в приемный покой:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Скажите, пожалуйста, кто сегодня дежурит из врачей?

– Рисс – Печёный.

Пауза.

– Я что, на пищеблок попала? Мне без разницы, какой у вас там рис: печёный или варёный. Кто сегодня дежурит?

Настала пора и мне подежурить. Пятница. Июль. Жара. Отделение почти пустое. Смотрю, доктор, с которой мы должны были остаться на дежурство, немного нервничает. Часто посматривает на часы (время около трёх дня). Потом её прорывает:

– Слушай. Всё в отделении спокойно. В родовой – никого. В предродовой – никого. А у меня на даче – аврал. Строители должны приехать. В общем, надо туда. Борись тут пока один, а после восьми

подъедет доктор Губина, которая остаётся главным дежурантом на ночь. Ничего тут у тебя не случится. Поехала я. Удачи!

Нужно сказать про доктора Губину. Это был легендарный персонаж. Множество женщин городка прошли через её руки и скальпель. Она заведовала родильным отделением и подрабатывала ещё в других местах. Ну а характер был очень решительный. Иногда на грани. Моя хорошая знакомая, полечившись у неё, обронила: «Это – гестапо».

А пока так... Остаюсь я, студент четвертого курса, единственным так называемым врачом, можно сказать даже врачом-акушером, на весь роддом. Ну, где наша не пропадала! Дождёмся Гестапо. Справлюсь. Проходит минут двадцать. Слышу: «Пиу-пиу. Пиу-пиу». Сирена скорой помощи. Похоже, по мою душу. Точно. Скорая привезла роженицу.

Со мной дежурит акушерка. Маленькая и молоденькая девочка Таня. Выясняется, что тоже практикантка из медучилища и сама роды не принимала. Правда, смотрю – довольно толковая: грамотная и не тушуетя. Ну, ей проще: она акушерство проходила не за две недели, как я. Это её профессия.

Роженица – крупная девятнадцатилетняя девчонка крепкого сложения. Ведёт себя адекватно, без истерики. А уже схватки идут, то есть роды – в ходу. Медицинские параметры в норме. Таня осматривает её и изрекает: «Головка – в полости». Вот, приехали. «Головка – в полости» – это означает, что голова плода прошла в полость малого таза женщины. Ребёночек уже готов вылезти на свет белый. Тут мы с Таней слегка струхнули: возможны так называемые стремительные роды, чреватые проблемами.

– Давайте её на стол, – командую.

Быстро по-хирургически помылись, оделись в стерильное: халат, перчатки, маска. Всё как положено. Курс хоть и четвёртый, но уже научили. Ух, клизму-то ей не сделали. Надо бы, но сильно мы забоялись прохлопать младенца. Ладно, это не критично. Идут схватки, рожает наша девушка. Мы все наготове. Потом вдруг – бах! Она поворачивается на бок и засыпает. И спит глубоко, прихрапывая. Мы с Таней переглядываемся сначала, потом что-то говорим друг другу и не знаем: а делать-то чего? Стоим как два дурака, все стерильные, помытые, готовые дать начало новой человеческой жизни. А она спит-храпит. Ей, похоже, новая человеческая жизнь по барабану. А мы переживаем – ждём. Время идёт. Во! Уже Гестапо появилась:

– А чего это вы тут делаете?

- Так вот, роды принимаем.
- Хм... Так она у вас до утра не родит.

Тычет локтем в бок нашей иконе:

- Ты что, сюда отсыпаться приехала? Быстро проснулась. Щас рожать будем.

И началось: «Давай, давай! Вперёд, вперёд». Тут нужно пояснить: когда идут роды, то начинается всё со схваток. Это рефлекторные сокращения матки. А следующий, финальный этап – потуги. Тут уже не рефлексы, а сознательная и трудная работа роженицы, поощряемая и сопровождаемая медицинским персоналом. Словом, опростала нашу девушку Гестапо за полчаса. Родился отличный мальчик. Таня помогла – сделала нужный разрезик в промежности. А зашивать разрезик по регламенту положено только врачу. Ну, я думал, Гестапо сейчас помоется, оденется в стерильное и приступит к процессу. Ан нет. Слышу: «Зашивать будешь сам. Я помогу». Во как! Зашивать, так зашивать! Танечка-умничка всё делает без лишних объяснений. Подаёт мне держатель с серповидной иголкой, куда приделана нитка. Я вкальваюсь, а Гестапо своей нестерильной рученькой придерживает меня за локоть и направляет движение моей руки. И ворчит: «Глубже бери, а то её муж обратно не примет». Беру глубже, шью, вяжу узлы, как учили... Всё! Роды приняли! Родильницу и ребёночка в палаты. Нам с Таней можно размыться и чайку попить. Заглядывает Гестапо. Время – около десяти вечера. «Иди уж домой. Поработал сегодня. Дальше без тебя управимся...»

Лечу домой, довольный и уставший. Спать хочется...

Очень боялся, что с моей родильницей будет что-нибудь не так. Особенно волновало, чтобы швы не разошлись и раны все зажили без инфекции (клизму-то не сделали). Ходил к ней каждое утро. Всё, к счастью, было хорошо. Выписали мою подопечную по плану, с сыночком. Приобщился я к новой человеческой жизни.

Время идёт, а точнее, летит. Окончили мы с моей женой Надеждой институт. Приехали в городок. Мы теперь врачи. Я преподаю внутренние болезни в медучилище и подрабатываю в разных местах, много дежурю по ночам. Надюха приобщается к глазным болезням, трудится офтальмологом в поликлинике. Чуть не загремел в Афганистан: был самый разгар военной кампании. До сих пор не понимаю, каким боком пронесло меня мимо. Ну, раз не зацепило, пора задуматься о рождении ребёнка. Живём с Надеждой пять лет, созрели для продолжения рода. Кажется, процесс пошёл: всё в штатном режиме. У женщины свои задачи, и

мне тоже надо готовиться. Усиленно изучаю теорию: младенческое плавание, раннее закаливание, развивающая среда. Освоил немалое количество литературы. Словом, теоретическая база к появлению первенца готова. И вот подходим к событию. Конец декабря, Надюха звонит мне на работу, сообщает, мол, началось. Быстро приезжаю, собираемся. Неспешно передвигаемся в роддом, который рядом. Памятный для меня. Сдал её персоналу. Теперь ждать. Мужей в родовую тогда не пускали.

К вечеру родился малыш. Не толстый, меньше трёх килограммов. Ну, это, может, и к лучшему: легче было рожать. Всё, кажется, нормально.

Если ты попал в советскую больницу на длинные праздники, тебе не повезло. Мальчик появился двадцать девятого декабря. Как раз перед Новым годом. Через соседку, которая работает санитаркой в роддоме, получаю от Надежды письмо. Описывает она грязь и беспорядок в родильном отделении. Никто ничего не убирает, о родильницах заботятся плохо. У Надюхи вообще-то бзик на чистоте. А тут ещё такой стресс. В общем, на второй день женщина устроила генеральную уборку палаты. А подленькая соседка записочку-то мне передала, но вдобавок настучала на Надежду больничному начальству. Мол, тень на плетень наводит и пишет всякую неправду. А кто у нас начальство представляет? Правильно – доктор Губина, Гестапо то есть. Сваливается Гестапо на голову бедной мамы, устраивает бешеный разнос и скандал (при том что имеет дело с врачом). Что в итоге? Молоко, которым вроде как надо парня кормить, у Надежды так и не появилось. И сама девчонка – в полном разладе, хоть из роддома переводит в санаторий.

На выписке выдали мне сверток в одеяле. Личико сморщенное, жёлтое. А у меня все равно душевный подъём: это мой сын. Что сказал папа?

– Какой он красивый!

Шутки шутками, а кормить-то как? К раннему развитию младенца я подготовился, к другим прибабасам – тоже, а вот что молока не будет у кормящей матери – это застало меня врасплох. А малыш начал орать, взахлёб: как тут не заорёшь, когда голодом моят. Надюха – в трансе, не знает, что делать. Иду в продуктовый магазин, покупаю коровье молоко по двадцать четыре копейки за литр, кипячу, остужаю, развожу кипячёной водой, заливаю в бутылочку, цепляю соску, кормлю. Аж вцепился в бутылку, голодный бедняга. Насосался и сразу решил отдохнуть – заснул.

Мы дух перевели. А дальше что? Надо с кем-то знающим посоветоваться. Есть такой человек: тетя Саша. Акушерка с сорокалетним стажем, мама Надюхиной детской подружки. Пойду-ка я на переговорный пункт в отделение связи, потому что звонить надо в Тогучин, районный центр Новосибирской области. Там живёт тётя Саша. Может, и научит чему.

– Здравствуйте, тётя Саша!

– Здравствуй, Вадим.

– Тут у нас вот такая оказия: мальчик родился. А у Надежды молока нет. То есть, совсем нет. И как его кормить, не знаем. А он кричит сильно, голодный. Я пошёл купил коровьего молока, накормил. Побежал к вам звонить, может, чего посоветуете.

– Молоко-то хоть развёл?

– Развёл.

– Ну и молодец. Всё сделал правильно. Сегодня докармливай коровьим, а завтра утречком беги в молочную кухню. Договаривайся там. Дадут специальные детские смеси. Всё наладится! Держитесь.

– Спасибо, тётя Саш!

Коровье молоко – совсем не то, что должен есть человеческий младенец. Можно получить проблемы со здоровьем ребёнка. Но не помирать же ему от голода! Так он ещё при этом и родителей может уморить: орёт-то как резаный. Словом, сегодня – корова, завтра – молочная кухня, потом – кормилица, жена моего друга, наконец – импортные смеси, которые стала присылать моя мама с Кавказа. Это не заменило материнское молоко, но, как прозорливо отметила тётя Саша, всё наладилось...

Вот и ещё круг времени. Прошло почти двадцать лет. Новая семья, новая жена – Оля. Совсем молодая. Новый проект: ребёнок. Новый ребёнок.

Я теперь не простой периферийный терапевт, а профессор и рулю в замечательном академическом научно-клиническом заведении, которое, по сути, сам и создал. Новое время – новые технологии. Ольгу нашёл через интернет. Ну а мальчика (уже известно, что мальчик) ждём не виртуального, а реального. Есть связи среди врачей, есть клинический опыт. Всё нужно сделать по высшему классу. Конечно, подтянул теорию. Кое-что изменилось за двадцать лет, но немного. Вот плавать с сынком буду ещё раньше и морозить (то есть закаливать) буду ещё сильнее. А грудная кормёжка – отдельная песня. Никаких проблем у женщины быть не должно. Многотысячные мировые исследования

на всех континентах это обосновали. Проблема – только в мозгах. Вот – классический конфликт так называемой психосоматической медицины. «Все болезни – от нервов» – трюизм. Отсутствие молока у кормящей матери – классическая его иллюстрация. У нас тут проблема. Бабушка и мама Оли много лет убеждали её, что кормить младенца она не сможет. Мол, не молочные мы. Я не кормила, и я не кормила, и тебе не суждено. В общем, девочка у нас слегка зомбирована. Однако включаю воспитательный процесс: объясняю, аргументирую, акцентирую:

– Кормить будешь, как положено!

Но это всё впереди. А пока делаем как надо. Наблюдаем и наблюдаемся. Наблюдаем за процессом, а Оля наблюдается у хорошего специалиста. Пора продумывать, где и с кем рожать. Тут вроде просматривается хороший вариант: в нашем научно-медицинском заведении консультирует местное светило – акушер-гинеколог, доцент. Она, как мне сказали, и роды принимает, дежуря в клинике. Составил с ней разговор. Договорились. Обещала всё сделать хорошо. Если, мол, будут проблемы, то роды простимулируем... Что-то меня насторожило. С какого перепугу у молодой, крепкого сложения, высокой и статной девицы могут быть проблемы в родах? Всё пока протекает идеально. А роды – процесс естественный. Чего доцент стимулировать хочет? Надо разобраться. Запустил информационный поиск среди местных специалистов. Сарафанное медицинское радио донесло: «Ты что, не знаешь фишку нашего светила? Она очень любит важных пациентов: от них потом и подарочки, и конвертики. Но напрягаться не очень хочет. Тем более что дежурит она неритмично, спорадически. Поэтому специально стимулирует роды так, чтобы они выпали на её дежурство, да ещё и лучше, чтоб на пораньше, а не на утро. Квалификации у неё для такой манипуляции хватает...» Так, но стимуляция родов – это серьёзное лекарственное вмешательство. Спрошу-ка я у экспертов. Поднял ведущих специалистов своего родного мегаполиса, включая известную профессуру. Все мне крутят пальцем у виска: «Какая стимуляция? Первородка? Беременность протекает без осложнений? Сама родит отлично. Нечего тут выдумывать. Стимуляция может вызвать массу неблагоприятных эффектов». Та-а-ак. Всё понятно. Светила нам не надо. Лучше поищем попроще, почестнее, подушевнее. Может, и наговорили на доцента, но лучше не рисковать.

Пообщался с коллегами-тётеньками. Выяснилось, что у одной близкая подружка – зам главного врача ближайшего роддома. Я её навестил. Познакомились. Обо всём договорились. Ещё оказалось, что педиатр, работающая в родильном отделении (так называемый микропедиатр), – приятельница моей тётчи. Словом, у нас всё схвачено. Отлично! Веду разговор с докторами о возможности участвовать в родах. Такая практика появилась недавно: мужей стали пускать в родовую. Вроде пообещали, но, мол, всё будет зависеть от обстоятельств.

А настроение у Оли хорошее, у меня тоже. Анализы она все сдала. Пелёнки-распашонки и всё, что надо, прикупили. Короче, ждём.

А тут... друг зовёт в гости отметить свой день рождения. Оля осталась дома: на сносях уже. А я отправился поздравлять и праздновать. Всё как положено: пьём, едим, говорим приятные слова имениннику. Часов в десять вечера – звонок на мобильный. Жена:

– Похоже, у меня схватки начались.

– Еду, дорогая.

Приехал. Девочка взволнована. Мол, пора уже в роддом. Да нет, рановато. А делать чего будем? Спать! Набираться сил перед завтрашним днём. Всё у нас спокойно и хорошо... Утром проснулись. Потихонечку собрались – и в место назначения. Сдал девицу с рук на руки и поехал на работу. Договорились, что Оля позвонит, как процесс потребует. Звонок раздался около трёх дня. Я быстро прискакал. Вижу – действие в разгаре. Но пока моя функция простая: успокаивать и по ручке гладить. Через пару часов – пожалуйста в родовую. Докторица меня смерила взглядом, в святое место пустила без комментариев. Уж потом тётча передала разговор, который был в ординаторской (информация от приятельницы). Мол, мужик вменяемый. Можно в родовую пустить. Заметим, что ни мой врачебный диплом, ни профессорская степень, ни пафосное положение известного медицинского руководителя при этом не обсуждались. «Вменяемый мужик» – этого хватило.

В родовой всё идёт по плану и без задержек. Пока схватки, Ольга за мою руку держится. А вот и потуги. Тут и мужская сила пригодилась. Поставил крепко локоть на акушерский стол. Сделал из своей руки для Оли опору-кресло под спину. Теперь давай-давай! Старайся! Трудно и больно, но надо! Оля – молодец, работает как положено (позже опять пришла конфиденциальная

информация из ординаторской: «Да ей рожать и рожать!»). Вот и мальчик наш завершал. Всё с ним сделали по правилам: разобрались с пуповиной, приложили к материнской груди. Красавчик: размерчики все как надо. И рейтинг получил почти высший. Младенцы после рождения получают оценку по так называемой шкале Апгар, с учётом всех параметров здоровья и жизнедеятельности. Самый высокий балл – десять. Наш малыш получил девятку, но полагаю, что незаслуженно. Дело в том, что, по принятым в то время региональным правилам, если ребёнок получает десятку, то положена денежная премия из специального фонда. Понятно, что денежки всегда экономят, поэтому десятка – это эксклюзивное событие (так донесло сарафанное медицинское радио).

Перевели в палату. Коек три, но занятых нет. Так что сладкая парочка, мама и сынок, будут отдыхать без помех. В советское время мать и младенца разводили по разным палатам и приносили малышей только кормить. Времена меняются: теперь кровные родственнички после родов вместе проводят время.

На следующий день я раненько уже на посту. Ночь прошла хорошо. Мальчик спал. Мамочка тоже старалась, но трудно ей сейчас: есть и будет беспокойство за ребёнка. Вот чего-то он закопошился. Посмотрим. Святое дело: покакал.

– А как его мыть? – испуганно вопрошает Оля.

Как, как... Берём и моем. Кладём этого лягушонка на ладонь попкой кверху... Гляди: почти весь на ладошке уместился... Засовываем под кран с теплой водой. Зачищаем. Вот и вся наука.

– Ой, ты там поосторожнее, – с трепетом подвывает мамаша.

– Спокойно! Всё под контролем.

Хотел уже сразу забрать семейство домой. Есть грустная тема в акушерстве: внутрибольничная инфекция. Сам когда-то младенцем пострадал: дошло дело до сепсиса (инфекционное поражение крови). Поэтому, когда всё прошло штатно, чем меньше мама с младенцем находятся в роддоме, тем лучше. Сразу доктора не отпустили, но на следующий день к обеду мы уже были дома.

Началась новая жизнь. С материнским кормлением не безоблачно было, но наладилось. Кормила Оля малыша шесть месяцев, могла бы и больше, но вот устала. И, похоже, все-таки не хватило стойкости, терпения и ответственности. А мои воспоминания об этом периоде... Когда хорошо потрудишься на производстве, а потом разгребаешь все дела, связанные с

ребёнком, то после этого встаёшь в два часа ночи под душ, вода течёт, а ты стоя засыпаешь...

Дальше – это уже тема другого рассказа: как вырастить путных и здоровых детей. В целом вроде получилось. Но хочется еще лучше...

Моё давнее желание написать про появление нового человека было простимулировано последней каплей: книгой Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза», где профессор Лейбе Вольф Карлович в тайге, у костра, без медицинской поддержки, без инструментов принимает сложнейшие роды у главной героини. Великолепное эмоциональное описание подвигло меня пообщаться с моими приятельницами и хорошими знакомыми – женщинами на тему родов. К удивлению, говорили охотно и откровенно:

«Если бы мне дали тогда пистолет, я бы застрелилась. Когда я вижу фильм, где это показывают, сразу переключаю канал. Тема для меня чрезвычайно неприятна» (мать двух дочерей-красавиц и бабушка четырех внуков).

«Никогда бы это не повторять. Как вспоминаешь – судороги, вздрагиваешь. Это как берут железный прут и пополам тебя перерезают. В послеродовой чувствуешь, что как будто джунгли косила. Никаких сил» (успешная мама и бабушка).

«Третья беременность: страх родов. Как будто судьбу свою испытываешь. Как бы прыгаешь с тарзанки, как в рулетку играешь. Два раза было хорошо, а что случится в третий? А потом сделали кесарево сечение (операция при проблемных родах). После операции – чувство, что вынули все внутренности и кишки» (молодая мама троих малышек).

«Думала, что умру: боли были дикие. Вспомнила, что родила, – на вторые сутки» (произвела на свет троих великолепных детей).

Специалисты обсуждают: почему только у человека роды проходят сложно и, прежде всего, с такими муками для женщины? Объяснений много. Библия говорит об одном: так решил Бог. Думаю, что современная медицина способна кардинально вмешаться в этот процесс, но воздерживается. Во всяком случае, пока. Для меня, чуть-чуть соприкоснувшегося с родами, появление новой жизни – это восхищение. Сама жизнь – здорово, а женщина, которая её даёт, вызывает у меня глубокий поклон. Ну а уж если

это твоя ожидаемая кровиночка, да рождает любимая, да почти тебе в руки... Восторг!

Появление моего младшего на белый свет при моём участии – пожалуй, самое яркое и светлое событие в жизни.

Каждая пара решает самостоятельно, рожать ли вместе или нет (теперь это называется «партнёрские роды», и не обязательно в таких родах участвует муж: знаю историю, как вместе с дочкой рожал папа – правда, они оба были опытными врачами с учёной степенью).

Словом, дорогие женщины, давайте рожать!

Тюмень, 2021

Татьяна ХАБУШЕВА/Тат Яна

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА

эссе

Игрушки всегда присутствуют в детской жизни. Говорят, когда у ребёнка много игрушек, он их ломает, когда мало - создаёт. Сколько у меня было игрушек (тех, что из магазина), не помню, знаю, что много быть не должно, потому что доходы родительские не позволяли особенно тратиться на игрушки. Игрушками у нас становились разные предметы: лоскутки тканей, осколки разбитой посуды, деревянные брусочки. Что-то можно было взять на кухне. Например, крышку от кастрюли – часто она служила рулём для игр брата.

Осколки разбитой посуды для детской игры... Наверное, это сейчас не понятно и звучит странно. Но так было, а осколки назывались забавным словом «чечки». Эта игра в чём-то напоминала коллекционирование. К чечкам применялось одно жёсткое требование: они должны были быть фарфоровыми. Фарфоровая посуда и в нашем доме, да и в других деревенских домах была великой ценностью, её берегли как зеницу ока, а в повседневной жизни пользовались эмалированными тарелками. Поэтому, откуда брались в коллекции чечки, - большая загадка. Да и справедливости ради надо сказать, их (чечек) не было много. Так, несколько штук. Мы с подружками устраивали «выставки». Каждая раскладывала свои артефакты на песке или на скамейке. Мы рассматривали их, любовались красотой фарфора. Особенно ценились те, на которых имелся рисунок, а уж если рисунок выполнен золотом, то это было просто настоящее сокровище, потерять которое большое огорчение.

Но не только такие, скажу, экстремальные, игры присутствовали в связи с бедностью и трудностью того времени. Все девочки в моём детстве любили играть рисованными куклами. В процессе игры рисовали фигурку куколки в купальнике, выстригали её. Потом рисовали разные одёжки для куколки и тоже выстригали, только при этом по краям оставляли маленькие полоски бумаги для загиба. Эти полоски позволяли закреплять нарисованную одёжку на бумажной фигурке куколки. Это было очень увлекательное занятие. А какой простор для творчества: и куклы и одёжки могли быть бесконечными и по фасону, и по цвету.

Но игрой в куклы я не ограничивалась. Неподаляку от нашего дома, за речкой, располагалась обнесённая забором производственная территория, которую называли то «МТМ», то «МТС» (машинотракторная мастерская или машинотракторная станция), где, кроме разной техники, находился также совхозный столярный цех. Различные отходы от этого большого хозяйства – деревяшки, стружка, металлические пружинки, болты, гайки, куски проволоки, катушки, какие-то детали, пришедшие в негодность – вывозились на свалку сразу за забором МТС. Так что, в свободном доступе были кучи разного «добра», куда мы, ребятишки, любили изредка ходить. Эта свалка была, как сказали бы сейчас, экологически чистой, пахла свежераспиленным деревом, и к тому же была мягкой, так как наполовину состояла из опилок. С этих «раскопок» мы возвращались всегда с богатой добычей.

Из всего найденного, я выбирала пружинки. Пружинки (или спиральки) мне казались необыкновенно красивыми, завораживающими, с какой-то заключённой в них тайной. Я и сейчас люблю пружинки, а тайна их, мне думается, в том, что ДНК, в которой «записана» вся наша генная информация, а может быть даже более того, также имеет спиралевидную форму. Эволюция, в которой весь смысл нашей жизни, идёт по спирали – мы развиваемся, если развиваемся, конечно, по спирали. И потом, человек живой потому, что в нём постоянно циркулирует энергия, а это волновые процессы, а значит опять схожесть со спиралью. Сама жизнь идёт по спирали! В детском возрасте этого не осознаешь, но зато у ребёнка ещё сохраняется чистое незамутнённое восприятие и память прошлых воплощений, а значит и древних знаний. Вот такие версии у меня выстроились.

Для брата все находки были, что называется «как лыко в строку». Он мог мастерить для своих мальчишечьих надобностей и сабли, и кораблики, и машинки... Гвозди и молотки, кусачки и всякие другие инструменты для этих поделок в отцовском хозяйстве всегда были, и брать их (с возвратом) поощрялось.

Покупные же игрушки были большой редкостью. На угловой полке в горнице сидела одна такая большая редкость – кукла, напоминающая младенца, - большой голый пупс. Почему-то мне не позволяли им играть. Какая такая у него была ценность?! Наверное, мама думала, что если на него просто смотреть, его хватит надолго. Она была права. Пупс был жив, пока сидел в углу. Он привлекал моё внимание, я могла подолгу стоять напротив и

мечтать, что он однажды окажется доступным. Представляете, какие раньше были дети? Если ребёнок просил и ему сказали: «Нет...», - всё на этом и заканчивалось. Никакого нытья, тем более слёз, истерик. Нельзя, значит нельзя.

Но потом мнение мамы изменилось, и пупс попал мне в руки. Надо сказать, что пупс был отлит из пластмассы и состоял из отдельных частей таким образом, что у него, при желании ребёнка, могли двигаться ножки, ручки и голова. Сначала, для моего счастья, достаточно было держать пупса в руках, усаживать его, укладывая спать или «заставлять ходить». Позже захотелось узнать, как это у него получается. Сидеть? И ходить? Значит, надо было как-то заглянуть внутрь. Моё любопытство стоило пупсу жизни: кто ж выживет, если ему отдирают руки, ноги и голову?

После того, как пупс безвременно «ушёл», на магазинную куклу рассчитывать мне больше не приходилось. Справедливости ради надо сказать я не была от этого несчастным ребёнком. Нет и нет - есть что-то другое. И этого другого огромный выбор! Летом: речка, огород, земляничный лес, велосипед, мяч, скакалка, качели, свалка, в конце концов, а за ЭМ-Ге-эСовским забором ещё и куча свежего речного песка. Зимой: санки, лыжи, коньки, сугробы, карандаши, пластилин, детские радиопередачи, детские журналы, книги. С первого класса я была записана во все три библиотеки моего села. Книги там я брала с большим удовольствием. Моя первая книжка из библиотеки, которую я прочитала самостоятельно в первом классе, называлась «Приключения Бибигона». Это сказка про маленького человечка Бибигона, свалившегося на Землю с Луны, про его сестричку Цинцинеллу и их жизнь. Сейчас думаю, что моя впечатлительная детская душа в тот момент стала благодатной почвой для произрастания интереса ко всему сверхъестественному: нельзя же признать вполне себе очевидным свалившегося с Луны и чтоб не возникло никаких вопросов. Пусть и в сказке.

Но это будет потом, а пока внимание к кукле.

Как-то однажды, летним вечером, к нам в гости приехал мамин брат и, соответственно, мой дядя. У нас в доме на тот момент была соседская девочка – подружка моя. Как потом, позже, выяснилось, она ещё и моя сродная сестра, а мой дядя – её отец. Мама моей подружки и мой дядя были в разводе. Мама не стремилась к тому, чтобы её дочка общалась с отцом. А тут ему такой счастливый случай - встретиться с дочерью.

Дядя посадил нас (свою дочку, и меня, за компанию) в свой «Запорожец» и повёз кататься. Это был праздник, который продолжился посещением сельского магазина игрушек. Когда мы зашли в магазин, у меня буквально перехватило дух: вся верхняя полка в магазине была занята куклами невозможной красоты. Куда там моему бывшему пупсу! Все они были нарядные, в платьицах и в туфельках. Головки кудрявые, глазки ясные. Некоторые умели моргать, некоторые даже говорить: «Ма-ма!»

Дядя Валя выбрал самую большую и красивую куклу для дочки – это понятно. А потом вдруг взял ещё одну, поменьше и попроще, и подарил её мне! Это было для меня такое счастье, что трудно даже сейчас описать словами. Моё сердечко, конечно, затрепетало от восторга ещё при входе в магазин, но я не ждала никакого подарка. Я, наверное, могла бы, если бы решилась, выказать желание получить куклу маме или отцу, если бы пришла в магазин с кем-нибудь из них. Но никому более. А дядя Валя вполне мог бы и не покупать мне куклу. Я бы спокойно к этому отнеслась, даже без тайной досады. Но видно весь мой вид был таков, что он купил куклу и для меня! Я думаю, что это был настоящий мужской поступок! За что ему моя огромная благодарность, которую я всегда заново переживаю, вспоминая эту маленькую, и на первый взгляд, ничем, казалось бы, непримечательную историю.

Эта кукла, полученная мной так невзначай, прожила со мной лет восемь-десять от дошкольного периода и до средних классов школы. Фактически, она была первой и последней магазинной куклой. Я шила своей кукле платья, я проигрывала разные житейские ситуации – я училась!

Вообще, детская игра – это всегда обучение. Поэтому игрушки должны быть со смыслом, с добрым посылом. Они должны быть безопасными не только в прямом смысле, но и с точки зрения воздействия на детскую психику. Я в большой претензии к современным компьютерным играм, среди которых очень много таких, где ребёнок принимает на себя роль: «догнать и убить». Идёт прямая проекция виртуального героя (настоящего убийцы, по-другому не назовёшь) на ребёнка. Чему он учится в своей погоне за жертвой? Он привыкает к мысли, что жизнь – это ничто. Кроме того, в этой погоне, достигая цели, ребёнок получает удовлетворение от убийства. Вы думаете, что я сгущаю краски? Нет! Очень важен образ, который мы взрослые, как воспитатели, вкладываем в голову ребёнка. Образование от слова образ.

Образовывать – создавать по образу и подобию. Вот в чём суть. И это относится не к форме, а к содержанию человека. Формируется совесть, которая напрямую зависит от рамок допустимого. А допустимое идёт от образа, который предложен в качестве примера. Образец тоже от слова образ, возможно в форме уменьшительного. Правда, используется часто в языке слово «образец» с поверхностным смыслом, снимается лишь первый слой. Но это происходит сплошь и рядом: способность проникать в глубины смысла (снимать слой за слоем) не каждому даётся. Но каждый, при желании, может, рано или поздно, достичь такого умения.

Обратимся и к современным игрушкам, которыми сейчас играют дети. У меня пятнадцать внучатых племянников, с большинством из них я близко общаюсь. Я вижу их игрушки. Их так много, что они даже не вмещаются в жилое пространство! Но среди них и очень много опасных, откровенно страшных, с точки зрения образа, который вкладывается в голову ребёнку. Вот так исподволь, с помощью игрушки. Мои детские «чечки», для сравнения, просто милая беспечность. Поранить ненамеренно пальчик и намеренно поранить душу – не одно и то же.

Вспомню ещё одну игрушку из детства, она дожила до наших дней, но приобрела статус сувенира - наша русская матрёшка. Это настоящая игрушка, потому что даёт знание о принципе построения мира и человека. В матрёшке семь кукол – в человеке семь тел. Человек воспринимает себя как физическое тело, а это только лишь верхний слой, остальные тела «не видны», пока не приходит осознанная мысль задаться вопросом, а что там внутри. Есть выражение: познать себя. Это игра на всю жизнь! И в этой игре, такой поворот, смысл жизни. Человек – игрушка в своих собственных руках, и можно бездумно «оторвать себе руки, ноги и голову», а можно, относясь «бережно», играть «бесконечно».

«Вся наша жизнь – игра...»

Тюмень, июль 2021

Галина ФЛЕГЕНТОВА/Галина ШПРИНГЕР

ЕЩЁ ОДНА ОСЕНЬ

эссе

Осень. Ещё одна осень в моей жизни. Ещё один перевёрнутый лист календаря, ещё одна упущенная возможность, ещё одна скатившаяся слеза, ещё одна радость...

Красивая, в сарафане из ярко-жёлтых и червлёных листьев, с туманными, раскосыми глазами, задумчивая, с мечтательной улыбкой, или грустинкой в уголках губ, яркая, добрая осень, со школьными звонками, со строками стихотворений классиков: Пушкина и Есенина, с белоснежными бантиками, с разноцветными букетами астр, георгинов и гладиолусов, с толстопузыми арбузами, краснощёкими яблоками, с кукурузными початками и отяжелевшими дынями.

Она бережно ступает по земле, приглашая нас радоваться и грустить, любить и порой страдать, писать стихи и замороженными глазами смотреть на своих любимых, чувствовать нежность и тепло, принимать душой и сердцем все изменения в природе.

Прекрасная незнакомка – осень, каждый раз приходит вновь к нам обновлённая, до боли родная, но узнаваемая нами, любимая девушка – осень.

Люблю осенние листопады, кружащие в вальсе – бостон, люблю дождинки, падающие на зонтики хризантем и даже стылый ветер, подгоняющий прохожих к тёплым жилищам, к горячему чаю с малиной, к задушевному разговору с друзьями.

Что скрыто в имени твоём осень?! В твоём не постоянстве, в смене характера: то тёплая и уютная, то резкая, сердитая, с промозглым ветром, швыряющим охапки листьев в лицо, и продолжающая бежать куда-то по лесной дорожке...

Какой композитор написал музыку на твои слова, осень?! И какими красками, то яркими холодными, то тёплыми пастельными тонами, художник пытается каждый раз поймать, запечатлеть, твои черты, осень...

Люблю тебя, Осень! И жду тебя с замиранием сердца каждый год, потому что ты трогаешь самые потаённые струны души, которые звучат нежной мелодией, раскрывая всё самое лучшее, и открываешь в нас тайники, из которых мы вынимаем драгоценные

жемчужины любви и добра, и дарим окружающим нас родным людям.

И пусть твердят, что осень – это подведение итогов, сбор урожая, определённый этап в жизни. Я знаю точно, что это очищение души, обновление чувств, это слёзы и смех, это встречи и расставания, это рубиновый закат и алый восход, это шелест листьев берёз, и слёзы плачущей ивы, которые она роняет, склонившись, над водой. Чувствуя твоё прикосновение, я начинаю слагать строки, писать, вынимая их по капельке, как перлы из своей раненой души.

Осень – это бальзам, елей на сердечные раны, радость и восторг. И как жаль, что твой век так короток.

И за тобой уже спешит она – зимушка зима. Дождик поливает тропинку, по которой ты убежишь, подгоняемая шальным ветерком, прихватив с собой покрывало из огненно-рыжих, пурпурных листьев, сердито будут пузыриться лужи, и воздух станет прозрачным и настоящим на щедрости твоих даров, но своё тепло и свет ты оставишь нам, чтобы мы согрелись длинными зимними ночами.

Бардовый листочек, плавно кружа, опустился мне на ладонь, как прощальный привет моей осени...

Летят годы, как осенние листья с деревьев. Теперь я знаю, что горечь обид и поражений пройдёт, отболит, и печаль сменится радостью. А после лета снова вернётся нами любимая красавица – осень, чтобы согреть каждого в этом мире, наполнить любовью и надеждой, звучанием саксофона подкрадётся грусть, опустятся на землю сумерки и вдохновение посетит тех, кто чувствует эту загадочную чаровницу – осень.

Нечаянные слёзы катятся и катятся – янтарные слезинки нежности и печали: о тебе, обо мне, о нашей осени...

Тюменская область, ХМАО-Югра, п.г.т. Приобье

Галина ЗАМЫШЛЯЕВА

СЕРДЦЕ СОБАКИ К КОМПЛИМЕНТАМ НЕ ГЛУХО

из серии мини-рассказов «Деревенские зарисовки»

Летом я становлюсь сельским жителем, но в город иногда приходится ездить. И вот иду я по деревенской улочке к автобусной остановке и вижу, ребяташки: девочка лет восьми и мальчик чуть постарше пасут корову возле своих ворот. Поздоровались со мной, сохранилась ещё добрая деревенская традиция приветствовать всех встречаемых, я ответила им и задержала шаг.

- Это наша корова - с гордостью сообщил мне мальчик, сделав ударение на слове «наша».

- Очень за вас рада. А как зовут вашу корову? - поинтересовалась я.

- Пикета.

- Замечательное имя, главное - редкое. А собачка тоже ваша? - Рядом сидела небольшая дворняжка, она явно прислушивалась к нашему разговору, переводя умный взгляд с одного говорящего на другого. В шаге от неё возилась парочка упитанных щенков. Собачку, оказалось, зовут Пона, я и с нею поговорила:

- Ты умница, Поночка, и детки у тебя славные.

Простившись, пошла своей дорогой.

На другой день возвращаюсь тем же путём, ребяташек с коровой у знакомых ворот нет, а Пона с выводком дежурит. Я прошла молча, и вдруг один из щенков со звонким лаем бросился мне в след. Одним прыжком мать догнала его, довольно грубо ухватила за ляжку и оттащила на обочину дороги, как будто сказать хотела:

- Не смей на неё лаять! Запомни, она добрая!

г. Тюмень

И назовёт меня
всяк сущий в ней язык...

ГОСТЬ РУБРИКИ

ДУЛОВА Елена Владимировна родилась в городе Тобольске Тюменской области. Окончила Тобольский колледж по специальности правоведение и Западно-Сибирский гуманитарный институт.

- ✦ Член регионального отделения Союза российских писателей Тюменской области (2021),
- ✦ Публиковалась в сборниках и литературных альманахах в издательствах Тюмени, Москвы и Саратова,
- ✦ Номинант национальной литературной премии Российского союза писателей «Поэт года» (2020),
- ✦ Награждена Российским союзом писателей «За вклад в развитие русской литературы» медалью к 150-летию Ивана Бунина (2021)

Уильям Шекспир. Сонет 73

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.

In me thou seest the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.

In me thou seest the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourished by.

This thou perceiv'st, which makes thy love more strong,
To love that well which thou must leave ere long.

Литературно-художественный перевод с английского

Во мне ты видишь осени печаль,
Где листья жёлтые летят, как главы с плахи,
Где ветви в дрожи, холода печать,
И на хорах остывших не щебечут птахи...

Во мне ты видишь сумеречный день
На склоне Запада, что гаснет безоглядно.
Как ночи тёмной поглощает тень –
Второе смерти «я», в покое безвозвратном...

Во мне ты видишь искры на углях
Где юность догорела в пепел, в прах...
Как в ложе смертном теплится огонь,
Что поглотил в себе и тело, и юдоль.

От этого любовь твоя сильнее –
Ей страх потери чувства страстью греет...

Уильям Шекспир. Сонет 12

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,

When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:

Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,

And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed to brave him when he takes thee hence.

Литературно-художественный перевод с английского

Считая боя часовой поток
Пред взором мрак, что поглощает день,
Фиалки увядающий цветок
И локонов серебряная жмень,

Когда листва, что укрывала стадо
В подножье обездоленных стволов
И зелень лета в снопах, без возврата,
Как отблески отрубленных голов,

Я думаю, а что же – красота?
Она уйдёт, ход времени жесток,
Как только силу наберёт и стать –
Младое семя, поросли росток.

Серп Времени нельзя остановить,
Мы только в наших детях будем жить.

Ирина БАРЫШНИКОВА

Николай Шамсутдинов. Вдвоём

Почему же в запущенной чаще
Излучает волнение ранет,
Словно в плод, одиноко звучащий,
Потаённый впрессован рассвет?

Почему же, как будто к напеву
Захолустья, под юной звездой,
Причащаешься к вечному древу
Над бегущей неверной водой?

Потому что и воды, и пуши,
Дальних звёзд голубое жнивье
Чудотворнее, радостней – пуше
Расцветают во Имя Твоё...

1981

Литературно-художественный перевод на английский

The two of us

Why does in the desolate thicket
A wild apple radiate excitement
Like into a lonely sounding fruit
A lurking dawn was pressed?

Why, as if to the outback melody,
Under the youthful star,
Do you commune to the eternal tree,
Over a streamy faithless water?

Because both water and forests,
A blue stubble of the faraway stars
Miraculous, joyful — more than ever
Are blooming in the Name of Thy.

ТАЁЖНАЯ ТАМГА

Прозорлив и мудр, мой народ
В старину тамги на кедрах ставил,
Завещал их нам из рода в род
И тамгами край родной прославил...
Вот тамга – лисица. И теперь
Знаю я, что метку вырезали,
Чтоб ловушки не оскудевали,
Чтобы не переводился зверь.

И когда охотник белковал –
Метку ставил, ведь была забота,
Чтоб по меткам каждый узнавал,
Что была удачною охота.
Как они бежали по стволам,
Словно гнали зверя вдаль! И даже
Вслед бежали дети, старикам
Запах крови ноздри будоражил.

Как Медвежий праздник ликовал,
И плясать срывался с нами ветер!
И тамги толпились – каждый знал
Мощь неукротимого медведя.
В постаревших тамгах мой народ
О своих заботах нам поведал,
Завещал их нам из рода в род,
Ибо о грядущей жизни ведал...

Только путь к добыче никогда
Мы тамгой в тайге не помечали,
Чтоб чужой не знал пути туда,
Чтоб костры чужие не пылали.
Если по чужим следам идти,
То не одолеть дороги дальней...
И тамги, как звёзды впереди,
Манят неразгаданною тайной.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Земля моя родная, где я рос
Где пил твоё целебное дыхание,
Где сделал первый шаг, в прохладу рос,
Забуду ли тебя? Ты – мирозданье!
Забуду ли берёзы свежий сок,
Упругое тепло кедровых шишек
И лес, обильный ягодой, высок,
Рябиновыми россыпями вышит?

Гляди! – на ветке Млечного Пути,
Как снегири, мерцающие звёзды.
Иду своей землёй... А впереди –
Свист уток, пронизавших вешний воздух.
Ночь белая, тепла, как молоко,
Обильна рыбой ранняя путина...
Над речкой, где мне дышится легко,
Сплывают облака, как будто льдины.

Гордись лучистой, чистой красотой,
Играет в небе солнце. Сердце радуя,
Вся, выгнувшись над синевой тайгой,
Горит, пестрит неистовая радуга.
Как прутья гибок, дождь упруг и прям.
А как пушисты сети снегопада!
И пусть зовёт судьба к иным краям,
Другой земли, я говорю, не надо.

Железной зимней стужею возвращён,
Я дорожу неласковой землёю.
Как без неё, преодолая стон,
Я устою перед лихой бедою?
И горести, и радости твои –
Все в моём сердце накрепко сомкнулись.
Прими, прими слова моей любви,
Что в твою честь, великая, проснулись!..

ЗВЁЗДЫ

Как наливная морошка, рассыпаны
Звёздные россыпи в небе ночном.
Смотрят на землю, никем не сосчитаны, –
Смотрим на звёзды и песни поём.

Взглянешь с земли – они плавно вальсируют,
Смотрят на нас через холод и мрак.
В ритме одном они мягко пульсируют,
Дышат, легки и загадочны, в такт.

Может, на них, что в преданьях обласканы,
Птицы щебечут, долины цветут.
Помню, нас мама баюкала сказками,
О чудесах, что на звёздах живут...

Верю я – к ним от рассветной отчизны
Путь наш проляжет в раздавшейся мгле,
Если во имя ликующей жизни
Мы не дадим вспыхнуть новой войне!

Альтернатива! – погибнуть нам либо
Будет планета – землёю живых.
Дети грядущие скажут:

«Спасибо!»,

Что сохранили мы Землю для них.

И, улетаая к далёким созвездиям,
В ночь, унося ходовые огни,
Может быть, с грустью оглянутся, если
Наши предания вспомнят они...

Перевод с хантыйского Николая Шамсутдинова стихотворений поэта Романа Ругина из собрания сочинений: Шамсутдинов Н.М. Избранное в пяти томах, Том 5, – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», – 2018.

* * *

Где же ты, звезда моя счастливая?
Где твой ясный светит огонёк?
Или тайно в сердце, сиротливая,
Ты горишь, но свет твой так далёк?

Где же ты, звезда моя заветная?
Спряталась за тучами совсем.
Или у светила межпланетного
Навсегда ушла в ночную темь?

Ты не пропадай за тучи хмурые.
Засмотрюсь на небо до зари,
Тучи нынче тёмные, угрюмые,
И необъяснима грусть внутри.

Размотаю дни свои, что ниточку,
Как клубочек жизни непростой.
Юность – хрупкая живая веточка,
Будто сон, приснилась нам с тобой.

Молодость прошла так быстро, где же вы
Годы детства, школьные звонки?
Дни бегут-бегут, как волны грузные
Быстротечной Времени-реки...

Но коль сдавит время беспощадное
Душу и невыносимо ей
Тесно станет... – чтоб она в неладную
Ту минуту не нашла дверей,

И не вышла из меня, вскипевшая,
Словно пена кваса – за края
Чаши, что осталась потемневшая
Без надежды в вихре бытия.

Если жизнь вращаться в круге примется
Скорбных мыслей или душных дней,

То сменю маршрут судьбы – пусть двинется
К водам звёздных без берегов морей,

Я рукой раздвину тучи хмурые,
В ковш небесный звёзды зачерпну,
И судьбу свою – коня понурого
Я водой небесной напою.

Мы по млечному пути поднимемся
Прямо в небо, как в морскую глубину
Окунёмся словно, и привидится –
Улетим, как вечность, в тишину.

И звездой надежды меж светилами,
Вдруг, увижусь путнику с земли –
Пусть горит-горит звезда надежды и
Оставляет дивный свет вдали...

*Перевод с марийского Любови Миляевой стихотворения поэта
Николая ИЗЕРГИНА*

г. Ханты-Мансийск, ХМАО-Югра, Тюменская область

Откуда ты,
прекрасное дитя?

Любовь СОШНИКОВА/Любовь БАЖЕНОВА

СКАЗКА О ВРЕМЕНАХ ГОДА

В давние-предавние времена царствовал в мире природы старик Годовик. Было у него три дочери: старшая – капризная и своенравная Зимушка, средняя – красавица, добродушная, иногда плаксивая Осень, младшая – непоседа и шалунья Весна и ещё самый щедрый и добрый сынок Лето.

Шло время, старел царь. Невмоготу стало ему править миром. Собрал своих детей старик Годовик и наказывает им: «Дети мои милые, время моё подходит к концу, наступает ваше время править миром, править честно и не в ущерб всему живому на земле. Пусть каждый занимает престол три месяца, а после приглашает кого-то из сестёр или брата и уступает своё место. Знайте: коли забудете передать престол, то навеки можете его потерять. А пока я жив, занимай царское место ты, Зимушка, как самая старшая».

Как сказал, так тому и быть. Взошла на престол Зимушка. По этому случаю устроила бал, пригласила на него все Ветра, Вьюги, Снега да Морозы. Целый месяц с утра до вечера пели Ветра, завывала вьюга, танцевали Снега и носились по Земле Морозы. А Зимушка от радости расщедрилась: одаривала всех белым жемчугом, лёгкими белыми шубками да шапками, раскидывала всюду белоснежные пуховые шали и скатерти. Пробовал Годовик утихомирить дочь, но не тут-то было. А Зиме и горя мало. Устроила она праздник доселе небывалый. Велела везде ёлки наряжать, хороводы водить, игры играть да песни петь. А ещё подарки друг другу дарить. Ещё прошло два месяца. Устала Зимушка, не милы ей стали вечные гости: Вьюги да Ветра, Морозы да Снега. Наконец вспомнила она наказ отца, да и отправила голубя с письмом к младшей сестре своей, в надежде, что не справится девчонке, и призовёт та на помощь старшую сестру.

А Весна бедовой оказалась. Даже часа не прошло, как собралась она в дорогу и на крыльях голубя прилетела к трону. Проснулась поутру Зимушка, глянь: а на престоле сестрёнка младшая сидит. Не хочет старшая уходить, да и месяц третий ещё не закончился, а Весна не уступает. Долго ещё Зимушка норовила вернуть своё господство, да не тут-то было. Вот, оказывается, почему в феврале дней меньше, чем в другие месяцы.

Весна позвала Солнышко на помощь, снега и льды растопила. Вода ручьями бурными в реки побежала. Деревья ожили. Почки распустились. Леса листочками зазеленели. Зверьё проснулось, птицы запели и начали гнёзда вить да птенцов выводить. Весело в лесу, на лугах. В реках и озёрах тоже жизнь кипит. А Весна прыгает да песни поёт. Где нога её ступит, там цветы появляются. Все радуются.

Скоро сказка сказывается, да и время быстро летит. Так три месяца и прошло. Решила Весна брата младшего на трон позвать. С ним ещё немного поиграть да повеселиться. Только подумала, а брат уже тут как тут. Давно мечтал брат Лето об этом. Решил удивить он всех щедростью. Позвал на помощь и Солнышко, и Дождик, и Радугу, и Туманы. Всё в рост пошло. На лугах – море цветов и трав. На полях и в огородах да садах – хлеба спеют, овощи и фрукты зреют, ягоды соком наливаются. А в лесах растут и травы, и грибы. Пчёлы и осы мёд собирают. А Лето бегаёт по лесам да лугам. Устанет – в речке искупнётся или в озере. Рыбу распугает. Насекомым, птицам, всему живому – раздолье! Всем Лето по нраву!

Забежала как-то к Лету в гости сестрица Осень с Дождями и напомнила: «Что-то долго, братец, ты на троне сидишь, может, пора и мне поцарствовать?!»

Что делать? Пришлось место уступить, помнило Лето наказ отца, слово данное надо держать! И уступило своё место сестре. А Осень – художница, взяла краски да раскрасила все травы и листочки на деревьях. Посмотрела на урожай зерновых, овощей да фруктов и пригласила Людей да Зверей на сбор урожая. Сколько у них было радости. А после трудов отдых полагается. Разыгралась Осень в догонялки с Дождями да Ветрами. Листья они все пообрывали, по лесам да садам бегая. Вспомнила Осень про краски, а все яркие уже закончились, остались только тёмные. Раскрашивала она мир, пока все краски не закончились. А когда не осталось ни одной, посмотрела вокруг и горько-горько заплакала. Всё кругом стало мрачным и некрасивым. Ничего не оставалось, как старшую сестру на помощь звать. И снова пришла пора царствования для Зимушки.

Так и повелось с тех пор: дети Годовика, помня наказ отца, друг за другом царствуют на земле и меняют по-своему что-то в мире природы. Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец, потому как узнал, отчего Времена Года сменяют друг друга.

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

СКАЗКА О ФЕЕ

- 1 -

Творец-художник нарисовал на холсте маленькую красивую Фею. Она была очаровательна, но одинока, и некому было полюбоваться ей, порадоваться её красоте. И тогда Творец сказал Фее: «Я вижу, как трудно тебе одной. Согласна ли ты, чтобы ты нравилась всем, кто будет с тобой рядом? Но для этого я поселю тебя в лес к живущим там зверям и птицам». Фея согласилась с Творцом-художником.

Фея была красивой, у неё было много нарядов. Когда вокруг кружили метели, вьюги, она надевала тёплые белые наряды, которые искрились на солнце, шапочку из снежинок. Когда отступали зимние морозы, она надевала зелёные платья с голубыми кружевами. Звёздочки с неба украшали её платье своими блёстками. Фея танцевала под пение птиц, что радовались приходу весны – времени любви, созерцания. Носила Фея и жёлтые костюмы с оранжевой и перламутровой вышивкой, когда наступала пора очаровательной золотой осени, влюблённая в весь окружающий мир, что создал Творец-художник, и благодарила Творца за его заботу.

Фея была рада, что могла помочь нуждающимся животным: напоить в засуху, накормить, уберечь зверей и птиц от опасности в лесу, в поле, в овраге.

Тёмными ночами Фея отдыхала. Её сладкий сон оберегали птицы и звери, что охотились по ночам, чтобы никто не мог помешать ей сладко спать. Утром Фея умывалась росой и вытиралась полотенцем из листьев, которое она сама выткала. Её сопровождал хоровод птиц, поющих на разные голоса. Фея легко понимала язык каждого зверя и птицы, язык шелеста трав и листьев. Она понимала и шум плеска волн, песни ветра, треск сухих веток и мороза. Фея могла попросить их о помощи, и они благосклонно ей во всём помогали.

Так и жила Фея в единении с живой природой, что дарит всё только светлое и доброе, охраняя и помогая друг другу в любую минуту.

Творец-художник, глядя сверху на мирную душевную жизнь Феи в царстве фауны и флоры, от радости за них посылал им всё больше добра, света и тепла.

Он сказал Фее: «Ты уже освоилась в царстве фауны и флоры. Теперь тебе надо попробовать жить среди людей. Я открою тебе двери в людской мир, где ты найдёшь своё счастье, что называется любовью».

- 2 -

Однажды вечером Фея задержалась на полянке. Было поздно возвращаться к себе домой в лес. Но она не боялась, ведь друзья – птицы и животные охраняли её каждую ночь.

Но вдруг на поляну с другой стороны леса вышел молодой царевич. Он шёл через лес и в сумерках заблудился. Он сделал шаг к Фее, но сокол быстро сел к ней на плечо, широко расправив свои крылья и надув щёки, давая понять принцу, что он защищает её. Царевич сказал: «Не бойтесь меня! Меня зовут Полель¹. Я ничего плохого не сделаю! Я просто не дошёл до своего царства, а уже темнеет». Фея взглядом указала соколу, чтобы он освободил её плечо, и он взлетел на ближайшее дерево. «Я вижу, ты давно ушёл из своего царства и, конечно, проголодался». Фея махнула рукой, и к ней сразу прибежали разные звери, каждый со своим угощением: у белки – орехи, у ёжика – грибы, у зайчика – морковка, у оленя – яблоки... Царевичу показалось, что он съел столько еды, сколько не ел за столом своего дворца. «Спасибо вам за вкусную еду! Я вас тоже приглашаю к себе во дворец. Только сначала надо выйти из этого леса». «Не бойся. Я провожу тебя, – ответила Фея, – но сейчас пора уже отдыхать – наступает ночь. Утром силы будут крепче для твоего пути. Пойдём со мной вон на ту полянку. Там я тебе приготовлю место, где ты поспишь».

Фея и Полель пошли туда с дозорными: птицами и животными. И везде Фею сопровождал ясный сокол – её стражник. Они пришли на поляну, где царевича уже ждал для ночлега шатёр, разукрашенный бисером, узорами из разных тканей. Фея сказала: «Ты будешь ночевать в этом шатре». Но царевич смутился, что он будет там один, и предложил Фее отдохнуть вместе с ним. Фея ответила, что ей надо ещё пройти некоторые места с проверкой, всё ли спокойно в лесу. «Я буду ждать тебя», – сказал Полель.

Когда зажглись на небе первые звёзды, редко, но громко раздавался голос совы. Её поддерживали в переключке волки,

завывающие свои песни. Но это не нагоняло страха на царевича, он понял, что никто из хищников не нападёт на него – они послушны очаровательной, доброй хозяйке леса – Фее. Полель немного взгрустнул о своём доме, что находился далеко от этого шатра. «Как там, в моём царстве – в бесконечной, синей выси, спокойно ли? Утром лесная Фея покажет мне дорогу, и я снова смогу оказаться дома». Он не заметил, как уснул.

- 3 -

А тем временем Фея возвращалась к шатру. Она не могла оставить гостя одного: вдруг он что-то захочет, или ему будет нужна какая-то помощь?

На верхушку шатра спустился сокол. Фея тихо переступила порог и увидела, как спит Полель на мягкой подушке из трав, аромат которых простирался по всему шатру. Она прикрыла его зелёным тёплым покрывалом, сотканным из листьев и цветов различных растений, легла рядом с ним. Ночь прошла тихо и быстро. Утром проснулся Полель в шатре один. «Я всю ночь здесь пробыл в одиночку?» – взволнованно огляделся он и увидел в уголке маленький столик. На нём была тарелка с крупными ягодами клубники и кувшин с чистой родниковой водой. Рядом с кувшином стоял стакан. Он был не стеклянный, а из прозрачного минерала – горного хрусталя. «Это Фея угостила меня!» – радостно подумал он. – Но, где же она сама? – тревожно задумался царевич.

– Я здесь, дорогой гость, – послышался тихий голос Феи. Где-то рядом, казалось, через плечо услышал царевич её отклик. Он обернулся и увидел Фею в лёгком зелёном платье с голубыми воротничком и рукавами. Она улыбнулась: «Доброе утро, царевич! Как прошла ночь, какие сны тебе приснились?»

– Спасибо тебе за гостеприимство! Снился мне дом родной – небо голубое, да отец Сварог². Ждёт он меня домой, волнуется. Как бы ни был дождь и гром – рассердиться может он. А так ночь прошла хорошо.

– Выпил ли ты воды в стакане? – спросила Фея.

– Да, выпил. Медовый вкус у воды этой.

– Это волшебный нектар, придаёт силы тому, кто выпьет его. Значит, силы у тебя прибавилось, чтобы дойти до царства своего. Я провожу тебя.

И пошли они по лесной тропе, которая казалась широкой дорогой, так как травы, деревья и кусты раздвигали листву свою.

Сопровождал их сокол – охранник Феи. Птичий хор придавал хорошее настроение. Ничто и никто не мешали им в пути. Солнце радостно протягивало лучи свои, как бы звало Полею быстрее свершить путь домой.

Но полюбили Фею и Полель друг друга. Не хотелось им расставаться.

Теперь всегда они вместе, неразлучны на горизонте – бесконечном слиянии неба и земли. С тех пор Фею зовут Берегиней³. Продолжает она оберегать всё живое на земле – всю природу.

Примечание:

- ¹ Полель – сын бога неба Сварога (славяно-русская мифология).
- ² Сварог – отец небесный, бог неба (*древне-славянская мифология*);
- ³ Берегиня – великая богиня, охраняющая всё сущее на земле (*древне-славянская мифология*)

г. Нижневартовск, ХМАО-Югра

Григорий ГАЧКЕВИЧ

БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ! НЕ ЗВЕРЕЙ!

цикл стихотворений

К ДЕДУШКЕ

Я поеду в гости к деду,
Как же этого я ждал!
Знаю, что когда приеду,
Будет зоокарнавал!
И такой своей удаче
Очень рад я каждый раз,
Ведь у дедушки на даче
Мир животных - напоказ!

Встретит там меня корова:
«Машка – белые бока»,
И с дороги я парного
Выпью с пенкой молока.
После к кроликам зайду я,
У меня - морковь для них,
В нос их нежно поцелую,
Прочитаю громко стих,

Загляну я к поросётам,
Поприветствую свинью,
А потом воды утятам
В миску медную налью.
Заскочу в курятник шумный,
Петуху скажу: «Привет!»,
Гвалт в курятнике безумный –
Целый день покоя нет!

Ближе к вечеру, качая
На крылечке диск луны,
Сядем с дедом, выпьем чаю
И посмотрим после сны.

РИЧЧИ

Появился в жизни вдруг
Самый настоящий друг!
И наполнился весь дом
Сразу светом и теплом!

Что за друг? – у вас вопрос.
- Это наш любимый пёс!

Он не плачет и не хнычет,-
Только радостно рычит,
А зовут любимца Риччи,
Риччи, Риччи, не молчи!..

Ты полай, дружок, немного,
Чтобы тут из-за угла
Кошка чёрная дорогу
Нам с тобой не перешла.

ЧЕЙ РУЧЕЙ?

Через парк бежал ручей.
Я спросил его: «Ты чей?»
Рассмешил ручей вопрос,
Но ответил он всерьёз:
«Я – не «этих» и не «тех»,
Я – один ручей для ВСЕХ!»

НЕОЖИДАННАЯ ДРУЖБА

Я люблю с котом гулять,
Но бываю не готов
Своего кота понять!
Сложно понимать котов!
Вот увидел я вчера,
Как глаза кота горят,
Ведь над ним, как мошкара,
Воробьёв кружил отряд!
Я продолжу свой рассказ,
Соблюдая весь черёд,
Ведь пытался я как раз
Угадать, что думал кот.

Кот поднял наверх глаза
К воробьиному главе
И по-своему сказал
Его птичьей голове:
«Ну, давай лети ко мне,
Ты, нахальный воробей!
Лишь вверху ты – «на коне»,
Так спускайся, не робей!
Обещаю, по душам
Мы с тобой поговорим!
Ведь нахален я и сам! –
Так что будешь невредим!»

Ошибается здесь тот,
Кто подумал всякий вздор!
Дружит с воробьями кот
Вот как раз с тех самых пор!

ПРОЗРЕНИЕ!

Видя дружбу пса и утки,
Думал я, что это – шутки!
Есть охотник. Есть добыча.
Есть, в конце концов, обычай.

Но однажды пёс признался:
«Как я сильно ошибался!
И в азарте, весь горя,
По болотам бегал зря.

Я решил: мне неохота
Быть охотничьим агентом –
Догонять опять кого-то
И в болото лезть за кем-то.

Всё, теперь мы с уткой дружим –
Вместе даже делим ужин».

ПРОСТАЯ РАДОСТЬ!

Недавно встретился с Собакой,
С ней жили мы в одном дворе,
Собака слыла забиякой
И докучала детворе.
Но бросил я Собаке мячик,
И чудо вдруг произошло! -
Собака прыгает и скачет!
Внутри неё – одно тепло!
Ей не нужна была награда!
Хотелось ей весь мир обнять! –
Была Собака просто рада,
Что с ней решили поиграть!

СОСЕДКАЯ ОВЧАРКА

В нашем дружном дворике
В тихом, светлом домике
Жили по-соседски мы
С шалостями детскими.
Но была серьёзная,
Там собака грозная,
Серая, немецкая,
И совсем не детская.
Прослыла бунтаркою,
Злобною овчаркою,
На балконе лаяла,
Вся от злости таяла!
И боялись строгую
Мы четвероногую,
А ведь в нашем дворике
Жили даже кролики!
Но однажды с ней столкнулась
И ей просто улыбнулась!
Отношения сложились –
Мы с овчаркой подружились!

КЛУБОК СЧАСТЬЯ!

На подушке у окошка,
Словно шерсть в цветных клубках,
Два котёнка, кот и кошка
Дремлют в солнечных лучах!
Наблюдая счастья всходы,
Непонятно мне совсем,
Почему же про невзгоды
Говорят «клубок» проблем?

МОЙ ДРУГ ЖИВЁТ НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

Рядом с норкой суриката
Проживал жираф когда-то.
Дело было в зоопарке,
Где зверушкам скучновато!
И склонив себя к соседу,
Наш жираф повёл беседу,
И в итоге суриката
Пригласил жираф к обеду.
Сурикат не ужаснулся,
А жирафу улыбнулся,
И чтоб было лучше слышно,
Он к жирафу потянулся:
«Пусть ты так пятиэтажен –
Ты - мой друг! И я отважен!
Приглашение принимаю -
В дружбе рост совсем не важен!»

СКАНДАЛ

С бегемотом бегемот
Спорил посреди болот!
Громким был их разговор,
Но не ясен весь «сыр-бор»!
И сказал я им тогда:
«Спор ведёт вас в никуда!
Будь я вами, то скандал
Напоказ не выставлял!
Разберитесь меж собой,
Кто из вас двоих - герой!
Стыдно, если бегемоты
Сор выносят из болота!»

ПОБОЛТАЙТЕ С БЕГЕМОТОМ!

Непонятно почему
Все бегут от бегемота?
Скучно просто одному –
Поболтать ему охота!

КВАРТЕТ

Вот три пингвина: любят петь,
Их голоса звенят, как медь!
А рядом есть еще тюлень,
Поёт он тоже целый день.
Но вдруг пингвины осознав,
Что мал их певческий состав,
К тюленю вместе подошли
И громко все произнесли:
«Хотим сказать тебе: - Ну что ж,
Ты замечательно поёшь,
Но никаких сомнений нет,
Что всем нам выгодней квартет!»

ЧЕСТНЫЕ ПРИЛИПАЛЫ

Далеко не идеалы,
Даже в чём-то паразиты,
Мы - простые прилипалы!
Этим, в общем, знамениты!
Но нет радости нам в этом!
Не желаем жить в обмане!
Мы хотим, как все: с билетом
Плывать в море-океане!

ЯПОНСКИЙ КРАБ-ПАУК

Вы боитесь пауков? -
Зря! Я вовсе не таков!
При своём коварном виде
В бой и в драку не спешу,
Тих, спокоен, безобиден -
Никого не укушу.
По секрету вам признаюсь:
Лишь моллюсками питаюсь.

БОБЁР

Жизнь бобра кипит с утра -
Ведь в плотине есть дыра!
Да и в маленькой норе
Стало тесно детворе!

Наш бобёр – на дело скор!
Лишним будет разговор!
Скажем прямо - он для всех
На все лапы дровосек!

Глянь: за брёвнышком бревно -
Здание возведено!
Хвалят все вокруг бобра
И желают лишь добра!

ТАНЦУЮТ ФЛАМИНГО ФЛАМЕНКО!

Неважно, какого оттенка,
Неважно зимой или летом,
Танцуют фламинго «фламенко»! –
Давайте поддержим их в этом!

КТО ЖЕ НЕ ЛЮБИТ ЦВЕТЫ!

Полагаю, что приматы
Любят розы ароматы!
А, возможно, обезьяны
Любят также и тюльпаны!
Вероятно, им знакомы
И красоты эустомы!
Ведь они не так уж дики,
Значит, знают про гвоздики!
Чтоб не отойти от темы,
К ним добавим хризантемы!
Ведь не могут обезьяны
Только прыгать на лианы!
Я уверен, что примат –
Не бездушный автомат!

МАМУ Я ДЕРЖУ ЗА ХВОСТ

Я - лисёнок! Я расту!
Всё хватаю на лету!
Интересны мне вокруг
Каждый звук и каждый стук!

С мамой я люблю гулять!
Мир животных открывать!
Слушать пенье разных птиц! –
Лес со мной весь без границ!

И хоть мал я, но непрост –
Маму я держу за хвост!
Потеряешься в лесу –
Где потом искать лису?

ОБРАЩЕНИЕ ЛОСИХИ

«Я – простая мать-лосиха!
Не люблю будить я лихо!
И когда двуногих вижу,
Не издам я даже чиха!
Ведь с людьми - неразбериха,
И в лесу одна шумиха!
Может, вас сейчас обижу,
Но прошу, гуляйте тихо!»

ОСА И ПЧЕЛА

У меня возник вопрос:
«Почему не любят ос?»

Ведь они почти, как пчёлы -
Любят мёд и кока-колу.
Та же самая расцветка,
Все - в полоску, а не в клетку!

И в полёте, между прочим,
Ос и пчёл всегда (с испугу)
Различают редко очень,
Часто путая друг с другом.

Что же нам пчела даёт? –
Воск, прополис, сладкий мёд!
Дом родной пчелиный - соты,
А от ос - одни заботы.

Но природа говорит:
Дорог каждый род и вид...

КЛЮЧИ К ФЛАМИНГО!

Фламинго – это чудо-птицы!
Какой-то нереальный шик!
Такое даже не приснится!
Они - рассвета нежный лик!
Когда же видишь, как их шеи
Соприкасаются в воде,
То понимаешь всё яснее,
Такое встретишь не везде!
А клювы розовых фламинго –
Ключи к их розовым сердцам!
И я кричу им: «Браво! Бинго!» -
Такие чувства всем бы нам!

ЕХИДНА

Австралийская ехидна,
Не смотри на нас ехидно!
С нами ты поговори,
Ведь ты добрая внутри!
И хоть ты холоднокровна,
Есть тепло в тебе, бесспорно!

ОБЫКНОВЕННАЯ АГАМА

Противница любого гама -
Обыкновенная агама.

Начнёте вы шуметь хоть раз -
Агама сменит вмиг окрас
И растворится между веток,
Чтоб защитить себя и деток.

О ПРИЧЁСКЕ И О ДОБРОМ СЛОВЕ

Решив постричься, Белый Мишка
Зашёл в арктический салон,
«Какая в моде нынче стрижка?» -
Спросил на входе сразу он.

«Зависит всё от вкусов ваших!» -
Ответил Мастер-Горностаёй.
«Диапазон причёсок наших
Широк! - Любую выбирай!»

Медведь ответил Горностаю:
«Меня устроит выбор ваш,
Свою Вам стрижку доверяю,
Мне надоел уж мой «шалаш!»

Но, через час, взглянув на льдину,
Она была вместо зеркал,
Медведь взревел, салон покинув,
И на ходу всё повторял:

«От парикмахера - прохвоста
Достался мне культурный шок! -
Но в снег зарыться мне не просто,
Как страус прячется в песок!»

Услышав это, Росомаха
Сказала Мишке: «В чём вопрос?!
Не вижу, где - причина страха!
Отставить рёв и выше нос!»

И продолжала Росомаха:
«Идёт причёска Вам весьма!

А ваша белая рубаха
Сведёт любого здесь с ума!»

Наш Мишка этим впечатлённый
Умчал в арктическую тишь!
Ведь добрым словом окрылённый,
Как птица, сразу ты летишь!

ЯПОНСКИЕ МАКАКИ

Мы, японские макаки,
Ненавидим шум и драки!

Мы совсем не агрессивны -
Лишь немного экспрессивны.

Так что знайте – это враки,
Что мы, дескать, непослушны -
Мы прилежные макаки -
И наивны, и радушны!

НЕ ЗВЕРЕЙТЕ 1-го АПРЕЛЯ! И В ОСТАЛЬНЫЕ ДНИ ТОЖЕ!

Кто говорил, что праздник смеха
Всегда лишь для одних людей?
Инстинкт животный – не помеха!
Полезен смех и для зверей!
Не то, чтоб я уж всех мудрее,
Но я скажу от нас, зверей:
«Будь, человек, ко всем добрее!
Будь человеком, не зверей!»

Молдова, Кишинёв

Ольга ГУБИНА

ЛУЖИ

Какие же разные лужи –
Есть широкие, есть поглубже,
Есть весёлые, озорные,
Есть ленивые – неживые.
Ах, как весело мерить лужи;
Эта шире, а эта – уже,
Вот глубокая и не очень...
Та – сугроб ручейками точит.
Эта кошкою дремлет под солнцем,
А вот лужа с хрустальным оконцем.
Лужа в радуге, лужа в печали...
Две похожие встретишь едва – ли.
Целый день у Серёжи работа,
Луже все обойти, вот забота.
Они разные и волшебные
Эти лужи холодно-нежные.

* * *

Золотистый тёплый луч
Убежал из серых туч,
Отразился в лужице,
Что под солнцем жмурится.
Покружился с ручейком,
Постучался к Маше в дом,
Поиграл с котёнком,
С солнечным зайчонком.
Нос щенку пощекотал
И за тучки убежал.
Убежал к себе домой
Тонкий лучик золотой.

Я СКАЖУ ВАМ ПО СЕКРЕТУ

Я скажу вам по секрету:
Надо верить в чудеса.
Чтоб бродить по белу свету,
И смотреть во все глаза.
Чудеса – они ведь рядом,
Только видеть их умей.
Они ждут тебя и верят,
Что откроешь ты им дверь.
Чудеса с тобою рядом,
Ты их просто позови,
Буква к букве – будет фраза,
В книгу просто загляни.
Книга – есть та дверца в чудо,
Только научись читать.
Далеко ходить не надо,
Просто книгу с полки взять.
Коль читать ты научился,
Чудо рядом навсегда.
Мир откроется волшебный,
Яркой радугой маня.
С книгой облетишь полмира,
Сидя дома у окна.
Ты узнаешь очень много
Про пустыни и моря.
Я скажу вам по секрету:
Надо верить в чудеса.
Чудеса живут на свете
Для тебя и для меня.

г. Ялуторовск, Тюменская область, 2021

Татьяна АНДРИЯНОВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Заиграл несмело дождь,
Что играет – не поймёшь.
Нота «до» да нота «си».
Дождь, сильнее мороси.

Пусть звучат лишь ноты «до»,
Им земля даёт добро.
А за «до» звучит пусть «ре» -
Нужен дождик на заре.

У травы макушки вниз.
Нам без «ми» не обойтись.
Будут ноты «фа» и «соль»,
Значит, вырастет фасоль.

А про ноты «ля» и «си»
У огурчиков спроси.
Веселее, дождь, играй,
На все ноты нажимай.

Заводи весёлый круг,
Ты же лету лучший друг.
Если громко будешь петь,
Будет травка зеленеть.

Будут радовать цветы,
Зеленеть будут листья.
Ты деревьям давний друг,
Поливай щедрей вокруг!

МИШКА И МЫШКА

Подарили Мишке мышку,
Шкурка –
тёплый серый цвет.

Мышке хочется на вышку,
Но у Мишки вышки нет.

Он берёт её на праздник,
Ставит рядышком с собой.
Все ребята Мишку дразнят
И смеются:

«Ты ж большой!»

Только Мишка их не слышит,
Лечит мышку он с утра.
Проверяет,

как та дышит

Да как ножка зажила.

Ляжет Мишка

вместе с мышкой

И прижмёт её к щеке.

Просто нынче так уж вышло,
Мама где-то вдалеке.

Шкурка

тёплая у мышки,

Словно мамина рука.

Мишка голос мамин слышит

И: «Привет!»

издалека.

ОБИДЕЛ МАМУ

Вчера маму я обидел,
Дружок Вася это видел.
Твердила мама: «Не ходи!
Большая лужа впереди!»

Но ей ответил: «Ну и пусть!
Совсем я лужи не боюсь!» -
И вот бегу я впереди:
«Мама, мамочка, смотри!»

Только лужа подвела,
Она скользкою была.
Брызги в стороны летят,
Запачкать мамочку хотят.

А меня из этой лужи
Тянет мамочка «за уши».
Не ругалась, не кричала,
Огорчённая, молчала.

Вася слова не сказал.
Головою покачал,
Развернулся и ушёл.
Понял я: нехорошо.

Мама –
друг наш самый лучший,
Нас плохому не научит.

г. Заводоуковск, Тюменская область

Татьяна ЛАПИНА

САМОЛЁТ

Белая дорожка,
В небе самолёт.
Козырёк – ладошка,
Я гляжу вперёд.

Может он мне снится –
Этот самолёт?
Крылья, как у птицы,
Взлёт, посадка, взлёт.

Если захочу я
К бабушке своей,
С мамой полечу я
Выше гор, морей.

В самолёт по трапу
Быстро мы спешим,
Поцелую папу,
Скоро полетим!

Я глаза закрою,
Богу помолюсь,
Маму, сжав рукою:
«Я чуть-чуть боюсь».

Самолёт качнётся,
Побежит вперёд,
Шасси оторвётся
И начнёт полёт.

Я укроюсь пледом,
Погляжу в окошко,
Остаётся следом
Белая дорожка.

ПЕРВОМАЙ

Сегодня первомай,
Идём мы на парад.
С утра скорей вставай,
И занимай свой ряд.

Колонною идёт
Трудящихся отряд.
И знамя в такт плывёт,
Здесь каждый горд и рад.

У папы на плече,
Мне весело сидеть.
И в солнечном луче,
Сквозь шар на мир смотреть.

Я это вспоминал...
Сегодня первомай –
Река. Шашлык. Мангал.
На дачу поезжай.

Такой обычный день,
И праздника уж нет,
Трудиться нам не лень,
Из прошлого привет.

Тюмень, 2021

О ЛЮДИ!
ЖАЛКИЙ РОД,
ДОСТОЙНЫЙ СЛЁЗ И
СМЕХА!

Светлана ТИТОВА*

УЛЁТНЫЕ УСЛУГИ

рассказ

В аэропорт Рощино города Тюмени к ночному рейсу я прибыл заранее к трём часам ночи. Настроение у меня было бодрое, дорога предстояла длинная.

- Как приятно быть транзитным пассажиром, - думал я, вылетая на Москву и радостно мечтая о встрече с Краснодаром, с его ярким солнцем и тёплой весной.

Самолёты известной авиакомпании даже в период мировой пандемии не имеют ни одного пустого места в салоне лайнеров, вылетают упакованные, с пассажирами на борту не менее 200 человек. Билеты продаются за «недорого», потому компания считает неиспользованные билеты невозвратными.

По возвращении, прикинув в уме цену за билеты за один рейс, я в итоге получил приятную для экономиста сумму – около 2 миллионов рублей и, порадовавшись за хозяина компании, пошёл выпить кофе во Внуковской «Шоколаднице».

Вернувшись к стойке, указанной на табло при входе, я понял, что место регистрации для вылета из Москвы сменили с 10 на 16 стойку, и, не торопясь, поплёлся в другой конец аэропорта, рассматривая пассажиров, мирно спящих в креслах. Интересно, а кто-нибудь из них догадался, что место посадки изменили? Объявлений никаких ведь не было?!

У 16 стойки между тем собрался народ, около двухсот человек. Многие мчались вслед за мною через длинное здание аэровокзала, перепуганные неожиданным засекреченным известием – в виде электронной записи над выходом 10 о смене стойки регистрации, а затем, запыхавшись, валились на лавки, пытаясь отдышаться. Когда до вылета осталось не более 20 минут, началась пред посадочная суета. Быстро поделив 20 минут на 200 пассажиров, я понял, что дисциплина и скорость движения к самолёту теперь - главное для каждого из улетающих. Перефразировав знаменитую реплику от Ильфа и Петрова, я глубокомысленно констатировал:

- Спасение улетающих – дело рук самих улетающих!
- Молодой человек, не торопитесь, ждем ВИКТОРИЮ. Через несколько секунд появилась Виктория, по выражению лица

которой присутствующие сразу догадались: кто именно будет раздавать пассажирам команды.

Виктория одним движением определила на центральной точке перед стойкой посадки две высокие металлические конструкции с маленьким железным ящичком посередине и, ткнув пальцем в железную шкатулку, объявила:

- Помещаем ручную кладь сюда! Негабаритный багаж оплачиваем дополнительно! Затем победоносно подняла над головой Модуль Кассу.

- Полторы тысячи рублей за один килограмм негабаритного груза, оплачиваем немедленно!

Глянув на продемонстрированную Викторией металлическую коробочку с плотной крышкой, я вдруг с ужасом понял, что мои итальянские ботинки 45 размера, парадная белая рубашка для конференции с алюминиевой вешалкой, а главное, флешка, купленная жене в аэропорту – все это аккуратно было уложено мною в удобную миниатюрную сумку для ручной клади, но в указанную циничной Викторией железную шкатулку она не помещалась, и я попробовал, вежливо улыбаясь напомнить, что я транзитный пассажир и лечу с севера на юг. Виктория бросила на меня вызывающе презрительный взгляд:

- Не мешайте работать, отойдите в сторону, молодой человек! Ваши вещи сюда не поместятся, - она ткнула пальцем в демонстрационный предмет и коротко заключила:

- Ожидайте полицию!

Опешив от неожиданности, я отошёл в сторону; вслед за мной, скользя по мраморному полу, легко полетела позабытая дорожная сумка, ловко откинута в мою сторону носком ботинка Виктории.

За мною, в очереди, оказалась девочка-подросток. Она мечтательно и кротко улыбалась, удерживая расписной костюм артиста, по всей вероятности, приготовленный для выступления на этом самом международном конкурсе, чья эмблема послушно болталась на тоненькой шее подростка. Заботливо удерживая вешалку на вытянутой руке, девочка недоуменно присоединилась к «негабаритной команде».

Ящик Пандоры продолжал отказывать пассажирам и закрывался, а потому число «друзей по несчастью» стремительно прибывало. Таким образом, команда транзитных пассажиров подрастала, неумолимо увеличиваясь на глазах, а время на посадку стремительно таяло. Рассуждая про себя как экономист, я понял,

что к несчастным пассажирам компания посылает специально обученный персонал, хорошо подготовленный авиа-спецназ компании «Победа», в задачу которого входит содрать с пассажиров с негабаритным грузом стоимость ещё хотя бы одного билета, кому повезёт – половину стоимости авиабилета. Такой изысканный маркетинговый ход был изобретён для того, чтобы максимально увеличить прибыль за оказываемые компанией авиа-услуги.

- Так вот почему компания выставляет низкие цены за билеты! – вдруг воскликнул рядом стоящий очень догадливый и совсем «негабаритный» пассажир.

Я пристально всмотрелся в лица растерзанных и уставших от дороги, вымотанных суетой пассажиров, которые смиренно оплачивали дополнительно к билету стоимость ручной клади. Я заметил, что из ручной клади поминутно достаются билеты, паспорта, очки, таблетки и всё, что требуется человеку в дороге, все эти предметы небрежно возвращаются в сумки и, похоже, совсем не подлежат компрессорному сдавливанию. Давайте попробуем виртуально упаковать минимальный набор дорожных вещей для путешествующего с Севера на Юг пассажира в допустимые авиакомпанией «Победа» габаритные нормы «ящичка Пандоры», так мы мгновенно постигнем, откуда обеспечивается дополнительный подрастающий на взлёте доход победной авиакомпании.

Вот сегодня, 21 марта 2021 года, XXI века, особенно не повезло Милой девушке, которая помимо авиабилета ответственно оплатила жестокой Викторией дополнительные деньги за свой милый солнечный чемоданчик на игрушечных колёсиках. Совсем неожиданно Милая девушка узнала, что за время взвешивания, просчёта дополнительной задолженности и оплаты долга компании «Победа», при одномоментной борьбе с другими пассажирами, рейс Милой девушки благополучно улетел другим самолётом от совсем другой компании - ЮТэйр, которая организовано, вежливо и быстро закончила посадку пассажиров у соседней стойки.

Милая девушка среди суеты и криков пострадавших пассажиров так и не расслышала тщетных приглашений на борт рядом вылетающего самолёта. А смелая Виктория от лица авиакомпании, мужественно сражаясь за изъятие денежных средств по «негабаритному грузу» пассажиров, лихо изъяла деньги у Милой девушки из другого рейса, окончательно лишив её

возможности продолжить транзитный полёт. И пока Милая девушка безутешно рыдала, прижавшись к своему солнечному чемоданчику, перепуганные «негабаритные» пассажиры в испуге побросав свои неправильно организованные сумки с личными вещами, весом в 5 кг, стремглав рванули в самолёт.

В свою очередь, какая-то часть потерянных и безнадежно отставших пассажиров компании «Победа» продолжала метаться от 10 выхода к 16, не понимая сути фокуса с постоянно меняющейся на табло информации о посадке на рейс 157 «Москва-Краснодар»: эти изменения намеренно не оглашались вслух. Вскоре пассажиры услышали, что посадка завершена.

Пассажиры, не умеющие быстро бегать и внимательно изучать смену информации на электронном табло, послушно отправились приобретать новые билеты компании «Победа», поскольку ранее купленные дешёвые билеты вернуть у компании не представлялось возможным!

Мощная, уже сплочённая многочасовым ожиданием толпа измученных людей, услышав объявление о завершённой посадке на многострадальный 157 рейс, тесно сомкнув ряды, смело и монолитно протиснулась мимо регистрационной стойки. Измученные пассажиры давно устали трясущимися руками показывать друг другу личные вещи, весом в 5 кг. Ловкая Виктория, суть функциональных обязанностей которой стала теперь очевидна для каждого из присутствующих, лихо принимала дополнительные сборы средств с растерянных и опаздывающих пассажиров. Смело разрезая своим стройным и сильным телом толпу из предварительно запуганных воспоминаниями о полиции пассажиров, проводница настойчиво требовала раскрыть сумки, вернуть чужую косметичку или дополнительно рассчитаться с компанией, понести дополнительное наказание.

Судя по развиваемой спецназом компании «Победа» активности, я понял, что именно такой хищный маркетинг и приносит компании плановую прибыль. В результате, моя сумка, с вещами и обувью для переезда с Севера на Юг, перекочевала к мусорному баку и осталась в нём навсегда, равно, как и межсезонные вещи других пассажиров, отчаявшихся их сохранить. Облегченных и опаздывающих пассажиров монолитная соединённость легко и быстро внесла в автобус, затем - в самолёт.

Да, борьба за извлечение денежных средств из карманов пассажиров развернулась настолько горячо, а специально обученная Виктория так неистово «лютовала», что перепуганные

пассажиры послушно бросали ручную кладь под громкие рыдания девушки, оплатившей вещи и компании ЮТэйр, и компании «Победа».

Виктория победно огляделась вокруг и громогласно захохотала в ответ на вопрос удаляющегося пассажира:

- Как Ваша фамилия - а?

Ворвавшись в самолёт, пассажиры облегчённо вздохнули и осмотрелись: негнибаемые и предельно компактные кресла нового лайнера компании «Победа» настолько были близки, что пассажиры в креслах напоминали замурованных селёдок в голландской бочке, но не респектабельных граждан страны, смело победившей пандемию.

Шевелиться в кресле, не потревожив соседа, не удавалось, тем более - подняться и пройти в туалетную комнату.

- А как же социальная дистанция? – тоскливо подумал я. Сидя в тесном кресле, я вдруг вспомнил, что помимо белья, тапочек и туфель, что так предательски не позволили крышке кубика закрыться и прижаться к основанию, внутри остались ключи от квартиры, предметы личной гигиены, очень дорогая и важная для меня деталь...

И вдруг я почувствовал себя таким униженным и оскорбленным, таким обиженным и обворованным, что несказанно разозлился на бодрый голос мужчины из динамиков самолёта, рассказывающем о количестве штрафных санкций: за нарушение 250 тысяч, за употребление...

Покупатели «улётных услуг» испытали вторую волну культурного шока. Я вспомнил, что в сумке осталась моя защитная маска, которыми уже в автобусе снабдили пострадавших «негабаритных» страдающие им пассажиры. С горечью подумалось, что можно было бы обученный спецназ компании «Победа» нацелить на услуги, которые обеспечат комфорт пассажирам, а не на организованное уничтожение здоровья людей.

В конце полёта всё тот же бодрый мужской голос предложил пассажирам самостоятельно все убрать за собой. Затем напомнил, что приятный полёт подошёл к концу. Пассажиры мгновенно откликнулись и ответственно помогли убрать салон.

Тюмень-Москва-Краснодар, 2021

* Пока верстался номер альманаха...

7 сентября 2021 года на 59 году... ушла из жизни член Союза российских писателей – Светлана Викторовна Титова, светлая память писателю...

ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ!

Галина ФЛЕГЕНТОВА/Галина ШПРИНГЕР

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

романс

Памяти Анатолия Рамеха

Слезой печаль из глаз катилась,
Свеча оплавилась, сгорев,
**Ушёл, не завершив мотива,
Ушёл, не завершив мотива,
Последней ноты, не допев!**
Среди зимы расстелен саван,
Аккордом мощным рваных вьюг,
**Зачем? Твердить не перестану...
Зачем? Твердить не перестану
Ушёл... Покинул добрый друг.**
Душа ещё кричит и стонет!
Так голос твой в сердцах звенел...
**А стылый ветер тучи гонит...
А стылый ветер тучи гонит,
И в небе Ангел твой запел...**

*** * ***

Боль паутинкой развесила сети,
Душа не умело, попалась в силки.
Любовь, ускользя, ударила плетью,
И зимнею ночью так мысли горьки.
Строфу написала печалью и грустью,
И снова бемоли, скатилась слеза,
Минорные ноты, горечь отпустим...
Туманные дали, да снег-бирюза...

Тюменская область, ХМАО-Югра, п.г.т. Приобье

ТЮМЕНЬ, ТЫ – РОДИНА МОЯ!

На юге нашей Западной Сибири,
Среди лесов, полей и деревень,
Становится всё краше, выше, шире
Наш славный город, город наш Тюмень.

Я здесь живу и вырос я в Тюмени,
Здесь я учился, здесь мои друзья.
Не испытал смущения ни тени,
Скажу: «Тюмень, ты - Родина моя!»

Куда бы ни пришлось нам всем поехать,
И где бы не пришлось нам побывать,
Спешим назад и делимся успехом.
Мы здесь друзьями встретимся опять.

А город вновь торопится с рассветом
Навстречу солнцу, утренней заре,
Благодарит нас всех своим приветом
И радуется новой детворе.

Всем сердцем влюблены в цветущий город,
В жару иль стужу, в дождь или снега
Душе тревожной будет вечно дорог,
Сюда влекут родные берега.

Здесь над рекой Турой бродяга ветер
Несёт колоколов церковный звон.
Нет лучше в мире города на свете,
В котором был когда-то я рождён!

г. Тюмень

Здравствуй,
племя младое,
незнакомое

Юлиана ОВЧИННИКОВА

МГНОВЕНИЕ

Наш мир живёт одним мгновеньем
И не задумываясь впрок...
Как рушится природы рвенье
И каждый жизненный росток.

ВОДА

Вода – бесценный в мире дар,
Для всех целительный нектар!
Она во всём: роса небес,
Поля, луга, трава и лес.
Вода бывает в виде льда,
Как искромётная звезда.
Бывает паром проплывёт
И незаметно пропадёт.
Вдруг, станет лёгкой, словно газ,
Помчится к небу, в тот же час.
Слегка порадует дождём
И вновь утихнет новым днём.
Когда водица бьёт ключом,
Хрусталь бежит в ручье живом.
Чтоб вкус и сладость испытать,
Природу важно охранять!

* * *

Люблю я лес, люблю просторы,
Люблю изысканные горы,
И свежесть утра, и прохладу,
Природа лучшая отрада!

ОСЕНЬ СТОИТ НА ПОРОГЕ

Осень стоит на пороге
В двери стучится дождём.
Знает, откроем в народе
Мы календарь сентябрём.
Хмурые наши страницы
Вновь занесёт всё листвою,
Летние дружные птицы
Стаей умчатся домой.

СОМНЕНИЯ

Прощай, позабуди и больше не жди,
Все разговоры с тобою умолкли.
Тебе нужно твёрдо стоять на пути,
А не искать в стоге сена иголки.
Зачем оправданья, колкие фразы,
Напрасные мысли бегут чередой.
Мы больше не верим в наши рассказы,
Лишь чувства бушуют, как мрачный прибор.
Сомнения гложут, в умах расставанье,
Но в сердце не гаснет любви огонёк.
Он выдержит стойко, будут свиданья,
Любовь заискрит, зацветёт вновь цветок!

* * *

Закрой глаза. Прислушайся. Одно мгновенье.
Волна о берег бьётся, словно притяженье.
И солнца луч теплом коснётся сладостно,
Окутав утренней зарёй небесно-благостно.

г. Ялуторовск, Тюменская область

Вера МАРТЫНОВА

КОРОБКА

Вокруг меня четыре стены,
За ними спокойно, тепло и уютно.
А там за стеной, есть другие миры,
Но я не хочу их видеть, «как будто».
Вокруг меня только тишь да гладь.
Не вижу укоров и злобных взглядов,
Вокруг меня темноты благодать,
Она точно знает, что здесь ей рады.
Вокруг меня жизнь бежит и кипит,
Проносится мимо, как поезд скорый.
А я уже плакать готов навзрыд,
Чужие подслушивая разговоры.
Я робко рукою стены коснусь,
Боясь, что увидят меня хоть немножко.
Но буду надеяться, время пройдет,
И я из коробки открою окошко.

КАЙФ

Раскалённым змеем ползёт по жилам,
Упиваясь властью, даруя силу.
А взамен он просит уже с порога,
Лишь семью да счастье, да любви немного.
Лишь друзей, работу, да чуть-чуть здоровья,
Ты ж не сдох в субботу, обливаясь кровью.
Так давай! Вдохни! Снова кайфа дозу
Пусть живёт, бурлит, обжигает мозг он.
Заберёт пусть всё, лишь бы жить как прежде
Лишь в своём бреде, позабыв надежды.

* * *

Смотрю на твоё тело в формалине,
Истерзанное, битое, убогое.
Хоть на двоих одно лицо и имя,
Но только в чёрном списке вновь у Бога я.
Она победы не желала никогда,
Хотя её нещадно изводили.
Смотрю и задаю себе вопрос.
За что? И почему её убили?

Поправлю ворот свитера колючего
И в хвост высокий собирая волосы,
Я непривычно низкого, скрипучего
Вдруг испугаюсь собственного голоса.
До боли выдохну, боясь разоблачения,
Но я тебя сильнее, я всё выдержу.
Хотя бывают в жизни исключения,
На сердце как девиз я это вырежу.
Пусть вокруг лишь боль и лицемерие
Я эту жизнь смакую не спеша.
Не помню слов: любовь, тепло, доверие,
А в формалине «спит» моя душа.

* * *

В голове пустота –
Ветер ищет сбежавшие мысли.
Всё не то, я не та
И сомненья как грозди повисли.
Я срываю одну
И давлю, упиваясь её ароматом.
Даже если ко дну,
Не жалей и не думай, не надо.

* * *

Здесь каждый сам для себя решает
Что предложить вам? Яда иль чая?
Хлебом и солью встречать от души
Или вонзять в спину ножи.
Друг или враг здесь, ты не поймёшь
За маской счастливой скрывается ложь.
Вдребезги сердце, но не подам виду,
Что затаил на кого-то обиду.
Так вот устроен мир наш, увы,
В том виноваты, конечно же, мы.
Сами за лестью и лживой улыбкой
Скрываем боль, совершаем ошибки.
Другим все равно, хоть смейся, хоть плач,
Кто выглядел добрым, на деле палач.
Когда предаст друг, незнакомец поддержит,
И мир вокруг нас не будет уж прежним.

МАМЕ

Тебя нет, а жизнь продолжается
И всё так же кружится земля.
Вон, смотри, твои внуки купаются.
В октябре убежав на моря.
Ты с небес на нас смотришь, конечно,
Улыбаясь и щуря глаза.
И тихонечко ветром прошепчешь
«Ох, Димулечка! Ну, стрекоза!»
Ты в закате мне видишься тёплом,
И опять замирает душа.
Тебя нет, только как мне смириться,
Что так рано от нас ты ушла.

* * *

Искала... Долго-долго
Как ту иголку
В стогу запрятанную.
Писала...
Много-много
Да всё без толку
Листы лишь пятнами.
Скучала...
Сильно – сильно
В ногах сидела
Собакой битую.
Прощала...
Часто-часто
Да больше сил нет
Мне жить обидами.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой родной, засыпай
Баюшки, баюшки, бай.
Не от взрывов трясёт старый дом,
Просто на улице гром.
Спи, мой любимый, усни
Будут счастливые дни.
Это не плач матерей,
Это поёт соловей.
Спи, засыпай, мой родной
Я, всегда рядом с тобой
Это не топот сапог,
Просто так шутит Бог.

г. Ялуторовск, Тюменская область

Александр ТКАЧЕНКО/Артур ТОМСКИЙ

ЧЕЛОВЕКУ

как ни стремительна перед тобой река,
а отражение не в силах унести
как ни блажаты помыслы пока
мощёные закрыты в ад пути
и ты не знаешь, что ещё сумеешь
необходимо в этой жадной зной,
чтоб не пренебрегла тобою смерть,
и, чтобы ад не пренебрёг тобой

ЭТЮД 27

не говори «всегда» и «никогда»,
не верь взахлёб и не клянись безверьем,
не тщись годами, ведь года – вода,
не знать, кому из нас на выход первым

давай займы и не проси назад,
все отдадут, не серебром так честью
и, если прав и смел – смотри в глаза,
не упивайся мезтью или лезтью

хороший в жизни получил урок?
чуть не сорвался, но прошёл по краю?
порадуйся, что выдержал и смог,
дешёвыми такие не бывают...

не новый день подарит миражи,
кому-то манны, а кому-то града,
кому-то быть над пропастью во ржи,
кому-то в пропасть падать, падать, падать...

ВО ТЬМЕ

верлибр

настоящую тьму увидеть невозможно
даже при помощи фонаря
эту тьму не разглядеть никак
даже с фонарём
прискорбный случай
можно только слушать вой собак...
можно, только ты его не слушай
и остынь к награде и кнуту
пей надежду чаще, чем обиду,
если ты не видишь темноту
значит и она тебя не видит
(или не показывает виду)

УШЕДШЕМУ

не раскалённый добела,
ни сыт, ни сед,
не омертвевший, как зола,
за столько лет
не бит ни молью, ни судьбой,
меж сотен лиц
ты не бросал себя в отбой,
не падал ниц

и если карта била в масть,
а фарт - расчёт,
мог сунуться хоть чёрту в пасть,
лишь был бы чёрт
всё отдавал, своим, чужим,
кому ещё,

гранитом стали миражи,
не ровен счёт
и вроде жизнь ещё могла
оставить след –
не раскалённый добела,
ни сыт, ни сед.

КАРЛСОН

Карлсон всё тот же мужчина в расцвете сил,
тот же проказник, пройдоха,
на выдумки скор,
тот же чудаков-обаяшка, задорен и мил.
В прошлую среду на пиво заглядывал Тор.

Домик на крыше
лет десять уже как снесли.
Дали однушку. На первом. И окна во двор.
Типа – года, чтоб не так далеко от земли.
В прошлую среду на пиво заглядывал Тор.

Карлсон всё тот же мужчина в расцвете лет,
правда бывает, чуть-чуть барахлит мотор,
всё остальное в порядке, да что там наглеть –
даже седин не прибавилось
в бороду с тех ещё пор.

Да, борода, это тот ещё ужас и грех,
раз залетал к Малышу,
но ошибся окном,
там мужичина, ревнивый, чеченец ли, грек...
Шрамы зажили не быстро
и криво притом.

У Малыша все заботы – работа, семья,
трое детей хоть кому, а добавят хлопот,
да и жена его, Хизер, такая змея,
лишь на порог ты –
за шиворот и от ворот.

А в одиночку, скажу вам, не весело пить,
нужен хоть кто-то,
слегка поддержать разговор.
Город – всё больше, а пусто, как в дикой степи.
Ладно, хоть в прошлую среду заглядывал Тор.

Был на могилке у Фрёкен,
тюльпаны цветут.
Чуть прополол. Всю оградку завило плющом.
Долго ли коротко, но остановимся тут.
Где-то поблизости.
Знать бы лишь сколько ещё.

Нет сигареты и ноль алкоголя в крови,
нужно хоть завтра
успеть в магазин за углом,
Тора плакат на стене не забыть обновить,
выцвел дружок и заляпан дешёвым бухлом.

Книжек сейчас не читают – смартфоны,
Ютуб,
где там отвлечься
для жёлтых и пыльных страниц.
Образ героя теперь примитивен и груб.
Время,
как голубь подбитый, пикирует ниц.

г. Тюмень

Надежда КУДИНОВА

ВЕСНА

Разлилась весна каплейю
По оврагам и лесам,
Птицы меряются трелью,
Щебеча то тут, то там.

Залихватский звон пернатых
Льётся звучною волной.
Скоро тень сугробов мятых
Смоет новую весной.

Заиграет зелень краской –
Сочной, свежей, молодой,
Снова лес волшебной сказкой
Манит чудной бахромой.

Рад народ весне-веснушке,
Он оттаял, забодрел,
Оголил свои макушки,
Лёгкий свой наряд надел.

Вновь весна нам улыбнулась,
Одарив своим теплом.
Ведь она от сна очнулась,
Заглянула в каждый дом.

Постучалась осторожно,
Подослав свою капель.
«Нам принять тебя не сложно,
В гости залетай, апрель!».

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

Чуть слышно музыка играла,
В весеннем парке ночь плыла,
Сквозь хвойный стан луна сияла,
И пара, не спеша, брела.

Цветным узором россыпь звёзд
Ночное небо украшала,
А на пути влюблённых – мост,
Морской волной та ночь играла.

В небесном зареве украдкой
И в плеске ледяной воды,
Сверкнув пятном на ряби гладкой,
Ночь осветил полёт звезды.

Влюблённые в очарованье...
Взор приковала та звезда.
В глазах горят огни желанья:
«Мы будем вместе... Навсегда!».

Влечёт красой небесная среда,
Сполна любовным чувством насыщаясь,
Горит в ночи счастливая звезда,
В бездонной глади моря отражаясь.

Я ХОЧУ ПОДАРИТЬ ТЕБЕ...

Я хочу подарить тебе нежность!
И огонь своей чистой любви.
Внешне я такая ж, как прежде,
Изменилась я только внутри.
Я хочу подарить тебе счастье!

Хоть кусочек, хоть всё забирай!
Чтоб не ведал ты в жизни ненастья,
А вокруг обитал только Рай!
Я хочу подарить тебе чудо!
И, взглянув в глубину твоих глаз,
Создавать новый мир я буду
Для тебя. Для меня.
Мир для нас!

БОЖЕСТВА ВИДЕНЬЕ

Создам я радужный узор,
Вплету кистей жемчужных нити.
К душе мне ближе лад мажор,
Минор здесь даже не ищите.
Здесь красок ярких манит цвет,
Ажурных кладезей сплетенье.
Узор тот излучает свет,
Как будто Божества виденье.

У птиц здесь лёгкое крыло,
Они летят бесшумной стаей.
От счастья сердце замерло,
В душе зерном произрастая.
Здесь волшебство лесных чудес,
Простор полей и звёзд сиянье.
Чарует красота небес
Великолепностью сознание.

О, как узор прекрасен мой!
Он притягателен и ярок!
Всплеснёт заманчивой волной.
Всё это вам, друзья, в подарок!

МАСКАРАД КРАСОК

БЕЛЫЕ ромашки,
КРАСНЫЙ – мака цвет.
РЫЖИЕ кудряшки,
РОЗОВЫЙ рассвет.

ЖЁЛТЫЙ одуванчик
В ЗЕЛЕНИ лесной.
Рос под СИНИМ небом
Колос ЗОЛОТОЙ.

КАРИЕ глазницы,
Сумочка – БОРДО.
СЕРЕБРОМ искрится
Новое манто.

И платок ЛИЛОВЫЙ,
Цвет шарфа – СИРЕНЬ.
Зонтик БИРЮЗОВЫЙ,
ЧЁРНОЙ краской тень.

ПЁСТРЫЙ цвет в картине,
БРОНЗОВЫЙ металл.
Цвет ОГНЯ – в камине,
СОЛНЕЧНЫЙ кристалл.

Все оттенки цвета
Радужно блестят –
Будто кружит где-то
КРАСОК маскарад!

г. Ялуторовск, Тюменская область

Полина ИВЛЕВА

КРАСКИ

В двенадцать мы рисуем жёлтым:
Нам в комнату пробрался луч,
В саду летает фея-пчёлка,
И мир по-прежнему могуч.

В семнадцать мы рисуем красным:
И кисть пошире и размах,
И всё нам кажется прекрасным,
И мат, и бесконечный шах.

Когда нам двадцать мы бросаем
И кисть, и краски под кровать,
Холсты мы кофе заливаем,
Теперь нам нечего терять.

Потом чрез лет так эдак восемь
Мы их нечаянно найдем,
А за окном бунтует осень,
И нам бы мокнуть под дождём.

Но краски не дают покоя,
И хочется начать с нуля...
Ну что, ну что опять такое?
Вертись, кружись, люби, Земля!

И кисть потоньше, как иголку
Берём и линию ведём,
В размахе, помним, мало толку –
Другой дорогой мы пойдём.

Зелёный, синий – всё смешалось,
Желтеет солнце вдалеке,
Рябина вдруг нарисовалась,
Покой витает в воздухе.

И все становится понятно:
Нельзя в палитре «вырвать» цвет,
Сегодня жить тепло, приятно,
А завтра нас, быть может, нет.

Поэтому достанем краски,
Смешаем разные цвета,
Срывая прозвища и маски,
Ведь с ними жизнь совсем не та...

* * *

Я хочу, чтобы свет никогда не увидел тьму,
Чтобы чистое сердце озлобиться не смогло,
Мы живём, чтобы жить,
а не чтоб начинать войну.
Жизнь и так коротка. Так зачем умножать на зло?

За окном кричат дети, и птицы летят на юг
В облаках, как свинец, расплзлась ледяная взвесь,
И на свете нет дела, чтобы не хватило рук,
И на свете нет песен, чтоб мы не смогли допеть...

Я хочу, чтобы свет никогда не увидел тьму,
Чтобы нёс он добро, озаряя собой пути.
Чтобы каждый из нас, если тянут его ко дну,
Понимал, что он свет и умел сам себя спасти.

г. Тюмень

НЕМНОГО СМИРЕНИЯ

Где-то море не видело солнца,
Там же вечность угасла вдали,
И любовь одиноко смеётся,
И корабль кренит на мели.

Горизонт побеждает печали,
И звезда оклеймила тоску,
Вы такое

когда-то встречали:

Как рассвет обнимает зарю,

Или солнце в луне заискриться,
А ветра не разгонят туман,
Где пески с облаками венчают
Нелюбовь и постыдный обман?

Где осколки свинца раскроили –
Вены мёрзлой югорской земли,
И унылый припай окропили –
Воды Карского моря вдали.

Там на шельфе не пенятся волны
И сливается Пур с мерзлотой.
Енисейский залив нежит омуль
И гуляет бездушный покой.

Ты такого

нигде не увидишь

Отрешённость и пустота.
Улыбается северной вьюгой
Мне любовь без мечты и тоска.

В РИТМЕ ДЖАЗА

Порвала любовь меня на части,
Сбросив нервно со скалы,
И казнила беспощадно страстью,
Возвращаясь ночью тёмной

В сны.

Становилось утро всё красивей,
Свежестью, сияя на губах,
Только счастье уходило, милый,
Растворяя слёзы

на стихах.

Бесконечные растаяли обиды,
А печаль, сокрытая от всех,
Душу обнажённую увидев,
Снова обернулась

в снег...

Сохраню за пазухой от сглаза,
Чтобы не попасть в капкан,
Чувства, что заплачут в ритме джаза,
В сердце застучат,

как в барабан.

Пропустив финал,

я многоточья,

Без причины раскидаю по судьбе,
Сочиня блюз, рву ритмы в клочья,
Начиная только

с ноты «ре»...

* * *

Полюбив,
я тебя не забуду,
Как янтарное нежное солнце,
Как весеннее раннее утро,
Засияешь в моём оконце.

В жарко – знойное лето,
Или лютой, холодной зимой,
Ночью тёмной, с уютным светом
Заживём душа в душу с тобой.

А пока мир мрачнее тучи.
Одиночества душат оковы...
Маяком на высокой круче,
Я машу тебе снова и снова.

Без любви человек на грани,
И судьба монотонно-странная,
Словно птица – стрелой подрана.
Жду тебя,
моя жизнь многогранная.

Пусть молва не поймёт и осудит.
Поплывут по селу пересуды.
Будет так, ну что?

Пускай будет!

Полюбив,
я тебя не забуду.

г. Краснодар

Ксения ЖИЛИНА

ГДЕ СТРАНСТВУЕШЬ ТЫ, СПУТНИК МОЙ?

Где странствуешь ты, спутник мой?
В каких мирах ты ищешь счастье?
Ведь я, возможно, в твоей власти –
Жду нашей встречи под луной.

Ни кровь, ни терпкое вино,
А свет луны пью искушённый,
И мой бокал опустошённый
Предупредит: «Любить грешно».

О, как волшебна эта ночь –
Пора любви иль расставаний?
Как хочется сейчас признаний,
Таких, что раньше и точь-в-точь...

Давай уйдем с тобой в рассвет,
Державшись за руки, за эхом?
Борясь с эмоциями, смехом,
Я напишу о нас сонет.

Мы не любители Шопена,
Для нас релакс – тяжёлый рок!
Авантюризма краток срок,
Но вечен дар твоего плена.

Всё странствуешь ты, спутник мой?
Тогда пошлю тебе в конверте
Воспоминанья о концерте
И фото, где близки с тобой...

ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ...

Там, где нас нет, блестит лесное озерцо,
И дом стоит вдали от серых будней.
За ним сосновый лес, поляна с чабрецом,
Раскину здесь, пожалуй, я этюдник.
Я нарисую акварелью свою жизнь,
Где соловей насвистывает дивно трели.
И удочки закину в озерцо, скажу: *Ловись!*
Рыбалка, утро, борей едва колышет ели.

Найдётся ль тот, кто сможет разделить,
Со мною часть весёлых летних красок?
А может веру мне в любовь вселит,
Без всяких ложных театральных масок?
Я буду рисовать до утренней зари,
Безудержно фантазию плесну в этюдник.
Что на холсте, то и со мною по пути,
Как светит в небе верный лунный спутник...

БЫВАЕТ ПРОСТО ТАК...

Бывает просто так, родятся где-то мысли.
И, кажется пустяк, но день без них немыслим.
Бывает просто дождь, идёт, стучит по крыше.
Меня ты позовёшь, и станем с тобой ближе.

Под ливень босиком, помчимся по асфальту.
И где-то грянет гром, доверимся азарту.
Бывает просто так, родятся где-то чувства.
Другие спросят: Как? Дойдите до безумства!

г. Ялуторовск, Тюменская область

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андриянова Татьяна	158, 280
Барышникова Ирина	249
Болеева Лариса/Лара Парус	312
Вершинина Наталья	123
Гачкевич Григорий	264
Губина Ольга	278
Дулова Елена	86, 246
Жилина Ксения	316
Журавлёва Лидия	117
Журавский Александр	71
Замышляева Галина	244
Змановская Ирина	157, 260
Ивлева Полина	310
Карелина Лариса	76
Кириллов Игорь/Северский	66
Комар Анатолий	160
Кудинова Надежда	306
Кузнецов Вадим	223
Лапина Татьяна	152, 283
Лексина Нина	68
Лыткина Любовь/Миляева	254
Мазкова Александра/Аля Архангельская	209
Манаева Галина	26
Мартынова Вера	298
Медведев Михаил	188
Меркушина Елизавета	154
Мир-Хайдаров Рауль	168
Моор Светлана/Вета Моор	79
Неряхина Любовь/Любовь Сокол	197
Норд Геннадий	46

Овчинникова Юлиана	296
Петрова Юлия	93
Печёнкина Светлана/Хохлова	293
Рыжова Маргарита	142
Сладкова Маргарита	138
Соломаха Евгений	165
Сошникова Любовь/Баженова	106, 206, 258
Титова Светлана	114, 286
Ткаченко Александр/Артур Томский	302
Ткаченко Людмила/Мила Романова	190
Флегентова Галина/Шпрингер	242, 292
Хабушева Татьяна/Тат Яна	120, 237
Хамидуллина Вера	17
Целых Сергей	135
Шамсутдинов Николай	5, 250

СОДЕРЖАНИЕ

«Студёная звезда глухонемых времён...» статья, С.А. Золотцев....	3
Поэт Николай Шамсутдинов	5
Гость альманаха Вера Хамидуллина	17
«Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы»	25
«В судьбу, в детей, во внуков прорастая» статья, Г.П. Манаева	26
«Чайка степная, о чём ты поведаешь нам?..», статья, А.Е. Журавский	42
«Минута – и стихи свободно потекут»	45
Гость рубрики Геннадий Норд	46
«О чём, прозаик, ты хлопчешь?»	167
Гость рубрики Рауль Мир-Хайдаров	168
«И назовёт меня всяк сущий в ней язык»	245
Гость рубрики Елена Дулова	246
«Откуда ты, прекрасное дитя?»	257
«О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!».....	285
«Лейся песня!»	291
«Здравствуй, племя младое, незнакомое»	295
Алфавитный указатель	318
Содержание	319

Литературно-художественный альманах

ГИПЕРБОРЕЙ

№3(6) 2021

**Автор идеи и куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей**

Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru

Ответственный за выпуск:
Ткаченко Людмила Николаевна

Литературные произведения и тексты в авторской редакции.
Сохранены особенности пунктуации и орфографии авторов.

Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована репродукция картины
известного русского художника Угланова А.Б.

Подписано в печать 18.09.2021
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 250. Заказ №1454

Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru

УГЛАНОВ Александр Борисович

родился в 1960 году в городе Тверь. В 1979 году закончил художественное училище им. Венецианова. Участвовал в выставках городского, областного, республиканского уровней, в зарубежных выставках. Часть работ находятся в частных коллекциях стран: России, Беларуси, Польши, Греции, Германии и Франции.

Многие художники посвящают свою творческую жизнь изображению женских образов, и лишь маленькая часть углубляется в изучение истории, и воссоздаёт образы давно прожитых времён. Литературно-художественный альманах «Гиперборей» представляет на обложке каждого номера очередную картину художника-живописца, который имеет свою неповторимость и своеобразную индивидуальность. Чарующий мир образов полотен художника наполнен волшебными красками и повествует о сказочной Гиперборее – древней Руси. На обложке настоящего альманаха – репродукция картины «Берегиня», несущая специфическую нагрузку оберега Мира.

**Авторский сайт художника-гиперборейца:
uglanov-tver.ru**

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2021